IV. A. 7.

БИБЛІОТЕКА ЭКОНОМИСТОВЪ.

АДАМЪ СМИТЪ.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ О БОГАТСТВѢ НАРОДОВЪ.

Переводъ М. Щепкина.

Изданіе К. Т. Солдатенкова.

Вып. I

МОСКВА.
Типографія М. Г. Волчанинова, Б. Чернышевск. пер., д. Пустошкина,
1895.

1053
25-

357270
~~357217~~

Адамъ Смитъ.

Фототипія Шереръ, Набгольцъ и К° въ Москвѣ

Отъ редакціи.

Въ послѣднее время очень настойчиво высказалась въ обществѣ потребность въ *самообразованіи*, потребность посредствомъ систематическаго чтенія пополнить пробѣлы своего образованія. Если лица, окончившія курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, пріобрѣли нѣкоторый навыкъ для выбора и изученія книгъ, могущихъ удовлетворить этой потребности по разнымъ отдѣламъ наукъ, то лица, не учившіяся далѣе среднихъ школъ, или не получившія никакого строгаго, систематическаго образованія, будучи предоставлены только своей любознательности, должны оказаться въ положеніи почти безпомощномъ.

Какъ рѣшительно сказывается теперь эта потребность въ самообразованіи, видно, между прочимъ, изъ слѣдующаго примѣра. Изданныя въ концѣ прошлаго года письма проф. Н. И. Карѣева къ молодежѣ и составленныя „коммиссіей по организаціи домашняго чтенія“ программы въ самое короткое время были, можно сказать, расхватаны публикой и теперь вышли уже вторымъ изданіемъ. Поучительно, что первое изданіе „Программъ“, въ числѣ 4.800 экз., разошлось сполна въ теченіе одного мѣсяца. Проф. Карѣевъ, не принимая на

себя никакихъ практическихъ задачъ, изложилъ въ названной книжкѣ только свои воззрѣнія на то, къ какимъ цѣлямъ должно стремиться самообразованіе. Коммиссія, на-оборотъ, задалась разрѣшеніемъ чисто-практическихъ задачъ: какъ, какими средствами можно удовлетворить назрѣвшей въ немъ общественной потребности. Здѣсь важно было узнать, что первыя обращенія къ публикѣ и проф. Карѣева, и коммиссіи встрѣтили въ самыхъ разнообразныхъ слояхъ общества въ высшей степени сочувственный пріемъ, выразившійся въ огромной массѣ всевозможныхъ запросовъ по выбору книгъ разныхъ спеціальностей и послѣдовательности ихъ изученія. Установленная коммиссіей „форма письменныхъ сношеній съ читателями“, безъ сомнѣнія, облегчить ей не легкую задачу—стать не только руководительницей въ домашнемъ чтеніи, но и посредницей въ снабженіи ихъ книгами „на льготныхъ условіяхъ“.

Обстоятельно, хотя еще и далеко не полно составленныя коммиссіей программы по шести отдѣламъ наукъ, сопровождаемыя многими солидными объясненіями спеціалистовъ, даютъ читателямъ въ первый разъ надежное руководство въ этомъ высоко полезномъ дѣлѣ. Но коммиссія сама не закрываетъ глазъ на ожидающія ее трудности и справедливо надѣется, что сочувствіе общества, такъ горячо встрѣтившаго ея предпріятіе, „дастъ ей силы справиться“ съ этими трудностями.

Здѣсь, на первыхъ порахъ выдвигаются слѣдующія два затрудненія.

Прежде всего, хотя коммиссія и задалась въ своихъ программахъ мыслію рекомендовать по пре-

имуществу русскія сочиненія, оригинальныя и переводныя, однако эта мысль не могла быть исполнена ею въ желанной полнотѣ просто потому, что отечественная литература далеко не по всѣмъ отраслямъ знаній располагаетъ достаточнымъ числомъ вполнѣ подходящихъ для „домашняго чтенія" книгъ. Этотъ недостатокъ выступаетъ во многихъ мѣстахъ составленныхъ коммиссіей программъ, а на стр. 6-й предисловія объ отдѣлѣ математическихъ наукъ прямо говорится, что коммиссія „принуждена была отложить введеніе этого отдѣла до будущаго времени въ виду полнаго отсутствія на русскомъ языкѣ подходящихъ руководствъ". По другимъ отдѣламъ, болѣе обеспеченнымъ такими пособіями, рядомъ съ сочиненіями на русскомъ языкѣ, рекомендуется не мало иностранныхъ книгъ. Съ указаннымъ сейчасъ затрудненіемъ нельзя не считаться тѣмъ болѣе, что такъ рѣшительно высказавшееся стремленіе общества пополнить свое образованіе не всегда сопровождается достаточнымъ знаніемъ иностранныхъ языковъ, къ сожалѣнію, даже въ средѣ лицъ, окончившихъ курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Съ другой стороны, ученая литература по нѣкоторымъ отраслямъ знаній разрослась до такихъ громадныхъ размѣровъ не только въ отношеніи количества спеціальныхъ сочиненій, но и объема нѣкоторыхъ изъ нихъ, что для лицъ, не приготовленныхъ къ серьезному, самостоятельному изученію, бываетъ очень трудно справиться съ избранными для чтенія слишкомъ объемистыми сочиненіями. Читателю приходится тратить очень много времени на прочтеніе отдѣловъ или главъ, имѣющихъ от-

даленное отношеніе къ его спеціальной цѣли, прежде чѣмъ остановиться на такихъ частяхъ сочиненій, которыя представляются безусловно необходимыми по признанію руководящей его занятіями коммиссіи. Такое положеніе заставляетъ коммиссію съ чрезвычайною предупредительностью отмѣчать въ своихъ программахъ не только главы, отдѣлы и параграфы рекомендуемыхъ ею сочиненій, но даже и отдѣльныя страницы ихъ, какъ это сдѣлано, напримѣръ, въ отдѣлѣ первобытной культуры, съ сочиненіями Тайлора и Липперта. Въ виду этой необходимости приходится волей-неволей приняться за не легкій трудъ составленія приспособленныхъ къ „домашнему чтенію“ изданій. Коммиссія уже сдѣлала починъ въ этомъ дѣлѣ и, конечно, должна будетъ значительно расширить это новое предпріятіе. Такъ, въ программѣ по исторіи перечислены многія пособія на русскомъ языкѣ, а между тѣмъ для исторіи Греціи и Рима пройдены молчаніемъ капитальныя сочиненія Курціуса и Моммсена, хотя они и переведены на руссчій языкъ, а взамѣнъ ихъ рекомендуются: „Исторія Греціи со временъ Пелопонезской войны“. *Сборникъ статей*, составленный Н. Н. Шаманинымъ; — „Римская исторія. I. Царскій періодъ и республика. По Моммсену“. *Переводъ* А. К. Кедрова; — „Римская исторія. II. Имперія“. *Сборникъ статей*. Переводъ А. С. Милюковой. Эти три сочиненія, которыми открывается издательская дѣятельность коммиссіи, уже печатаются и войдутъ въ составъ предпринятой ею „Библіотеки для самообразованія“.

Все изложенное здѣсь о дѣятельности коммиссіи имѣетъ прямое отношеніе къ нашему изданію, которое стремится къ той же цѣли самообразованія. при чемъ одна изъ главныхъ заботъ издателей заключается въ устраненіи указанныхъ затрудненій. Скажемъ нѣсколько словъ въ объясненіе этого новаго предпріятія—какъ, въ какомъ видѣ оно задумано и какъ предполагается исполнить его.

Дѣло въ томъ, что предпринятое въ послѣдніе годы въ Парижѣ изданіе—Petite bibliothèque économique français et étrangère, подъ общею редакціей Ж. Шайллея (Chailley), вполнѣ соотвѣтствуетъ потребностямъ въ самообразованіи Задача этого предпріятія заключается въ томъ, чтобы издать на французскомъ языкѣ выдающихся писателей по политической экономіи и при томъ въ краткихъ изложеніяхъ тѣхъ частей избранныхъ для сего сочиненій, которыми эти писатели сдѣлали цѣнные вклады въ науку. При этомъ принято за правило —передавать эти извлеченія не *своими словами*, а въ дословныхъ выпискахъ, цѣльными главами, параграфами, отдѣлами, или даже страницами, исключая изъ сочиненій каждаго писателя все то, что было полнѣе или вѣрнѣе разработано другими экономистами *), или что вообще представляется слишкомъ спеціальнымъ или не имѣющимъ выдающагося значенія. Такъ, напримѣръ, извлеченія изъ обширныхъ „Изслѣдованій“ Адама Смита, занимающихъ въ русскомъ переводѣ П. А. Бибикова три объ-

*) Такъ, изъ первой книги „Изслѣдованій“ Смита исключена обширная глава о рентѣ; но воззрѣнія его на этотъ предметъ подробно разсмотрѣны въ выпускѣ, посвященномъ Рикардо.

емистыхъ тома, помѣстились на 17 листкахъ французскаго изданія, при чемъ сюда вошли всѣ важнѣйшія положенія, открытія и разсужденія знаменитаго основателя политической экономіи въ томъ видѣ, какъ они изложены имъ въ двухъ первыхъ книгахъ сочиненія. Изъ трехъ остальныхъ книгъ, не имѣющихъ рѣшающаго значенія въ общемъ ученіи Смита, приведены только нѣсколько отрывковъ. Каждый выпускъ „Маленькой Библіотеки", въ объемѣ до 20 печатныхъ листовъ, въ форматѣ 32, посвященъ отдѣльному писателю и обработанъ особымъ редакторомъ-экономистомъ, принимающимъ на себя отвѣтственность за вѣрную передачу издаваемаго сочиненія. Каждому такому выпуску предпослана редакторомъ біографія избраннаго писателя и оцѣнка его сочиненій по большей части въ связи съ историческими условіями, среди которыхъ онъ дѣйствовалъ.

Наконецъ, къ каждому выпуску приложенъ портретъ писателя.

Цѣна французскаго изданія, разсчитаннаго на массу публики, назначена дешевая—2 фр. за выпускъ въ бумажной обложкѣ и 2 фр. 50 с. въ переплетѣ. У насъ въ Москвѣ онъ продается по 95 к., по 1 р. и по 1 р. 20 к.

Къ сожалѣнію, заслуженная издательская фирма Гильомена, напечатавшая, кажется, уже 16 выпусковъ этого изданія, не обнаружила достаточной системы въ выборѣ сочиненій, что́ можно видѣть изъ слѣдующаго перечня изданныхъ выпусковъ:

Вобанъ, подъ редакціей Жор. Мишеля.
Бентамъ, „ Г-жи Раффаловичъ.
Давидъ Юмъ, „ Леона Сэ.

Ж.-Б. Сэ,	подъ редакціей	Г. Бодрильяра.
Адамъ Смитъ,	„	М. Курсель-Сенёля.
М. Сюлли,	„	Жор. Шайллея.
Давидъ Рикардо,	„	П. Борегара.
Тюрго,	„	І. Робино.
Дж. Ст. Милль,	„	Леона Роке.
Бастіа,	„	Альф. Фовилля.
Мальтусъ,	„	Ж. де-Молинари.
Шарль Фурье,	„	Ш. Жида.
Ле-Плэ,	„	Ф. Обюртена.
Кобденъ,	„	Леона Сэ.
Карлъ Марксъ,	„	Вильфредо Парето.
А-Л. Лавуазье,	„	Ж. Шелле и Э. Грили.

Приступивъ къ изданію этой библіотеки въ русскомъ переводѣ, мы признали полезнымъ внести нѣкоторый порядокъ относительно послѣдовательнаго выхода книжекъ. Такъ, для начала нашего предпріятія мы остановились на изданіи сочиненій: Адама Смита, Мальтуса, Рикардо и Милля, за которыми непосредственно послѣдуютъ Юмъ и Бентамъ. Двѣ главныя причины побудили насъ къ такому выбору. Во-первыхъ, названные экономисты служатъ главными представителями англійской школы и при томъ дѣйствовали всѣ, за исключеніемъ Милля, почти въ одно время, въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Во-вторыхъ, Смитъ и Рикардо безспорно должны быть признаны и по существу дѣла главными основателями экономической науки, а Мальтусъ своимъ знаменитымъ опытомъ о народонаселеніи ближе всѣхъ примыкаетъ къ нимъ; слѣдовательно, правильнѣе всего было и открыть ихъ сочиненіями длинную серію экономистовъ. Издавая теперь Смита, мы спѣшимъ

предупредить читателей, что Мальтусъ почти отпечатанъ и долженъ выйти въ самомъ не продолжительномъ времени; Рикардо также печатается; за нимъ безостановочно послѣдуетъ и Милль. Что касается до Юма и Бентама, то мы надѣемся издать ихъ также въ теченіе наступающей весны. Къ будущей осени будетъ приготовлена вторая серія — французскихъ экономистовъ, открывающаяся представителями физіократіи, Кенэ и Тюрго, за которыми послѣдуетъ Жанъ Батистъ Сэ, старѣйшій изъ французскихъ экономистовъ-учителей, и Бастіа. Дальнѣйшій выходъ нашихъ выпусковъ будетъ зависѣть отъ успѣховъ французскаго изданія.

Таковъ общій планъ нашего изданія.

Въ основу русскаго перевода англійскихъ экономистовъ положенъ французскій текстъ, установленный для извѣстнаго изданія Гильомена. Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ текстъ, по отношенію къ нѣкоторымъ писателямъ, не отличается вполнѣ строгою точностью въ передачѣ оригинала. Но провѣрка этого текста съ другими переводами убѣдила насъ въ томъ, что онъ не грѣшитъ такими ошибками, которыя заставили бы отнестись къ нему съ не заслуженнымъ пренебреженіемъ, а большое достоинство этого перевода состоитъ въ томъ, что онъ передаетъ даже труднѣйшихъ для изученія писателей въ такой простой и ясной формѣ, что дѣлаетъ ихъ доступными для людей, спеціально не приготовленныхъ къ изученію политической экономіи. Само собою разумѣется, что спеціалисты не станутъ обращаться къ переводамъ, а воспользуются

непосредственно оригиналами. Въ предѣлахъ нашей задачи французскій переводъ, изданный Гильоменомъ и свѣренный съ переводами на другихъ языкахъ, является вполнѣ цѣлесообразнымъ.

Ко всему сказанному небезполезно прибавить еще слѣдующее. Строго придерживаясь французскаго изданія, мы однако не возлагаемъ на себя непремѣнной обязанности ни на іоту не отступать отъ его текста. Напротивъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ интересъ русскихъ читателей потребуетъ дополненія французскаго изданія отдѣльными главами и параграфами, что представится необходимымъ для того, чтобы сообщить читателямъ болѣе цѣльное представленіе о томъ или другомъ писателѣ. Точно также мы не станемъ отказываться отъ самостоятельной работы надъ нѣкоторыми сочиненіями, не вошедшими въ составъ французской библіотеки, стараясь, разумѣется, не нарушить размѣровъ изданія. Такая работа потребуется, вѣроятно, теперь же. Въ первой серіи экономистовъ редакторомъ французской библіотеки были обѣщаны, между прочимъ, сочиненія Кенэ, одного изъ основателей физіократіи. Теперь явилось уже болѣе 15 выпусковъ этого изданія, вышли уже и сочиненія Тюрго, талантливѣйшаго изъ физіократовъ, а между тѣмъ о Кенэ ничего не слышно. И вотъ, чтобы не задержать изданія писателей одного направленія, намъ придется, вѣроятно, приступить къ изданію сочиненій Кенэ и другихъ физіократовъ, не дожидаясь появленія ихъ во французской библіотекѣ.

Что касается спеціально до настоящаго выпуска, которымъ открывается наше изданіе, то сказать о

немъ приходится не много. Сочиненіе Смита предлагается здѣсь въ томъ самомъ видѣ, какъ оно напечатано въ „Маленькой Библіотекѣ“, безъ всякихъ измѣненій и сокращеній. Въ интересахъ же русскихъ читателей мы признали полезнымъ сдѣлать слѣдующія два дополненія:

1. Пользуясь обширнымъ предисловіемъ Ж. Гарнье, приложеннымъ къ большому изданію Гильомена, мы составили „Систематическое изложеніе ученія Адама Смита“. Задача этой статьи заключается въ томъ, чтобы восполнить извѣстный недостатокъ „Изслѣдованій“ знаменитаго автора, состоящій въ отсутствіи строгаго метода и послѣдовательности въ изложеніи его ученія, часто прерываемаго очень обширными отступленіями, которыя, хотя и представляетъ собою очень цѣнныя спеціальныя работы, не находятся, однако, въ тѣсной связи съ общимъ ученіемъ Смита и значительно отвлекаютъ въ сторону вниманіе читателей.

2. Второе дополненіе состоитъ изъ подробнаго „Содержанія Изслѣдованій“, такъ-сказать изъ конспекта ихъ, изложеннаго въ томъ самомъ порядкѣ, какой былъ принятъ самимъ Смитомъ. Это дополненіе, по нашему мнѣнію, можетъ дать цѣльное понятіе о полномъ составѣ знаменитаго сочиненія, тѣмъ болѣе, что въ составъ издаваемаго выпуска вошли только важнѣйшія положенія основателя политической экономіи, изложенныя имъ лишь въ первыхъ двухъ книгахъ „Изслѣдованій“. Странно было бы пройти молчаніемъ остальныя три обширныя книги, тѣмъ болѣе, что многія вошедшія въ составъ ихъ статьи имѣютъ выдающееся значеніе.

Наконецъ, для дополненія и разъясненія нѣкоторыхъ мнѣній и положеній Смита въ нашемъ выпускѣ помѣщены болѣе важныя подстрочныя примѣчанія извѣстныхъ экономистовъ, заимствованныя изъ полнаго изданія Гильомена.

3 марта 1895 г.

Редакторы: *М. П. Щепкинъ.* — *И. А. Вернеръ.*

Предисловіе къ французскому изданію.

Нашъ маленькій томъ состоитъ изъ выписокъ, сдѣланныхъ изъ „Изслѣдованій" Адама Смита и заимствованныхъ изъ тѣхъ частей этого сочиненія, которыя, по нашему мнѣнію, наиболѣе поучительны и оригинальны. При этомъ мы совсѣмъ исключили обширныя „отступленія" и многія главы, которыя могли бы утомить вниманіе читателя, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ мы привели просто отдѣльные, болѣе интересные отрывки. Если мы ничего не заимствовали изъ послѣдней части сочиненія, относящейся къ разбору системъ политической экономіи и разныхъ фискальныхъ теорій, то потому, что изложенныя въ этой части „Изслѣдованій" воззрѣнія окончательно восторжествовали, во мнѣніи всѣхъ просвѣщенныхъ людей, надъ теоріями и практикой, осужденными авторомъ. Господствовавшія до Адама Смита и побѣдоносно опровергнутыя имъ воззрѣнія еще имѣютъ нѣкоторый вѣсъ у людей малообразованныхъ и находятъ себѣ защиту у тѣхъ, которые руководствуются въ своихъ сужденіяхъ только личнымъ интересомъ. Наше изданіе не разубѣдило бы ни тѣхъ, ни другихъ.

За основаніе изданія принятъ текстъ французскаго перевода Жерм. Гарнье *), усвоенный многими французскими изданіями „Изслѣдованій“ Смита. При этомъ исключены всѣ подстрочныя примѣчанія, которыми снабжены эти изданія: мы хотѣли представить читателю одинъ только текстъ Ад. Смита въ его чистомъ видѣ.

Что касается до плана полнаго сочиненія, то намъ казалось безполезнымъ излагать его послѣ вступительныхъ объясненій самого автора. Мы предпочли напечатать только „содержаніе“ сочиненія въ томъ видѣ, какъ оно было составлено Жоз. Гарнье.

---

*) Этотъ текстъ вошелъ въ изданіе Des principaux économistes Гильомена 1843 г. и въ послѣдующее изданіе 1859 г.

Жизнь и труды Адама Смита *).

I.

Жизнь знаменитаго философа, которому политическая экономія обязана своимъ основаніемъ, вся раскрыта въ его сочиненіяхъ. Столь простая и содержательная жизнь его не оставила бы по себѣ никакихъ слѣдовъ, если бы это зависѣло отъ самого Смита, потому что скромность его равнялась его знаніямъ, можно сказать — его генію. О дѣтствѣ его почти ничего неизвѣстно; мы знаемъ только, что онъ былъ очень слабаго здоровья и что однажды случилось съ нимъ происшествіе, поднявшее большую тревогу. Когда Смиту было три года, онъ былъ

*) Передъ нами двѣ замѣтки о жизни и трудахъ Адама Смита. Одна написана еще въ 1842 г. извѣстнымъ авторомъ „Исторіи политической экономіи", А. Бланки, и приложена къ французскому переводу „Изслѣдованій", сдѣланному Жерменомъ Гарнье. Другая замѣтка составлена Курсель-Сенелемъ собственно для перваго выпуска „Маленькой экономической библіотеки", которая издается теперь въ русскомъ переводѣ. Предлагаемый здѣсь краткій очеркъ жизни и произведеній великаго Шотландца составляетъ переводъ первой изъ названныхъ замѣтокъ, отличающейся большою искренностью и не поддѣльнымъ жаромъ при оцѣнкѣ великаго значенія Смита. Что касается до замѣтки Курсель-Сенеля, то изъ нея заимствована та часть, гдѣ говорится объ отношеніяхъ Адама Смита къ физіократамъ.

украденъ бродягами, мастеровыми - мѣдниками изъ цыганъ, успѣвшими скрыться въ лѣсу, гдѣ однако, отбили у нихъ мальчика. Деревнѣ Киркальди, Файфскаго графства, въ Шотландіи, выпала честь быть колыбелью великаго экономиста: онъ родился 5 іюня 1723 года, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ смерти отца своего, занимавшаго должность таможеннаго контролера. Первоначальное образованіе юный Адамъ Смитъ получилъ въ школѣ своего роднаго города, подъ руководствомъ опытнаго учителя, Давида Миллера, и съ раннихъ поръ отличался, какъ и всѣ избранныя натуры, большою любовью къ труду, къ чтенію и замѣчательною памятью. Слабое здоровье не позволяло ему участвовать въ играхъ дѣтей, его сверстниковъ; вообще же хотя онъ держался въ сторонѣ отъ товарищей, однако они любили его за его кроткій нравъ. Онъ былъ всегда задумчивъ и разсѣянъ, иногда вслухъ говорилъ самъ съ собою—привычка, которую сохранилъ до конца своей жизни. Четырнадцати лѣтъ онъ оставилъ школу въ Киркальди, чтобы вступить въ глазговскій университетъ. Тамъ пробылъ онъ три года и въ этотъ короткій періодъ его юности никто не зналъ, въ чемъ состояли его любимыя занятія. Только съ 1740 г., со времени поступленія своего въ Бальольскую школу въ Оксфордѣ, будущій экономистъ вполнѣ отдался математикѣ и занятіямъ такъ-называемою англичанами *натуральною философіей*. Но скоро онъ оставилъ эти занятія и сталъ изучать нравственные и политическіе вопросы.

Кажется, что родные, предназначали Адама Смита къ духовному званію. Но по тому ли, что онъ не чув-

ствовалъ къ нему никакого призванія, или потому что раннее чтеніе философскихъ книгъ отвратило его отъ этого званія, онъ съ жаромъ отдался литературѣ, въ которой вполнѣ господствовалъ тогда насмѣшливый, скептическій тонъ, представителями котораго были Вольтеръ во Франціи и Юмъ въ Англіи. Адамъ Смитъ много разъ подвергался упрекамъ правовѣрныхъ представителей университета за свое влеченіе къ такимъ опаснымъ ученіямъ. Но черезъ семь лѣтъ послѣ своего пребыванія въ Оксфордѣ онъ сталъ свободнымъ мыслителемъ, и философія его освободилась отъ школьной рутины, а вмѣстѣ съ нею и отъ доктринъ знаменитаго тогда профессора гласговскаго университета, доктора Гутчесона, который былъ его первымъ учителемъ. Надо думать, что именно съ этого времени проявились его симпатіи къ историку-экономисту Юму, съ которымъ онъ былъ потомъ связанъ горячею и искреннею дружбою, сохранившеюся до конца ихъ жизни. Часы досуга Адамъ Смитъ посвящалъ изученію новыхъ языковъ, въ особенности французскаго, и это знакомство не мало содѣйствовало потомъ его сближенію съ *экономистами* и *энциклопедистами* восемнадцатаго вѣка. Біографы Смита мало обратили вниманіе на это важное обстоятельство, которое однако имѣло громадное вліяніе на его геній и которому мы обязаны, можетъ быть, философскимъ и преобразовательнымъ направленіемъ его произведеній. Точно также нѣсколько лѣтъ спустя Гускиссонъ, самый славный изъ его учениковъ, вывезъ изъ своей поѣздки въ Парижъ сѣмена экономическихъ преобразованій, которыми имѣлъ счастье одарить свою родину.

Послѣ семилѣтняго пребыванія своего въ Оксфордѣ Адамъ Смитъ возвращается въ Шотландію къ своей матери и въ 1748 г. поселяется въ Эдинбургѣ, гдѣ на его лекціи по литературѣ стекаются многочисленные слушатели. Нѣкоторые слѣды этихъ чтеній замѣтны въ реторикѣ Блера, который много заимствовалъ изъ нихъ, не указавъ источника этихъ заимствованій; однако и изъ того, что было указано имъ, можно получить достаточное понятіе о простомъ и строгомъ методѣ изложенія шотландскаго экономиста. Читанный имъ тогда курсъ имѣлъ такой успѣхъ, что въ 1751 г. Адамъ Смитъ былъ приглашенъ въ Глазговъ на каѳедру логики, а черезъ годъ—на каѳедру нравственной философіи, прославленную профессоромъ Гутчесономъ. Тамъ преподавалъ Смитъ въ теченіе тринадцати лѣтъ, и аудиторія его была еще многочисленнѣе, чѣмъ въ Эдинбургѣ: слушатели стекались къ нему со всѣхъ концовъ Англіи и Шотландіи; въ обществѣ только и говорили, что о лекціяхъ молодого профессора, проложившаго совсѣмъ новые пути изслѣдованія и, если вѣрить свидѣтельству современниковъ, заставившаго скоро забыть его предшественниковъ. Но Адамъ Смитъ не былъ краснорѣчивъ, не былъ способенъ пробудить въ аудиторіи порывъ чувствъ, вызывающихъ энтузіазмъ: рѣчь его, медленная и слишкомъ простая, отличалась только ясностью. Но эта ясность была такъ велика, положенія, которыя развивалъ профессоръ, подтверждались такимъ богатствомъ фактовъ и были преисполнены такого тонкаго остроумія, что аудиторія поневолѣ заслушивалась его вдохновенной рѣчью. Съ каѳедры глазговскаго университета Адамомъ Смитомъ было положено

первое основаніе его великой славы; во время служенія этому университету имъ были собраны матеріалы для двухъ великихъ твореній его: „Теоріи нравственныхъ чувствъ“ и „Изслѣдованій о богатствѣ народовъ“.

Хотя курсъ нравственной философіи дѣлился на четыре части, однако въ основѣ его лежали два главныхъ положенія: одно чисто метафизическое, другое экономическое. Теологія скоро превратилась у него, если это можно назвать превращеніемъ, въ курсъ практической морали, а разсужденія о причинахъ благоденствія народовъ сами собою преобразились въ курсъ политической экономіи, которая стала точкою отправленія всѣхъ другихъ изслѣдованій его. Этотъ союзъ двухъ областей, совершенно новый въ лѣтописяхъ науки о богатствѣ, долженъ былъ независимо отъ открытій, совершенныхъ геніальнымъ умомъ Смита, упрочить за нимъ безспорное превосходство надъ его предшественниками. Ставъ на рубежѣ двухъ міровъ, нравственнаго и матеріальнаго, тамъ, гдѣ соприкасаются эти два великіе предмета изслѣдованій, шотландскій философъ явилъ себя блистательными открытіями, болѣе глубокими однако въ области экономической, чѣмъ въ нѣдрахъ метафизики. Вся философія, развитая имъ въ „Теоріи нравственныхъ чувствъ“, основана на наблюденіи надъ чувствами, вытекающими изъ симпатіи и антипатіи, въ силу которыхъ мы сострадаемъ извѣстнымъ бѣдствіямъ и отдаемся извѣстнымъ наслажденіямъ совершенно также, какъ чувствуемъ отвращеніе къ извѣстнымъ людямъ и извѣстнымъ предметамъ. Эта теорія, не совершенная во многихъ отношеніяхъ, какъ и всѣ философскія

системы, произвела однако большое впечатлѣніе, когда появилась въ первый разъ въ 1759 г. *).

До того времени Адамъ Смитъ ничѣмъ не заявилъ себя какъ писатель, извѣстны же были только двѣ статьи его, напечатанныя въ одномъ обозрѣніи, которое прекратилось послѣ изданія второго выпуска. Одна изъ этихъ статей, посвященная разбору большого словаря Джонсона, была замѣчена по полнотѣ и тонкости разработки предмета. „Теорія нравственныхъ чувствъ“ и скоро послѣдовавшее за нею „Разсужденіе о происхожденіи языковъ“ поставили глазговскаго философа очень высоко въ общественномъ мнѣніи.

Менѣе чѣмъ черезъ четыре года послѣ того, какъ Адамъ Смитъ вернулся въ Глазговъ, ему предложе-

---

*) Вотъ въ какомъ шутливомъ письмѣ другъ Адама Смита, Юмъ, давалъ ему отчетъ объ успѣхѣ „Теоріи нравственныхъ чувствъ“: „Любезный Смитъ, расположите душу вашу къ спокойствію; покажите себя практическимъ философомъ, какимъ я знаю васъ на самомъ дѣлѣ; подумайте о легкомысліи и безразсудствѣ обычныхъ людскихъ сужденій и помните, что Фокіонъ всегда подозрѣвалъ, что сказалъ какую нибудь глупость, когда толпа привѣтствовала его рукоплесканіями. Предполагая, что, благодаря этимъ размышленіямъ, вы готовы теперь ко всему, я спѣшу, наконецъ, объявить вамъ, что вашу книгу постигла самая печальная участь, потому что публика располагаетъ, кажется, привѣтствовать ее съ чрезмѣрнымъ одобреніемъ. Съ нетерпѣніемъ ожидали ее глупцы, а толпа литераторовъ начинаетъ даже слишкомъ громко воспѣвать ей свои похвалы. Вчера трое епископовъ заходили купить ее въ книжную лавку и справлялись о ея авторѣ. Карлъ Тоунзендъ, слывущій первымъ судьею въ Англіи, до того увлеченъ этимъ сочиненіемъ, что сказалъ Освальду, что охотно поручилъ бы автору воспитаніе герцога Буклея и готовъ предложить вамъ за это такую плату, за которую вы не рѣшились бы отказаться отъ этого предложенія“. *Письмо, 12 апрѣля 1759 г.*

но было сопровождать молодого герцога Буклея въ его путешествіи по континенту, въ 1763 г. Во время этого перваго путешествія, онъ проѣхалъ только по Франціи и поселился съ своимъ воспитанникомъ въ Тулузѣ, гдѣ и прожилъ болѣе года. Смитъ воспользовался этою поѣздкою для того, чтобы съ мелочною точностью, отличающею его сочиненія, наблюдать все, что въ такой странѣ, какъ Франція, заслуживало вниманія такого человѣка, какъ онъ. Во многихъ мѣстахъ его книги видны слѣды глубокихъ впечатлѣній, которыя произвело на него это первое пребываніе во Франціи. Краткая остановка его въ Женевѣ была не менѣе полезна для его работъ, отличавшихся уже практическою основательностью даже въ области философіи и метефизики.

Но лишь во второе путешествіе въ Парижъ, въ 1765 г., рѣшительно установились воззрѣнія знаменитаго Шотландца на экономическую науку, которой онъ долженъ былъ явиться самымъ даровитымъ преобразователемъ. Рекомендація друга его Юма ввела его въ кругъ составителей „Энциклопедіи" и главныхъ представителей школы *физіократовъ*. Скоро Адамъ Смитъ коротко сошелся съ ними, въ особенности съ Тюрго и Кенэ, и ученыя бесѣды ихъ посвятили его въ существо вопросовъ, составлявшихъ предметъ ихъ изслѣдованій. Нѣтъ сомнѣнія, что Смитъ самостоятельно внесъ въ политическую экономію глубокія знанія и новыя воззрѣнія; но нельзя сомнѣваться и въ томъ, что сношенія его съ французскими энциклопедистами и экономистами имѣли на него самое рѣши-

ельное вліяніе *). Онъ самъ говорилъ потомъ, что посвятилъ бы Кенэ свое великое твореніе о богатствѣ народовъ, если бы этотъ знаменитый докторъ не умеръ раньше появленія этой книги. И въ самомъ дѣлѣ легко замѣтить на сочиненіяхъ Смита печать *экономической* школы, хотя ученіе его во многомъ расходится съ воззрѣніями Кенэ **). Но за Кенэ остается старшинство составителя первой системы: какова бы ни была эта система, но мы не боимся сказать, что самыя ошибки ея были полезны для успѣховъ науки, привлекая къ соціальнымъ вопросамъ общественное вниманіе, а иногда возбуждая къ нимъ энтузіазмъ современниковъ. Несомнѣнно, что Адамъ Смитъ заимствовалъ у этой школы свои самыя блестящія доказательства въ пользу свободы торговли и промышленности. Но съ другой стороны онъ составилъ и свою теорію о могуществѣ труда, которою опровергъ казавшуюся

---

*) Аббатъ Морелле такъ высказывается объ Адамѣ Смитѣ въ своихъ мемуарахъ: „Я познакомился съ Смитомъ во время его путешествія по Франціи въ 1762 г.: онъ дурно говорилъ на нашемъ языкѣ, но его „Теорія нравственныхъ чувствъ“, напечатанная въ 1759 г., дала мнѣ высокое понятіе о его проницательномъ и глубокомъ умѣ. И вотъ до сихъ поръ я смотрю на него какъ на человѣка, котораго наблюдательность и критика были самыми совершенными во всѣхъ вопросахъ, имъ изслѣдованныхъ. Тюрго, также какъ и я, любившій метафизику, высоко уважалъ его талантъ. Мы видѣлись съ нимъ нѣсколько разъ; онъ былъ представленъ Гельвецію: тамъ бесѣдовали мы о теоріи торговли, о банкахъ, общественномъ кредитѣ и о многихъ другихъ вопросахъ великаго сочиненія, которое онъ задумалъ. Онъ подарилъ мнѣ прехорошенькій англійскій бумажникъ, который служилъ мнѣ двадцать лѣтъ“.

**) Смитъ много разъ заявлялъ, что „система политической экономіи Кенэ, не смотря на всѣ ея несовершенства, была изъ всѣхъ теорій этой важной науки самою близкою къ истинѣ“.

правдоподобною гипотезу Кенэ о преобладающемъ значеніи земельной собственности

Это безспорное вліяніе энциклопедистовъ и французскихъ экономистовъ не было понято современниками Адама Смита, при появленіи его „Изслѣдованій о богатствѣ народовъ". Прежде чѣмъ издать это безсмертное твореніе, онъ какъ бы ушелъ въ самого себя и цѣлыхъ десять лѣтъ прожилъ въ глубокомъ уединеніи, возбуждая жалобы и насмѣшки своихъ друзей. Вотъ что писалъ ему Юмъ, во время этого упорнаго уединенія, въ 1772 г.: «я не приму отъ васъ никакихъ оправданій и ссылокъ на разстроенное здоровье; въ моихъ глазахъ это только предлогъ, подсказанный лѣностью и любовью къ уединенію. Въ самомъ дѣлѣ, если вы будете обращать вниманіе на всѣ ваши ничтожныя болѣзни, то кончите тѣмъ, что совсѣмъ порвете связь съ обществомъ, къ большому вреду обѣихъ заинтересованныхъ сторонъ». Еще въ 1769 г. Юмъ пробовалъ преодолѣть упрямство Смита, но не былъ счастливѣе. «Я хочу знать, говорилъ онъ, что вы дѣлали, и намѣренъ потребовать отъ васъ строгаго отчета — какъ пользовались вы временемъ въ вашемъ уединеніи». Во все это время Адамъ Смитъ, твердый въ своихъ рѣшеніяхъ, скромно жилъ въ Киркальди съ своей матерью и нѣсколькими друзьями своего дѣтства и безъ отдыха работалъ надъ созданьемъ памятника, который долженъ былъ обезсмертить его имя. Когда же, наконецъ, появилась его книга, — это было въ началѣ 1776 г. — Юмъ, на котораго мы съ удовольствіемъ ссылаемся, какъ на самаго передового экономиста того времени, написалъ 1-го апрѣля того же года слѣдующія замѣча-

тельныя строки: «Мужайтесь, мой любезный Смитъ! Ваше сочиненіе доставило мнѣ самое большое удовольствіе и я, читая его, вышелъ изъ тягостнаго состоянія духа. Это сочиненіе держало въ такомъ тяжеломъ недоумѣніи и васъ самихъ, и вашихъ друзей, и публику, что я трепеталъ за него, при его появленіи. Но, наконецъ, мнѣ стало легко на душѣ. Если я еще могу сомнѣваться нѣкоторое время въ томъ, что ваша книга, пожалуй, не вызоветъ съ перваго раза одобренія общества, то потому только, что понимаю, какого вниманія требуетъ она для ея прочтенія и какъ мало способна публика на это вниманіе. Ваша книга преисполнена глубины и основательности взглядовъ, тонкаго остроумія, множества любопытныхъ фактовъ, — все это такія достоинства, которыя рано или поздно должны приковать къ ней общественное вниманіе». Юмъ, кончая свое письмо, заявилъ Смиту, что будетъ оспаривать нѣкоторыя изъ его положеній; и конечно никто, кромѣ Юма, въ то время какъ онъ писалъ свое письмо, не былъ въ силахъ во всей, можетъ быть, Европѣ выступить противникомъ такого сильнаго бойца.

При появленіи „Изслѣдованій о причинахъ богатства народовъ“, Франція находилась подъ обаяніемъ школы *физіократовъ* и хотя въ то время глава этой школы, Кенэ, уже умеръ, однако послѣдователи его, со взглядами болѣе ясными и полными, чѣмъ у самого учителя ихъ, проповѣдывали его ученіе съ какимъ-то религіознымъ одушевленіемъ. Мерсье де-ла-Ривьеръ, маркизъ де-Мирабо, Дюпонъ де-Немуръ и двадцать другихъ послѣдователей принадлежали къ этой свободной религіи, которая

скоро нашла въ Тюрго достаточно могущественнаго министра, чтобы взяться за осуществленіе ея заповѣдей. Не удивительно поэтому, что книга Адама Смита нашла во Франціи очень слабый отголосокъ. Тамъ всѣ жили подъ вліяніемъ *всемірной формулы*, изложенной во многихъ томахъ *Другомъ людей*. Появились тогда тысячи сочиненій, въ которыхъ съ одинаковою горячностью старались подорвать мистическіе догматы *чистаго богатства*, на основаніи которыхъ *экономическая* школа, руководствуясь новыми методами, дѣлила производителей на разряды и во главѣ ихъ ставила земельныхъ собственниковъ. Адамъ Смитъ однимъ почеркомъ пера опрокинулъ это замысловатое сооруженіе, предоставивъ труду тѣ вѣчныя права, которыя принадлежатъ ему во благо самому обществу. Въ этомъ состоитъ его наибольшая слава, и хотя „Политическіе трактаты" Юма, явившіеся въ 1752 г., могли навести Смита на нѣкоторыя изъ его воззрѣній на эти высокой важности вопросы, однако при появленіи „Изслѣдованій о причинахъ богатства народовъ" раздался въ Англіи такой общій крикъ удивленія, какъ будто до нихъ не было написано ни одного важнаго сочиненія по этому предмету *).

Черезъ два года послѣ изданія этой книги Адамъ Смитъ, благодаря вліянію своего бывшаго ученика, герцога Буклея, былъ назначенъ коммис-

---

*) Первое изданіе „Изслѣдованій" явилось въ 1776 г., въ двухъ томахъ in 4°. Авторъ сдѣлалъ нѣсколько перестановокъ и измѣненій во второмъ изданіи, которое потомъ послужило образцомъ для всѣхъ послѣдующихъ изданій, за исключеніемъ развѣ четвертаго изданія 1784 г., въ которомъ сдѣланы нѣкоторыя, впрочемъ, не важныя исправленія.—А. Бланки.

саромъ таможни въ Шотландіи. Но это новое положеніе, обезпечивавшее ему покой подъ старость, было гибельно для науки, потому что оно обрекло Глазговскаго философа на занятія низшаго разбора, поглотившія собою остатокъ его жизни. Въ самомъ дѣлѣ, съ самаго водворенія своего въ Эдинбургѣ въ 1778 г. коммиссаромъ таможни и до самой смерти въ 1790 г., знаменитый экономистъ довольствовался только ролью издателя своихъ сочиненій. Глазговскій университетъ, справедливо гордясь успѣхами своего прежняго профессора, возвелъ его въ 1787 г. въ званіе ректора,—лестное отличіе, къ которому Смитъ былъ очень чувствителенъ *). За три года передъ тѣмъ Адамъ Смитъ потерялъ мать и одну родственницу, къ которой питалъ чувства самой нѣжной привязанности. Эта горестная утрата усилила недуги старости, дававшіе себя знать еще раньше, не смотря на правильный образъ жизни, который онъ велъ, и скоро смерть наступила также, какъ протекла его жизнь, ничѣмъ не нарушивъ ясности души его. Всякому извѣстно, что чувствуя приближеніе смерти, онъ поручилъ своимъ друзьямъ

---

*) „Никакая должность, говорилъ онъ, не могла доставить мнѣ такого истиннаго удовольствія. Ни одинъ человѣкъ не можетъ быть обязанъ обществу больше, чѣмъ я обязанъ глазговскому университету. Это—онъ воспиталъ меня и послалъ въ Оксфордъ. Вскорѣ по возвращеніи моемъ въ Шотландію, онъ избралъ меня въ число своихъ членовъ. Пробѣгая въ памяти эти тринадцать лѣтъ, что я состоялъ членомъ этого общества, я считалъ ихъ счастливѣйшимъ временемъ моей жизни. И теперь, когда подумаю, что послѣ двадцати-трехлѣтняго отсутствія друзья мои вспомнили обо мнѣ такимъ пріятнымъ для меня образомъ, сердце мое наполняется такимъ чувствомъ свѣтлой радости, которое я не въ силахъ выразить“.

сжечь множество рукописей, которыя считалъ не достойными пережить его, и эта послѣдняя воля его была свято исполнена. Сохранилось письмо, написанное имъ Давиду Юму, въ апрѣлѣ 1773 г., въ которомъ онъ тогда еще высказалъ твердую рѣшимость быть строгимъ къ самому себѣ и безъ разбора уничтожить всѣ не изданные имъ труды, за исключеніемъ „Исторіи астрономическихъ системъ“ до Декарта.

Такъ скончался этотъ знаменитый основатель политической экономіи, послѣ мирно и почетно проведенной жизни, но безъ того блеска, которымъ скоро покрылось его имя. Только послѣ смерти его узнали, какъ много скрывалъ онъ своихъ добрыхъ дѣлъ и какъ много благородныхъ услугъ оказывалъ онъ другимъ. Жизнь его была такъ проста и сдержана, что намъ едва извѣстны ея важнѣйшія событія. Въ оксфордскомъ университетѣ онъ былъ скептикомъ и смѣлымъ студентомъ; на каѳедрѣ въ Глазговѣ онъ показалъ себя въ одно время добросовѣстнымъ, самобытнымъ, яснымъ и глубокимъ профессоромъ. Хотя онъ импровизировалъ свои лекціи медленно и не изящно, однако его слушали съ жадностью и потомъ горячо спорили о вопросахъ, которые онъ излагалъ въ своихъ чтеніяхъ и къ которымъ онъ умѣлъ пробудить не выразимый интересъ. Стиль его „Изслѣдованій“ довольно вѣрно воспроизводитъ то, что современники его разсказывали про его лекціи. Онъ всегда важенъ, простъ и ясенъ, но часто тяжелъ, многословенъ и вялъ. Адамъ Смитъ пользовался языкомъ только какъ орудіемъ для выраженія мысли. Заботясь больше всего о содержаніи, а не о формѣ,

онъ, кажется, пренебрегалъ красотою языка, часто необходимою, чтобы занять вниманіе многочисленныхъ слушателей или читателей. Но иногда на многихъ страницахъ горитъ священный огонь краснорѣчія, когда Смитъ, увлеченный важностью предмета, а иногда охваченный живыми вспышками генія, бросаетъ свой твердый и спокойный взглядъ на экономическія явленія жизни народовъ. Истинная слава его — въ томъ, что онъ открылъ множество этихъ явленій и удивительнымъ образомъ изслѣдовалъ важнѣйшія изъ нихъ. До него едва подозрѣвали, что есть законы, управляющіе соціальнымъ развитіемъ народовъ, а съ условіями ихъ процвѣтанія были знакомы весьма не полно и только эмпирически. О богатствѣ народовъ знали также мало, какъ и о бѣдности. Хорошія правительства дѣйствовали на-угадъ, руководясь только честностью своихъ намѣреній, которая однако не всегда охраняла ихъ отъ слѣдованія по ложному пути. До Смита наука о финансахъ и торговлѣ, экономическія начала промышленности и земледѣльческаго развитія народовъ были едва только затронуты. Онъ первый разъяснилъ, какъ течетъ жизнь въ этихъ великихъ организмахъ, называемыхъ народами, и раскрылъ причины ихъ возвышенія и упадка съ такимъ совершенствомъ, какое было невѣдомо самымъ даровитымъ историкамъ.

Но настоящая слава его всецѣло основывается на его трактатѣ политической экономіи, скромно озаглавленномъ „Изслѣдованіями о природѣ и причинахъ богатства народовъ". Очень вѣроятно, что Адамъ Смитъ, не смотря на чрезвычайныя заботы свои о редакціи этого труда, самъ не подозрѣвалъ

его великаго значенія. Сердце его больше лежало къ его философскимъ сочиненіямъ, и онъ былъ, кажется, далекъ отъ мысли, что настанетъ время, когда экономическіе труды его составятъ новую эру въ управленіи обществами. Такъ какъ при жизни своей онъ выдалъ пять изданій своей „Теоріи нравственныхъ чувствъ" и только четыре изданія „Изслѣдованій", то имѣлъ нѣкоторое право думать, что современники цѣнили его философію выше, чѣмъ политическую экономію. А между тѣмъ какая разница въ судьбѣ этихъ двухъ сочиненій! Теперь уже никто не вспоминаетъ о первомъ изъ нихъ, а на второмъ основывается политика будущаго. Одного возстановленія значенія труда было бы достаточно для упроченія славы Смита; но онъ кромѣ того разъяснилъ преимущества труда и въ первый разъ установилъ законы, которымъ онъ подчиняется, такъ что теоріи его можно признать за великія открытія. Онъ первый доказалъ неразрывную связь, соединяющую трудъ съ капиталомъ, которые до него разъединялись слишкомъ часто. Самымъ смѣлымъ экономистамъ нашего времени не удавалось написать ничего болѣе энергическаго, какъ начертанная имъ картина солидарности между рабочими и хозяевами, а также ничего болѣе краснорѣчиваго, какъ его неопровержимыя доказательства въ пользу свободы промышленности. Ему обязаны мы разъясненіемъ свободы въ разныхъ ея видахъ, которою такъ злоупотребляютъ въ наше время и которую отсталые новаторы охотно бы уничтожили, чтобы избѣгнуть затрудненій по ея организаціи. Никто не обращалъ болѣе вѣрнаго и глубокаго взгляда на существо

кредита: глава о банкахъ остается до сихъ поръ неподражаемымъ образцомъ ясности, послѣдовательности и глубины мыслей. Твердою рукою начерталъ Адамъ Смитъ предѣлы, за которые не должны переступать эти учрежденія, и если потомъ кто-нибудь изъ народовъ и правителей осмѣливался отвергнуть его мудрые предостереженія и, выражаясь словами самого автора, *подвязать себѣ крылья Икара*, тотъ самъ низвергалъ себя въ бездну.

Изучая это прекрасное произведеніе, невольно отдаешься особому чувству внутренняго удовольствія, возбуждаемаго правотою мысли и строгою послѣдовательностью выводовъ. Разъ Адамъ Смитъ поставилъ какой нибудь вопросъ, онъ безпощадно преслѣдуетъ его до конца: онъ разсматриваетъ его со всѣхъ сторонъ, подкрѣпляетъ его множествомъ примѣровъ, оживотворяетъ его множествомъ сравненій, однимъ словомъ, заливаетъ его волнами свѣта. Изъ путешествій своихъ черпаетъ онъ наблюденія всякаго рода, которыя и располагаетъ съ удивительнымъ мастерствомъ, а философія помогаетъ ему извлекать изъ нихъ наибольшую выгоду. Въ интересахъ истины не зависимый духъ его не отступаетъ ни передъ какимъ выводомъ. Иногда же эти интересы вызываютъ у него такіе приступы негодованія, которые сдѣлали бы честь самымъ передовымъ писателямъ нашего времени. Духъ монополіи, источникъ столькихъ войнъ и преступленій, былъ ему особенно ненавистенъ. „Торговля, писалъ онъ, вмѣсто того чтобы служить народамъ и отдѣльнымъ лицамъ средствомъ единенія и дружбы, стала обильнымъ источникомъ вражды и разногласія. Капризное честолюбіе государей и министровъ

не было такъ гибельно для покоя Европы, какъ безразсудная зависть торговцевъ и фабрикантовъ. Насиліе и несправедливость тѣхъ, кто правитъ міромъ, составляетъ очень большое зло, противъ котораго природа людскихъ дѣяній даетъ мало надежды открыть вѣрное средство. Но низкая алчность, монопольный духъ купцовъ и фабрикантовъ, которые не господствуютъ, да и не должны господствовать надъ міромъ, хотя и представляютъ собою, можетъ быть, не исправимые пороки, однако можно очень легко не дать имъ возмущать ничей покой, кромѣ тѣхъ, которые добровольно предаются этимъ порокамъ".

До сихъ поръ жизненный опытъ не оправдалъ для меня, замѣчаетъ Бланки, только одного изъ положеній Адама Смита: я говорю о томъ ученіи его, по которому безусловной свободѣ промышленности принадлежитъ забота объ удовлетвореніи всѣхъ соціальныхъ потребностей и возможность осуществленія всякаго прогресса. Этотъ великій экономистъ высказался въ одномъ мѣстѣ такъ: „Чтобы поднять какое-нибудь государство съ низкой ступени варварства до самой высокой степени благосостоянія, необходимы только три условія: миръ, умѣренное обложеніе налогами и сносное устройство суда, *все остальное придетъ само собою въ силу естественнаго хода вещей*". Сколько разъ видѣли мы потомъ, что естественный ходъ вещей порождалъ бѣдственныя явленія и создавалъ анархію въ производствѣ, войну за мѣста сбыта и грабежъ въ конкурренціи. Раздѣленіе труда и усовершенствованіе машинъ, которыя должны бы были завоевать для великой рабочей семьи человѣческаго рода какой нибудь

досугъ, требуемый ея достоинствомъ, породили однако во многихъ отношеніяхъ только одичалость и нищету *). Когда писалъ Адамъ Смитъ, свобода еще не представляла ни затрудненій, ни злоупотребленій; глазговскій профессоръ видѣлъ предъ собою только свѣтлыя стороны ея. Онъ вѣрилъ, что вѣчная весна будетъ царить въ невѣдомой странѣ, которую онъ только-что открылъ. Только послѣдователямъ его пришлось вкусить жестокости зимы, и, конечно, Смитъ писалъ бы теперь тоже, что и Сисмонди, если бы онъ былъ свидѣтелемъ бѣдственнаго положенія Ирландіи и фабричныхъ округовъ Англіи въ такое время, въ какое мы живемъ. Горь-

*) Бланки оказывается здѣсь въ полномъ разногласіи съ Адамомъ Смитомъ и говоритъ, кажется, подъ внушеніемъ своего товарища Бюре, благороднаго и талантливаго писателя; но мысли его скорѣе вполнѣ въ пользу регламентаціи и правительственнаго соціализма, которыми въ то время (1842 г.) болѣе чѣмъ, можетъ быть, теперь были поглощены и печать и общественное мнѣніе. Воззрѣніе это не вѣрно. Примѣненіе свободы труда вполнѣ подтвердило то, что предвидѣлъ основатель науки, и печальныя явленія, которыя оказались на нашихъ глазахъ, были вызваны именно препятствіями къ водворенію естественнаго хода вещей. Эта свобода все болѣе и болѣе становилась, такъ сказать, органическимъ принципомъ, изъ котораго вытекала необходимость упорядочить производство, расширить сбытъ, подавить монополію. Благодаря свободѣ, раздѣленію труда, машинамъ и кредиту, промышленность сдѣлала въ какія-нибудь пятьдесятъ лѣтъ въ сто разъ болѣе успѣховъ, чѣмъ въ нѣсколько столѣтій передъ тѣмъ. Положеніе всѣхъ классовъ общества стало лучше, и если еще въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ были поводы жаловаться на нищету и одичалость, то онѣ были вызваны ошибочными экономическими мѣрами и предразсудками, порожденными духомъ воспрещеній, исключительности, хищенія, казенной регламентаціи и личной непредусмотрительности, жертвою которыхъ и была въ особенности Ирландія. — **Жозефъ Гарнье**.

кимъ опытомъ извѣдали мы въ Европѣ, что хотя правительства и могли быть полезны, однако свобода, дурно вскормленная, давала, какъ и всѣ дикія деревья, плоды подчасъ очень горькіе. Промышленный горизонтъ былъ очень узокъ, коли Адамъ Смитъ могъ охватить его весь въ одну поѣздку свою изъ Гласгова въ Тулузу. Въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки было тогда только полтора милліона, а не двадцать милліоновъ жителей, какъ теперь, и остъ-индская компанія не грозила еще, какъ въ наше время, стѣнамъ Пекина. Смитъ сильно жалуется на внутреннія таможни и только на не большія препятствія къ свободному движенію, бывшія въ его время. А что сказалъ бы онъ при видѣ континентальной блокады?

Всѣ составныя части народнаго богатства, за исключеніемъ земли, подверглись большимъ измѣненіямъ со времени изданія книги Смита. Нынѣшняя Европа не имѣетъ почти ничего общаго съ Европою его времени. Въ 1776 г. еще не было ни хлопчатобумажной промышленности, ни механическихъ прядилень, ни паровыхъ машинъ, ни желѣзныхъ дорогъ. Во Франціи былъ нанесенъ послѣдній ударъ кастовымъ предразсудкамъ и феодальной собственности. Южная Америка освобождена, хотя свобода ея до сихъ поръ еще неустойчива и безплодна; а все-таки завѣса, покрывавшая этотъ обширный материкъ, поднята совсѣмъ. Европейскіе пароходы снова овладѣли старинною дорогою въ Индію, покинутою еще со временъ великой распри венеціанцевъ съ португальцами. Но что я говорю? Нѣтъ болѣе Венеціи, какъ государства. Греція освобождена, Египетъ просыпается; все измѣнилось послѣ

изданія творенія Смита, а оно все-таки остается безсмертнымъ. Сущность его можетъ быть выражена двумя словами: *миръ* и *трудъ*. Этимъ двоякимъ путемъ пошло впередъ человѣчество и теперь уже ничто не остановитъ его успѣховъ на этомъ пути. Слава Смита состоитъ именно въ томъ, что онъ первый начерталъ этотъ путь и доказалъ его превосходство передъ всѣми другими путями. Благодаря ему, великіе народы любятъ теперь одерживать побѣды надъ природою. Благодаря его творенію, восторжествовавшему въ Соединенныхъ Штатахъ Америки, они покрылись сѣтью городовъ, каналовъ, распаханными полями, и если теперь эта страна поражается иногда банкротствами и разными бѣдствіями, то потому только, что тамъ позабывали о возвѣщенныхъ имъ положеніяхъ. На какую бы часть земного шара ни обратили мы нашего взора, вездѣ увидимъ, что счастье улыбается тѣмъ народамъ, которые остаются вѣрны экономической мудрости, а нищета поражаетъ тѣ страны, которыя не хотятъ знать этой мудрости. Адаму Смиту принадлежитъ честь быть самымъ тонкимъ истолкователемъ этой совокупной мудрости, рожденной его вѣкомъ и его геніемъ и называемой наукою экономическою. Какіе бы успѣхи ни совершила она въ будущемъ, глазговскій философъ всегда будетъ почитаться ея основателемъ, а книга его всегда будетъ читаться съ пользою, если даже явятся сочиненія и лучше ея.

Но не станемъ здѣсь скрывать всѣхъ извѣстныхъ недостатковъ этого сочиненія: оно страдаетъ отсутствіемъ метода, порядка, плана изложенія. Сначала чтеніе его трудно и утомительно; но не надо оста-

навливаться передъ шероховатостями, которыя встрѣчаешь въ немъ: за ними скоро предстанутъ передъ глазами читателя прочность цѣлаго сооруженія, обширныя пристройки къ нему и чудныя части самаго изданія. Иногда Смитъ повторяется, еще чаще онъ забывается, какъ будто заблудился: но путеводная нить, которую онъ держитъ въ рукахъ, никогда не обрывается и вы увидите, какъ по этой нити онъ всегда приходитъ къ намѣченной цѣли, даже послѣ очень долгихъ отступленій, которыя должны были бы удалить его отъ нея. Если кто захочетъ хоть на время послѣдовать за нимъ, тотъ почувствуетъ, какъ повлечетъ его за собою неудержимый и суровый потокъ мыслей, точь въ точь какъ быстрое вращеніе цилиндровъ на нашихъ фабрикахъ втягиваетъ въ себя все тѣло человѣка, если попалъ между ними хоть одинъ мизинецъ. Чтеніе этого писателя въ высшей степени назидательно. Геній его проливаетъ такой яркій свѣтъ на всѣ предметы его изслѣдованій, что даже тамъ, гдѣ онъ ошибается, онъ самъ помогаетъ читателю познать его ошибки и научаетъ, какъ ему оберечься отъ нихъ. У него нѣтъ ничего случайнаго, ничего не обдуманнаго, ничего предположительнаго; онъ говоритъ только о томъ, что вполнѣ изучилъ, только о такихъ городахъ, которые самъ видѣлъ, только о такихъ фактахъ, которые самъ провѣрилъ. Какъ бы возмутился онъ въ своемъ праводушіи при мысли о тѣхъ нелѣпостяхъ всякаго рода, которыми потомъ усѣяли политическую экономію, и о тѣхъ обманчивыхъ обѣщаніяхъ, которыя въ наше время даются и принимаются отъ его имени. Опытъ научилъ его, что человѣчество двигается впередъ го-

раздо медленнѣе, чѣмъ отдѣльный человѣкъ, и что должны смѣниться многія поколѣнія, прежде чѣмъ придешь къ извѣстнымъ результатамъ, которыхъ хотятъ достигнуть лишь въ нѣсколько лѣтъ. Адамъ Смитъ былъ по преимуществу человѣкомъ здраваго смысла, тонкаго пониманія и несокрушимаго разума. Можно подумать, что онъ былъ чуждъ всякихъ страстей, кромѣ только одной страсти — къ книгамъ, къ знанію. Какъ высоко было безпристрастіе, съ которымъ онъ изучалъ всякій предметъ и, не смотря на трудность своего офиціальнаго положенія, настойчиво продолжалъ свои долгія и серьозныя изслѣдованія!

Всѣ современники, близко стоявшіе къ нему, представляютъ его намъ какъ человѣка кроткаго, умнаго и веселаго собесѣдника, но часто застѣнчиваго въ особенности въ присутствіи посторонних людей. Много разсказываютъ забавныхъ анекдотовъ про его разсѣянность, но никто никогда не имѣлъ случая жаловаться на его характеръ: онъ всегда оставался вѣренъ своимъ друзьямъ, не смотря на всѣ превратности литературной жизни въ восемнадцатомъ столѣтіи. Нѣкоторые изъ его біографовъ увѣряютъ, что онъ велъ съ Тюрго переписку, отъ которой не осталось никакихъ слѣдовъ. Вѣрно здѣсь то, что въ продолженіи многихъ лѣтъ онъ заботливо слѣдилъ за жизнью французской школы *экономистовъ* и, кажется, получалъ изъ Парижа нѣкоторыя вдохновенія, которыми питался въ Киркальди, редактируя свое великое произведеніе. Слѣдовательно, Франціи можетъ принадлежать честь, что она снабдила Смита нѣкоторыми матеріалами для воздвигнутаго имъ памятника. Смитъ принад-

лежитъ къ семейству энциклопедистовъ и физіократовъ. Философія его принадлежитъ къ той школѣ, представителемъ которой въ Англіи былъ другъ его Юмъ; но его политическая экономія принадлежитъ только ему одному. Въ настоящее время она переведена на всѣ языки и читается со всѣхъ каѳедръ. Она стала самымъ необходимымъ руководствомъ для историковъ и людей государственныхъ и въ ней-то надо изучать личность этого самобытнаго и глубокаго мыслителя, отъ котораго не осталось даже портрета *).—**А. Бланки**.

Здѣсь надо коснуться, говоритъ въ своей замѣткѣ Курсель-Сенель, одного вопроса о томъ, представляютъ ли „Изслѣдованія" Адама Смита оригинальное произведеніе и не обязаны ли они очень многимъ Стьюарту, или физіократамъ? Не составляютъ ли они въ нѣкоторомъ родѣ литературнаго подлога? Самая постановка такого вопроса доказываетъ, что тотъ, кто ставилъ его, или не читалъ книгъ, о которыхъ идетъ рѣчь, или же не имѣетъ никакого понятія объ условіяхъ ученаго сочиненія. Книга Стьюарта, не богатая мыслями и притомъ дурно написанная, принадлежитъ къ числу такихъ сочиненій, которыя меньше всего могутъ вызвать заимствованія. Что касается до физіократовъ, которые большею частью слабы по формѣ изложенія, то они дѣйствительно отличаются особою оригинальностью, и неоспоримо, что Адамъ Смитъ былъ знакомъ съ ихъ сочиненіями и бесѣдовалъ съ са-

*) Отъ него остался только одинъ медальонъ въ профиль (приложенный къ настоящему изданію), работы Тасси, и силуетъ во весь ростъ, нарисованный въ 1790 г., т. е. въ годъ его смерти, Кайемъ

ми авторами. Правда, онъ работалъ надъ тѣмъ же предметомъ, что и физіократы, но съ своей только ему свойственной точки зрѣнія: опредѣленіе предмета изученія и постановка самой задачи изслѣдованія принадлежитъ всецѣло только ему и сочиненіе его преисполнено такихъ положеній и взглядовъ, которые составляютъ настоящія открытія въ наукѣ. Въ этомъ отношеніи мы не знаемъ другой книги, которая была бы болѣе оригинальна, болѣе запечатлѣна личностью автора.

Безъ сомнѣнія, онъ бесѣдовалъ, спорилъ, можетъ быть, съ Стьюартомъ, Кенэ, Тюрго, Мерсье де-ла Ривьеромъ или Дюпонъ-де Немуромъ и пользовался ихъ бесѣдами, ихъ идеями, ихъ трудами. Но онъ внесъ въ науку свой собственный трудъ; онъ сохранилъ ихъ открытія и исправилъ ихъ ошибки сколько могъ, но тѣмъ не менѣе *далъ науки* новую, не вѣдомую физіократамъ, окончательную *форму;* многіе работали надъ его книгою, точно также, какъ и онъ самъ работалъ надъ сочиненіями Стьюарта и физіократовъ. А потому ни въ какомъ случаѣ онъ не подлежитъ обвиненію въ подлогѣ точно также, какъ никто не помышлялъ когда-нибудь возвести такое обвиненіе на экономистовъ, которые работали послѣ Адама Смита и въ большей или меньшей степени прибавили каждый свое къ тому, что было добыто имъ.

Такое сочиненіе, какъ „Изслѣдованія", не выдумывается и не рождается вдругъ, самопроизвольно въ силу воображенія автора. Оно есть результатъ постепенной разработки. Когда началась эта разработка, мы не знаемъ, а постепенное развитіе ея очень своеобразно; она опирается на огромную

массу матеріаловъ, фактовъ, устныхъ сообщеній, разговоровъ и личныхъ наблюденій, на которыхъ авторъ строитъ свои разсужденія, сравненія и въ концѣ-концовъ, если находитъ возможнымъ, точно устанавляетъ свою мысль и даетъ ей выраженіе, словомъ — окончательную форму. Вотъ какъ велъ Адамъ Смитъ свою работу на основаніи того, что читалъ, на основаніи личныхъ бесѣдъ и притомъ не съ одними только экономистами и философами, но также и съ торговцами, ремесленниками, при чемъ у каждаго изъ нихъ онъ чему-нибудь да научался, и такимъ образомъ создалъ великое твореніе, которое носитъ его имя и вполнѣ принадлежитъ только ему.

Если въ чемъ-нибудь можно еще упрекнуть Адама Смита, то развѣ только въ томъ, что на страницахъ, посвященныхъ физіократамъ, онъ разобралъ только слабыя стороны ихъ ученія и отнесся слишкомъ бережно къ ихъ напыщенности и къ тѣмъ вызывающимъ улыбку выраженіямъ, изъ-за которыхъ самъ Тюрго боялся попасть въ число такихъ писателей. Прежде всего несомнѣнно, что Адамъ Смитъ, стоя лицомъ къ лицу съ цѣлою вполнѣ сложившеюся школою, впадавшею въ очевидныя ошибки, былъ пораженъ именно этими ошибками и, конечно, долженъ былъ отмѣтить ихъ. Не забудемъ еще, что въ его время не понималось такъ, какъ теперь понимается, что наука есть общее, совокупное дѣло многихъ, что это — дѣло очень продолжительное, въ которомъ работа каждаго труженика занимаетъ много мѣста и въ которомъ никто не можетъ похвалиться, что сказалъ послѣднее слово. Въ прошломъ столѣтіи помышляли еще о „за-

конченной" наукѣ, и мы готовы думать, что этихъ помысловъ не былъ чуждъ и самъ Смитъ, коли вспомнить, какъ сильно заботился онъ передъ смертью объ истребленіи остававшихся послѣ него рукописей и сочиненій, которыя признавалъ не совершенными.

Въ изысканіяхъ, въ области соціальныхъ наукъ, оригинальность состоитъ не столько въ томъ, чтобы открыть въ ней какія либо новыя явленія, — это дѣло почти не возможное, — или сдѣлать такія наблюденія, которыя прежде никѣмъ сдѣланы не были, сколько въ томъ, чтобы изъ прежнихъ и новыхъ наблюденій сдѣлать такіе выводы, которыя бы сами собою вытекали изъ нихъ. Книга Адама Смита вполнѣ подтверждаетъ вѣрность этого положенія. Если въ ней есть положеніе, которое по праву можно признать открытіемъ ея автора, то это именно положеніе о „раздѣленіи труда", поставленное имъ во главѣ самаго сочиненія. И что же? Это положеніе довольно ясно было замѣчено и физіократами, именно Тюрго, но только съ одной отрицательной стороны. Они доказывали, что общество должно обѣднѣть, если сократится раздѣленіе труда, существующее между его членами. Но развѣ это значитъ признать, что раздѣленіе труда есть причина увеличенія богатства?. Во всякомъ случаѣ физіократы не доказали этого положенія съ такимъ блескомъ, какъ Адамъ Смитъ.

Еще задолго до Адама Смита и физіократовъ знали о значеніи раздѣленія труда, но никто не объяснилъ его такъ ясно и просто, какъ Платонъ. Прочтите или перечитайте вторую книгу его „Республики" и вы найдете тамъ главныя соображенія,

которыя такъ сильно поразили Адама Смита. Платонъ, также какъ и послѣдній, видѣлъ въ раздѣленіи труда средство увеличенія богатства и связь, соединяющую людей между собою, созидающую и соблюдающую гражданское общество. Но значитъ ли это, что Смитъ былъ подражателемъ Платона? Конечно нѣтъ. Значитъ ли это, что онъ писалъ подъ внушеніемъ Платона? Такое заключеніе было бы не вѣрно и даже мало вѣроятно. Во всякомъ случаѣ выводы, къ которымъ приводятъ эти книги, совершенно различны. Платонъ приходитъ къ заключенію о введеніи раздѣленія труда, на основаніи кастическаго устройства, и хочетъ такимъ образомъ установить его особымъ законодательнымъ актомъ. Наоборотъ, Смитъ видитъ въ этомъ раздѣленіи естественное начало, связующее всѣхъ людей, къ какому бы племени и народу они ни принадлежали, въ какомъ бы климатѣ ни обитали и какимъ бы правительствомъ ни управлялись, а отсюда онъ приходитъ, какъ и физіократы, къ заключенію о laisser faire. Открытіемъ этого начала онъ далъ людямъ въ высшей степени полезное руководство.

Но совершилъ ли онъ свое дѣло окончательно и безповоротно? Такъ думали его современники, такъ думалъ, можетъ быть, и онъ самъ. Однако вслѣдъ за нимъ явились мыслители, сравнительно довольно темные, которые однако стали по его стопамъ изучать раздѣленіе труда, выяснили и такія выгоды этого положенія, которыя были просмотрѣны Смитомъ, и стали, такъ сказать, собирать по нивѣ колосья послѣ жатвы. Одинъ изъ такихъ собирателей принимается за изученіе этого предмета, изслѣдуетъ его со всѣхъ сторонъ и доказываетъ, что Адамъ

Смитъ позналъ его только съ одной стороны, что люди дѣлятъ между собою трудъ не для того только, чтобы его раздѣлить, но что часто, вмѣсто раздѣленія занятій, они соединяются вмѣстѣ, въ силу особыхъ, частныхъ соглашеній, и что, слѣдовательно, надо сказать: *кооперація* тамъ, гдѣ Адамъ Смитъ сказалъ: *раздѣленіе труда*. Этотъ собиратель, М. Векфильдъ, не только установилъ свою поправку рядомъ неоспоримыхъ доказательствъ, но и вывелъ изъ нея теорію колонизаціи, которую ему удалось примѣнить къ дѣлу и доказать на практикѣ. И развѣ это можетъ быть опроверженіемъ теоріи Адама Смита? Нѣтъ, это—только полезная поправка къ его теоріи и, можно сказать, послѣдствіе, удивительный результатъ его же изслѣдованій.

Итакъ, ограничивая значеніе трудовъ Адама Смита должными предѣлами, указываемыми исторіей науки, мы нисколько не умаляемъ славы этого великаго мыслителя. Но, чтобы быть справедливыми, мы не должны забывать его предшественниковъ, физіократовъ: они первые признали въ политической экономіи новую науку, примѣнивъ къ изученію соціальныхъ явленій методъ и пріемы, съ такимъ успѣхомъ употреблявшіеся въ математикѣ и естественныхъ наукахъ. Эта наука, какъ они понимали ее, обнимала самую широкую дѣятельность человѣка и должна была освѣтить всѣ соціальныя явленія. Все сдѣланное ими для того, чтобы дать форму этой наукѣ, было не совершенно и несвязно: они хотѣли вывести свои конечныя заключенія во что бы то ни стало и потому проявили слишкомъ большую поспѣшность. Тѣмъ не менѣе въ изученіи явленій коммерческой жизни они сдѣлали важныя открытія; они весьма

явственно представляли себѣ, въ чемъ состояло единство человѣческаго рода и новое право. Не признать этихъ заслугъ нельзя, и они заставляютъ насъ смотрѣть на Адама Смита не какъ на отца политической экономіи, но какъ на продолжателя физіократовъ, которыхъ онъ превзошелъ, но не уничтожилъ.

Сравнивая судьбу политической экономіи во Франціи и Англіи, поражаешься страннымъ контрастомъ. Во Франціи починъ былъ сдѣланъ съ большимъ успѣхомъ. Тамъ найдено было послѣднее слово философіи, къ которой прислушивалась вся Европа. Рядомъ съ королевскимъ дворомъ, представлявшимъ собою всю страну, становится группа людей, выдающихся своимъ общественнымъ положеніемъ, умомъ, характеромъ и тѣсно связанныхъ между собою одинаковыми воззрѣніями, а между ними возвышается такой геніальный человѣкъ, какъ Тюрго. Эта школа существовала не болѣе 20 лѣтъ, когда онъ былъ призванъ руководить правительствомъ и притомъ правительствомъ не ограниченнымъ по теоріи и внѣшнему положенію. Въ этомъ заключалось несчастіе школы. Она едва только сложилась, образуя партію, состоявшую изъ людей еще мало извѣстныхъ, и она-то призвана была защищать интересы короля и государства противъ всѣхъ частныхъ выгодъ царедворцевъ, откупщиковъ, королевскихъ судовъ и корпорацій, надѣленныхъ промышленными монополіями. Несоразмѣрность силъ была очень велика въ странѣ, гдѣ частнымъ интересамъ принадлежало первое слово, тогда какъ люди, понимавшіе, что значитъ интересъ общественный, едва осмѣливались о чемъ нибудь думать. Призывъ

экономистовъ къ власти привелъ только къ тому, что ихъ стали ненавидѣть и преслѣдовать, какъ политическую партію, противодѣйствовавшую всѣмъ господствовавшимъ тогда вліяніямъ. Они были побѣждены почти безъ борьбы: общественное мнѣніе покинуло ихъ и они стушевались. На нихъ стали смотрѣть только какъ на людей достойныхъ уваженія, преисполненныхъ лучшихъ намѣреній, но не способныхъ осуществить ихъ. Старѣйшіе изъ нихъ умерли и не были замѣщены никѣмъ.

Впрочемъ, когда настала революція, идеи физіократовъ далеко не были забыты: онѣ болѣе или менѣе господствовали въ кругу нѣкоторыхъ избранныхъ людей, благодаря великой памяти о Тюрго. Ихъ опять узнали въ первой декларации правъ и въ нѣкоторыхъ изданныхъ тогда основныхъ законахъ. Но ихъ идеи, никѣмъ не пополненныя и не развитыя дальнѣйшимъ изученіемъ, оказались перемѣшанными съ идеями противоположнаго свойства, съ идеями иного происхожденія, и не нашлось въ то время никого, кто бы имѣлъ достаточно авторитета, чтобы очистить ихъ отъ примѣси и точно формулировать. И вотъ дѣятели революции, исполненные противорѣчивыхъ мнѣній, сдѣлались игрушками событій, съ которыми они не съумѣли справиться.

Можно сказать прямо, что дѣло французскихъ экономистовъ не удалось. Когда, послѣ пронесшейся первой бури, соотечественники ихъ съ робостью отваживались о чемъ нибудь размышлять, труды физіократовъ оказались забытыми до такой степени, что политическая экономія явилась во Францію въ видѣ привознаго товара изъ за-границы, подъ ярлыкомъ Адама Смита!

Совсѣмъ иную судьбу имѣла наука въ Англіи. Тамъ она была возвѣщена сочиненіемъ, принятымъ съ большимъ шумомъ и уваженіемъ—„Изслѣдованіями“ Смита. Но авторъ ея занималъ въ обществѣ не видное мѣсто и отличался большою скромностью. Книга явилась одинокой, чуждой всякой политики, безъ всякой поддержки какой нибудь партіи или кружка, а потому могла дѣйствовать, не встрѣчая на своемъ пути никакихъ враждебныхъ криковъ и не угрожая ничьимъ частнымъ интересамъ. Она могла неспѣшно проникать въ болѣе образованную часть общества, пока такой великій государственный человѣкъ, какъ Робертъ Пиль, подъ внушеніемъ великаго проповѣдника Кобдена, не провелъ въ политику только немногія доктрины, относящіяся, напримѣръ, къ вопросу о свободѣ обмѣна. Въ странѣ свободныхъ учрежденій побѣда была одержана, благодаря публичному обсужденію предмета, и народъ, принявшій эти доктрины, успѣлъ сохранить ихъ до нашихъ дней, не смотря на громадную реакцію, возбужденную во всемъ мірѣ быстрымъ возвышеніемъ наименѣе просвѣщенныхъ классовъ общества.

Правда, успѣхъ либеральныхъ идей въ Англіи и сила ихъ сопротивленія много зависятъ отъ того, что англичане обладаютъ международною торговлею и что интересы этой торговли тѣсно связаны съ свободою. Но все-таки этимъ успѣхомъ Англія въ значительной степени была обязана творенію Адама Смита, передъ которымъ исчезли преміи, пошлины, колоніальная система и множество другихъ нелѣпыхъ комбинацій, осужденныхъ просвѣщенными людьми всѣхъ странъ.

Книга Адама Смита была продолженіемъ трудовъ физіократовъ; но она дополнила ихъ очень многимъ, и такъ какъ эти труды ни въ одномъ сочиненіи не были изложены въ ихъ общей связи, то они и проникли въ публику только благодаря изданію „Изслѣдованій“. Только начиная съ этого изданія стали слагаться у всѣхъ просвѣщенныхъ людей такія воззрѣнія на человѣческое общество, которыя были не вѣдомы ихъ предшественникамъ. Книга эта была послѣднимъ словомъ, завершеніемъ философіи XVIII вѣка.—**Курсель Сенёль.**

ИЗСЛѢДОВАНІЯ

о природѣ и причинахъ богатства *) народовъ.

Введеніе и планъ сочиненія.

Годовой трудъ народа есть первоначальный запасъ, доставляющій ему для его годового потребленія всѣ предметы, необходимые или удобные для жизни, и всѣ эти предметы или бываютъ непосредственными продуктами этого труда, или покупаются на него у другихъ народовъ.

---

*) Докторъ Смитъ не установилъ точно, какой смыслъ даетъ онъ слову *богатство*, хотя чаще всего онъ разумѣетъ подъ этимъ словомъ *годовое произведеніе земли и труда*. За такое опредѣленіе справедливо упрекали его въ томъ, что онъ обращается къ источнику богатства, прежде чѣмъ выяснить, что такое самое богатство, и въ томъ еще, что въ этомъ опредѣленіи смѣшаны вмѣстѣ безполезныя произведенія земли съ тѣми, которыя человѣкъ обращаетъ въ свою собственность и которыми пользуется для удовлетворенія своихъ потребносте.

Мы склонны думать, что *богатство* должно выражать собою всѣ предметы или всѣ произведенія, которые необходимы, полезны или пріятны для человѣка и кромѣ того имѣютъ мѣновую цѣнность. Это послѣднее свойство состоитъ въ способности предмета *быть обмѣненну* на извѣстное количество *труда*, на одинъ или нѣсколько товаровъ или произведеній, пріобрѣтенныхъ трудомъ, или въ способности *купить ихъ*. Поэтому въ опредѣленіе понятія о *богатствѣ* не входятъ предметы, которыми провидѣніе даромъ и до безконечности надѣляетъ человѣка.— **Манъ-Коллохъ.**

Отношеніемъ этихъ произведеній труда, или купленныхъ на ихъ произведеній другихъ народовъ, къ большему или меньшему числу потребителей опредѣляется, хорошо или дурно снабженъ народъ всѣми предметами первой необходимости или удобства, въ которыхъ онъ нуждается.

Но это отношеніе у каждаго народа опредѣляется двумя различными условіями. Во-первыхъ, искусствомъ, ловкостью и умомъ, которые обыкновенно прилагаются къ труду; во-вторыхъ, отношеніемъ числа тѣхъ, которые занимаются полезнымъ трудомъ, къ числу тѣхъ, которые имъ не занимаются. А потому, какъ бы ни были различны почва, климатъ и пространство земли у народа, обиліе или недостатокъ служащихъ для его годового потребленія предметовъ всегда будетъ зависѣть отъ этихъ двухъ условій.

Обиліе или недостатокъ въ снабженіи предметами потребленія болѣе зависятъ отъ перваго изъ этихъ двухъ условій, нежели отъ второго. У народовъ дикихъ, живущихъ охотою и рыбною ловлею, каждый человѣкъ, способный работать, болѣе или менѣе занятъ полезнымъ трудомъ и старается, на сколько можетъ, удовлетворить какъ своимъ собственнымъ нуждамъ, такъ и нуждамъ тѣхъ лицъ своего семейства или племени, которыя или слишкомъ мо-

---

Макъ-Куллохъ называетъ политическую экономію *наукою о цѣнностяхъ*. Нѣкоторые экономисты раздѣляютъ это мнѣніе; другіе же находятъ болѣе согласнымъ съ природою вещей разумѣть подъ словомъ *богатство* совокупность предметовъ, могущихъ служить удовлетворенію потребностей человѣка, независимо отъ того, могутъ ли они быть обмѣнены или нѣтъ.—**Жозефъ Гарнье.**

лоды, или слишкомъ стары, или слишкомъ слабы, чтобы самимъ ходить на охоту и рыбную ловлю. И все-таки эти народы бываютъ такъ бѣдны, что часто принуждены, или по крайней мѣрѣ думаютъ сами, что они принуждены, убивать своихъ дѣтей, стариковъ и больныхъ, или обрекать ихъ на голодную смерть и на съѣденіе дикими звѣрями. Наоборотъ, хотя у народовъ образованныхъ и идущихъ впередъ очень многіе живутъ въ совершенной праздности и потребляютъ произведенія чужого труда въ десять, а часто и во сто разъ больше, чѣмъ сколько потребляетъ ихъ большая часть полезныхъ рабочихъ; однако общій запасъ произведеній труда цѣлаго общества въ совокупности такъ великъ, что часто всѣ бываютъ обильно снабжены ими, такъ что рабочій даже нищаго и бѣднѣйшаго класса можетъ пользоваться, если только онъ трезвъ и трудолюбивъ, гораздо большимъ количествомъ предметовъ, необходимыхъ для удовлетворенія его потребностей и для удобствъ жизни, чѣмъ какой бы то ни было дикарь.

Причины, вслѣдствіе которыхъ увеличивается производительная сила *труда*, и порядокъ, по которому произведенія труда естественнымъ образомъ распредѣляются между разными классами людей, образующими общество, составляютъ предметъ *первой книги* „Изслѣдованій“.

Каково бы ни было дѣйствительное состояніе искусства, ловкости и ума въ народномъ производствѣ, но если состояніе это не измѣнится, то обиліе или недостатокъ годового запаса предметовъ потребленія, всегда будетъ зависѣть отъ взаимнаго отношенія между числомъ людей, занимающихся

полезнымъ трудомъ и не занимающихся имъ. Число полезныхъ и производительныхъ рабочихъ вездѣ зависитъ, какъ это видно будетъ ниже, отъ количества капитала, употребляемаго на то, чтобы дать имъ работу, и отъ способа его употребленія. Поэтому во *второй книгѣ* разсматриваются свойства капитала, способы его постепеннаго умноженія, а также различныя количества труда, приводимыя имъ въ движеніе, сообразно различнымъ способамъ его примѣненія.

Народы, съумѣвшіе въ достаточной степени развить искусство, ловкость и умъ въ производствѣ, употребляли весьма различные способы для того, чтобы возбудить дѣятельность труда и дать ему должное направленіе. Но эти способы не были одинаково благопріятны для умноженія общаго количества полученныхъ продуктовъ. У однихъ народовъ исключительнымъ покровительствомъ пользовалось земледѣліе, у другихъ обрабатывающая промышленность и городскія ремесла. Но не было почти ни одного народа, который бы съ одинаковымъ безпристрастіемъ относился ко всѣмъ родамъ промышленности. Со времени паденія римской имперіи политика Европы покровительствовала больше ремесламъ, мануфактурамъ и торговлѣ, составляющимъ городскую промышленность, нежели земледѣлію, занятію деревенскихъ жителей *). Обстоя-

*) Мы не сомнѣваемся, что скоро должна произойти реакція въ пользу земледѣлія, по мѣрѣ того, какъ фабричное производство все болѣе усложняется и запутывается подъ вліяніемъ машинъ и разныхъ запрещеній. Этотъ источникъ народнаго благосостоянія, до такой степени прославленный *физіократами*, слишкомъ долго оставался въ общемъ пренебреженіи; теперь же наступаетъ для него новая эра, и мы вѣримъ, что онъ будетъ имѣть блестящее будущее,

тельства, которыя повидимому вызвали и установили эту политику, объяснены въ *третьей книгѣ*.

Хотя эти различные способы примѣненія труда были, можетъ статься, вызваны предразсудками и частными интересами отдѣльныхъ классовъ населенія, которые не предвидѣли, какія могли произойти отсюда послѣдствія для благосостоянія общества, однако они породили разныя теорія *политической экономіи* *), изъ которыхъ однѣ преувеличиваютъ значеніе городской промышленности, а другія—деревенской. Эти теоріи имѣли большое вліяніе не только на воззрѣнія ученыхъ, но и на политику государей и правительствъ. Я старался въ *четвертой книгѣ* изложить какъ можно яснѣе эти различныя теоріи, а также различныя послѣдствія, къ которымъ онѣ приводили въ разные вѣка и у разныхъ народовъ.

если только капиталы, вслѣдствіе проторей и убытковъ, понесенныхъ ими въ промышленности, обратятся къ земледѣлію, и въ особенности если преобразованіе ипотечной системы обезпечитъ земледѣльцамъ пользованіе кредитомъ на такихъ же льготныхъ условіяхъ, какими пользуются другіе производители.—**А. Бланки** (1849 г.).

Мнѣніе доктора Смита о предпочтеніи, какое въ новѣйшихъ государствахъ оказывается торговлѣ въ ущербъ земледѣлію, основывается повидимому на не вѣрномъ объясненіи фактовъ. Тогдашніе нравы, безъ всякаго сомнѣнія, были не благопріятны для земледѣлія: но тутъ не было никакого предвзятаго предпочтенія одной промышленности передъ другою, а еще менѣе вѣроятно, чтобы естественный ходъ прогресса могъ быть передѣланъ тогдашнею европейскою политикой. Въ сущности высказанное Адамомъ Смитомъ положеніе противорѣчитъ его же теоріи, такъ какъ онъ самъ показываетъ, что по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ странахъ земледѣліе, въ силу особыхъ обстоятельствъ, опередило торговлю.—**Бухананъ**.

*) Достойно вниманія, что Адамъ Смитъ употребляетъ здѣсь это совершенно новое въ то время названіе для обозначенія науки, составляющей предметъ его изслѣдованій. Но онъ не часто повторяетъ это имя въ своемъ сочиненіи и опредѣляетъ науку лишь въ началѣ IV книги, начиная свое изложеніе съ политико-экономическихъ системъ.—**Жозефъ Гарнье**.

Слѣдовательно, въ этихъ четырехъ книгахъ разсматривается то, что составляетъ доходъ массы народа, или свойство тѣхъ запасовъ, которые въ разное время и у разныхъ народовъ составляли ихъ годовое потребленіе.

Въ *пятой и послѣдней книгѣ* разсматривается доходъ государя или государства. Я старался объяснить въ этой книгѣ: 1) въ чемъ состоятъ необходимыя издержки государя или государства, какія изъ нихъ должны быть покрываемы сборами со всего общества и какія только извѣстною частью его, или отдѣльными членами этого общества; 2) въ чемъ состоятъ различные способы для того, чтобы привлечь цѣлое общество къ покрытію расходовъ, лежащихъ на всемъ народѣ въ совокупности, и въ чемъ состоятъ главныя выгоды и неудобства каждаго изъ этихъ способовъ; 3) наконецъ, какія причины заставили почти всѣ нынѣшнія правительства отдавать въ долгосрочный залогъ часть своихъ доходовъ, то есть входить въ долги, и какое вліяніе имѣли эти долги на дѣйствительное богатство общества, на годовой доходъ съ его земли и труда *).

---

*) Съ самаго начала своего сочиненія Адамъ Смитъ рѣзко отличаетъ свое ученіе отъ ученія *экономистовъ* XVIII столѣтія, или *физіократовъ*, которые не хотѣли признать другого источника богатства, кромѣ земледѣлія, и другого дохода, кромѣ *чистаго дохода* съ земли. Такую же ошибку сдѣлали и послѣдователи меркантильной школы, признавъ одну только торговлю способною производить богатство, заключавшееся, по ихъ мнѣнію, въ золотѣ и серебрѣ. Возстановляя значеніе труда, какъ необходимаго элемента производства, Адамъ Смитъ открылъ новую эру политической экономіи и указалъ истинный источникъ всѣхъ нашихъ доходовъ. — **А. Бланки**

КНИГА ПЕРВАЯ.

I.

О раздѣленіи труда.

Самыя значительныя улучшенія производительной силы труда и наибольшая часть искусства, ловкости и ума, которыми онъ управляется или примѣняется къ дѣлу, обязаны, кажется, *раздѣленію труда* *).

Чтобы составить себѣ наглядным образомъ понятіе о томъ, какое вліяніе имѣетъ раздѣленіе труда на общую промышленность народа, достаточно только обратить вниманіе на послѣдствія примѣненія этого раздѣленія въ какомъ нибудь отдѣльномъ производствѣ. Обыкновенно предполагаютъ, что раздѣленіе труда доведено до крайней степени на нѣкоторыхъ мануфактурахъ, гдѣ выдѣлываются предметы самой малой цѣнности. Въ дѣйствительности оно, можетъ быть, и не идетъ тамъ такъ да-

*) Многіе экономисты еще до Адама Смита понимали выгоды раздѣленія труда. Знаменитый публицистъ Беккарія указывалъ на нихъ еще въ 1769 г. въ своемъ курсѣ, читанномъ въ Миланѣ: но честь ихъ *объясненія* всегда будетъ принадлежать Адаму Смиту, потому что онъ первый доказалъ важность раздѣленія труда и его вліяніе на развитіе производства.—**А. Бланки.**

леко, какъ на нѣкоторыхъ болѣе крупныхъ фабрикахъ; но дѣло въ томъ, что на мануфактурахъ, гдѣ производятся мелкіе предметы, требуемые обыкновенно не большимъ числомъ потребителей, общее число рабочихъ на нихъ бываетъ не велико и притомъ тѣ изъ нихъ, которые заняты въ отдѣльныхъ отрасляхъ одного и того же производства, часто могутъ быть собраны въ одной мастерской и находиться вмѣстѣ въ одно время передъ глазами наблюдателя. Напротивъ, на большихъ фабрикахъ, приготовляющихъ предметы потребленія для большой массы народа, каждая отдѣльная часть работы занимаетъ такъ много рабочихъ, что невозможно бываетъ собрать ихъ всѣхъ вмѣстѣ въ одной мастерской. На такихъ обширныхъ фабрикахъ можно видѣть вмѣстѣ только такихъ рабочихъ, которые дѣлаютъ какое-нибудь одно дѣло. Хотя на такихъ фабрикахъ работа въ дѣйствительности и раздѣлена на гораздо большее число отдѣльныхъ частей, чѣмъ на мануфактурахъ, однако тамъ это раздѣленіе менѣе замѣтно, а потому оно и меньше обращало на себя вниманіе.

Возьмемъ для примѣра самое не значительное производство, на которомъ однако раздѣленіе труда часто очень замѣтно, а именно — производство булавокъ.

Рабочій, который не приловчился къ этой работѣ, сдѣлавшейся, вслѣдствіе разцѣленія труда, особымъ ремесломъ, и не привыкъ обращаться съ употребляющимися въ немъ инструментами, изобрѣтенными, вѣроятно, благодаря тому же раздѣленію труда,—такой рабочій, какъ бы онъ ни былъ ловокъ, не успѣетъ сработать въ теченіе цѣлаго

дня даже одной булавки, и ужь, конечно, не сдѣлаетъ ихъ двадцать. Но при томъ устройствѣ, какое имѣетъ теперь это производство, оно не только во всей своей совокупности составляетъ отдѣльное ремесло, но еще подраздѣляется на много отраслей, большая часть которыхъ, въ свою очередь, является отдѣльнымъ ремесломъ. Одинъ рабочій *тянетъ проволоку*, другой *выравниваетъ* ее, третій *обрѣзаетъ*, четвертый *завастриваетъ*, пятый только *обтачиваетъ* конецъ для насадки *головки*. Эта *головка* сама по себѣ служитъ предметомъ двухъ или трехъ отдѣльныхъ операцій: одно дѣло — *выбить* головку, другое—*вычистить* булавку; совсѣмъ особое, самостоятельное занятіе — *проколоть* бумажки и насадить на нихъ булавки. Вообще, важный трудъ сработать булавку дѣлится приблизительно на 18 различныхъ операцій, которыя на нѣкоторыхъ заведеніяхъ исполняются такимъ же числомъ разныхъ рабочихъ, хотя на другихъ одинъ рабочій исполняетъ по двѣ или по три операціи за-разъ. Я видѣлъ одну такую маленькую мануфактуру; на ней работало только 10 рабочихъ и потому нѣкоторые изъ нихъ исполняли по двѣ и по три операціи за-разъ. Хотя эта мануфактура была очень бѣдна и потому дурно снабжена машинами и инструментами, однако и эти 10 рабочихъ, если они горячо принимались за дѣло, успѣвали сработать около 12 фунтовъ булавокъ въ день. А такъ какъ въ каждомъ фунтѣ полагается болѣе 4.000 булавокъ средней величины, то, стало быть, эти 10 рабочихъ успѣвали сработать вмѣстѣ болѣе 48.000 булавокъ въ день, и на каждаго рабочаго, приготовлявшаго только десятую часть этого товара, приходилось въ день 4.800 бу-

лавокъ. Но если бы эти рабочіе работали въ-одиночку и независимо одинъ отъ другого и если бы они не приловчились къ своему дѣлу, то, конечно, ни одинъ изъ нихъ не сработалъ бы и 20 булавокъ, а, можетъ быть, и одной булавки в весь рабочій день. Другими словами: они навѣрно не сработали бы $^1/_{240}$, а пожалуй и $^1/_{4800}$ части того, что теперь они могутъ сработать, благодаря искусному распредѣленію и сочетанію различныхъ операцій въ этомъ производствѣ.

Во всякомъ другомъ производствѣ, на всякой другой мануфактурѣ послѣдствія раздѣленія труда—тѣже, какія мы сейчасъ видѣли въ булавочномъ производствѣ, хотя вообще въ большей части другихъ производствъ трудъ рабочаго не можетъ быть до такой степени разбитъ на отдѣльныя и такія простыя операціи. Тѣмъ не менѣе въ каждомъ производствѣ наибольшее раздѣленіе труда, какое только возможно, вызываетъ въ соотвѣтствующей мѣрѣ усиленіе производительности труда. Эта-то выгода, кажется, и вызвала раздѣленіе различныхъ занятій и ремеслъ.

Съ другой стороны, такое раздѣленіе работъ вообще бываетъ сильнѣе въ тѣхъ странахъ, которыя достигли наибольшей степени развитія: что въ обществѣ еще грубомъ составляетъ работу одного человѣка, то въ обществѣ болѣе развитомъ распредѣляется между многими рабочими. Въ каждомъ развитомъ обществѣ фермеръ всегда остается фермеромъ, фабрикантъ—фабрикантомъ. Трудъ, необходимый для окончательнаго производства какого нибудь мануфактурнаго предмета, также почти всегда распредѣляется между большимъ числомъ рукъ.

Сколько отдѣльныхъ работъ обнимаетъ собою каждая отдѣльная отрасль мануфактурнаго производства, напримѣръ, полотна или сукна, начиная съ работника, который трудится надъ обработкою льна и шерсти, и кончая рабочимъ, употребляемымъ на бѣленіе и вощеніе полотна, или крашеніе и наведеніе ворсы на сукно!

Правда, земледѣліе, по самой природѣ своей, не допускаетъ ни такого большого подраздѣленія труда, ни такого полнаго расчлененія отдѣльныхъ работъ, какъ мануфактуры. Такое большое увеличеніе въ количествѣ работъ, которое, вслѣдствіе раздѣленія труда, можетъ быть исполнено однимъ и тѣмъ же числомъ рабочихъ зависитъ отъ трехъ различныхъ причинъ: во-первыхъ, отъ развитія личной ловкости каждаго рабочаго;—во-вторыхъ, отъ сбереженія времени, которое обыкновенно тратится на переходъ отъ одной работы къ другой,—и въ-третьихъ, наконецъ, отъ изобрѣтенія большого числа машинъ, облегчающихъ и сокращающихъ трудъ и позволяющихъ одному человѣку исполнять работу нѣсколькихъ.

Во-первыхъ, развитіе ловкости рабочаго увеличиваетъ количество работы, которое онъ можетъ исполнить, а раздѣленіе труда, сокращая работу каждаго человѣка до какой нибудь одной самой простой операціи и обращая ее въ единственное занятіе его жизни, даетъ ему возможность пріобрѣсть весьма большую сноровку. Если бы обыкновенному кузнецу случайно пришлось обратиться къ приготовленію гвоздей, которыхъ онъ прежде не дѣлалъ, то, какъ бы хорошо онъ ни владѣлъ молотомъ, ему было бы очень трудно сработать въ

день 200 или 300 штукъ гвоздей, да и тѣ вышли бы очень дурны. Но этого мало. Если бы кузнецъ даже и привыкъ работать гвозди, но они не составляли прежде его единственнаго ремесла, то какъ бы онъ ни былъ трудолюбивъ, не успѣлъ бы, вѣроятно, приготовить въ теченіе цѣлаго дня болѣе 800 или 1.000 штукъ. А между тѣмъ я видѣлъ рабочихъ моложе 20 лѣтъ, которые никогда ничѣмъ не занимались кромѣ приготовленія гвоздей. И что-же? Въ разгаръ работы каждый изъ нихъ могъ приготовить въ день болѣе 2.300 гвоздей. Впрочемъ, приготовленіе гвоздей еще не принадлежитъ къ числу самыхъ простыхъ производствъ, потому что одинъ и тотъ же человѣкъ раздуваетъ мѣхи, сгребаетъ или разгребаетъ жаръ, когда онъ ему нуженъ, раскаливаетъ желѣзо и куетъ отдѣльно каждую часть гвоздя, а при выковкѣ головки по-неволѣ мѣняетъ инструменты. Гораздо проще различныя операціи, на которыя подраздѣляется производство булавокъ или металлическихъ пуговицъ, и ловкость человѣка, который всю свою жизнь занимался одними только этими работами, бываетъ обыкновенно наибольшая. Быстрота, съ которою исполняются на фабрикахъ нѣкоторыя изъ этихъ операцій, превосходитъ всякое вѣроятіе, и кто не видалъ этого собственными глазами, не повѣритъ, чтобы рука человѣческая могла достигнуть такого проворства.

Во-вторыхъ, выгода отъ сбереженія времени, которое обыкновенно теряется при переходѣ отъ одного рода занятій къ другому, гораздо больше, чѣмъ это можно подумать съ перваго взгляда. Вообще, нельзя очень быстро перейти отъ одной работы къ другой, если она требуетъ еще перемѣны

мѣста и инструментовъ. Деревенскій ткачъ, воздѣлывающій, кромѣ того, свое маленькое поле, теряетъ большую часть своего времени именно на переходъ отъ мастерской въ поле и съ поля въ мастерскую. Если же два занятія могутъ быть соединены въ одномъ помѣщеніи, то потеря времени будетъ, конечно, гораздо меньше, хотя она все-таки довольно велика. Обыкновенно рабочій, переходя отъ одного занятія къ другому, всегда теряетъ хоть сколько нибудь времени. Когда же онъ начинаетъ какую нибудь новую работу, то рѣдко съ перваго же раза отдается ей весь вполнѣ; у него, какъ говорится, еще не лежитъ къ ней сердце и въ первыя минуты онъ больше зѣваетъ, чѣмъ работаетъ съ охотою. Эта привычка глазѣть по сторонамъ и работать безъ вниманія и небрежно свойственно въ особенности деревенскому рабочему, или вѣрнѣе сказать— онъ поневолѣ пріобрѣтаетъ эту привычку, потому что принужденъ черезъ каждые полчаса мѣнять работу и инструменты и ежедневно хвататься за двадцать различныхъ работъ. Вслѣдствіе этой привычки, онъ становится лѣнивъ и не способенъ къ настойчивому и рачительному труду особенно тогда, когда ему приходится очень спѣшить своею работой. Такимъ образомъ, не говоря вообще о недостаткѣ у него ловкости, одна уже эта причина значительно уменьшаетъ количество работы, которое онъ могъ бы исполнить.

Въ-третьихъ, наконецъ, кому неизвѣстно, на сколько сокращается и облегчается трудъ примѣненіемъ машинъ къ производству. Доказывать это примѣрами не стоитъ. Замѣчу только, что первоначально изобрѣтеніе всѣхъ такихъ машинъ, сокращающихъ

и облегчающихъ трудъ, обязано, кажется, ни чему другому какъ раздѣленію труда. Когда все вниманіе человѣка направлено на какой-нибудь одинъ предметъ, то ему гораздо легче найти способы для скорѣйшаго и легчайшаго достиженія цѣли, чѣмъ если бы приходилось ему заразъ справляться со многими различными дѣлами. Благодаря раздѣленію труда, вниманіе каждаго человѣка естественно останавливается всецѣло на какомъ нибудь одномъ, и притомъ очень простомъ предметѣ. А слѣдовательно, естественно ожидать, что всякій, кто занимается какою нибудь отдѣльною частію работы, скоро найдетъ кратчайшіе и легчайшіе способы исполнить свою отдѣльную задачу, если только это возможно по самому свойству его работы. Большая часть машинъ, употребляемыхъ на фабрикахъ, отличающихся наибольшимъ раздѣленіемъ труда, были изобрѣтены въ своемъ первоначальномъ видѣ простыми рабочими, которые естественно прилагали всѣ заботы къ тому, чтобы найти самыя скорыя и простыя средства для исполненія каждымъ изъ нихъ особой задачи, составляющей предметъ его единственнаго занятія. Кому приходилось посѣщать фабрики, тотъ не разъ видалъ остроумныя машины или приспособленія, изобрѣтенныя бѣдными рабочими для ускоренія и облегченія ихъ работы. Къ первымъ паровымъ машинамъ приставлялся обыкновенно мальчикъ, все дѣло котораго состояло въ томъ, чтобы поочередно открывать и закрывать сообщеніе между паровикомъ и цилиндромъ, соотвѣтственно тому, подымался или опускался поршень. И вотъ одинъ изъ такихъ мальчиковъ, думавшій только о томъ, какъ бы поиграть съ

своими товарищами, замѣтилъ, что если привязать веревку къ рукоятьѣ клапана, открывавшаго это сообщеніе, и прикрѣпить ее къ другой части машины, то клапанъ будетъ открываться и закрываться самъ собою безъ его помощи, и что, благодаря этой выдумкѣ, онъ можетъ потомъ свободно забавляться съ товарищами. Такимъ образомъ одно изъ открытій, которое наиболѣе содѣйствовало потомъ усовершенствованію паровыхъ машинъ съ самаго начала ихъ изобрѣтенія, обязано ребенку, помышлявшему только о томъ, какъ бы облегчить себѣ работу.

Но ошибочно было бы думать, что всѣ открытія по усовершенствованію машинъ и другихъ орудій производства сдѣланы только людьми лично приставленными къ нимъ. Большая часть ихъ создана искусствомъ строителей машинъ съ тѣхъ поръ, какъ приготовленіе ихъ составило предметъ особой промышленности, а нѣкоторыя изъ нихъ изобрѣтены такъ называемыми *учеными* или *теоретиками*, назначеніе которыхъ не въ томъ, чтобы самимъ работать на нихъ, а въ томъ, чтобы наблюдать, какъ онѣ работаютъ и которые поэтому могутъ комбинировать наиболѣе отдаленныя другъ отъ друга и наименѣе сходныя между собою силы. Въ развитомъ обществѣ умственная и отвлеченная дѣятельность, какъ и всякая другая, становится главнымъ или даже единственнымъ занятіемъ особаго класса гражданъ. Это спеціальное занятіе, какъ и всякое другое, въ свою очередь, также распадается на множество другихъ отраслей, изъ которыхъ каждою занимается особый классъ ученыхъ, и такое *подраздѣленіе труда* въ наукахъ, какъ и во

всякомъ другомъ занятіи, способствуетъ усиленію ловкости и сбереженію времени. Каждый человѣкъ пріобрѣтаетъ гораздо болѣе опытности и сноровки въ той особой спеціальности, которую онъ избралъ, причемъ трудъ становится болѣе совершеннымъ, а сумма знаній значительно увеличивается.

Это огромное умноженіе произведеній всевозможныхъ искусствъ и ремеслъ, происходящее отъ раздѣленія труда, вызываетъ въ обществѣ, хорошо управляемомъ, общее благосостояніе, проникающее въ самые нисшіе слои народа. У каждаго рабочаго остается большое количество труда, которымъ онъ вполнѣ можетъ располагать сверхъ того, что онъ употребляетъ на удовлетвореніе собственныхъ потребностей; а такъ какъ и другіе рабочіе находятся въ такомъ же положеніи, то и является возможность взаимнаго обмѣна большого количества продуктовъ, составляющихъ избытокъ этого труда. Одинъ рабочій можетъ обильно снабдить другихъ рабочихъ тѣмъ, что имъ нужно, и, въ свою очередь, получить отъ нихъ то, въ чемъ онъ самъ нуждается, вслѣдствіе чего и развивается общее благосостояніе во всѣхъ классахъ общества.

Присмотритесь, изъ чего въ странѣ образованной и развивающейся состоитъ движимое имущество простого поденщика, или послѣдняго чернорабочаго, и вы увидите, что невозможно даже пересчитать людей, которые своимъ трудомъ содѣйствовали снабженію его какою нибудь частью этого имущества. Шерстяная куртка, напримѣръ, которую носитъ поденщикъ, какъ бы она ни была груба, есть продуктъ совокупнаго труда несчетнаго множества рабочихъ. Пастухъ, сортировщикъ, чесальщикъ шер-

сти, красильщикъ, прядильщикъ, ткачъ, ворсировщикъ, гладильщикъ и пр.—всѣ они участвовали въ производствѣ и отдѣлкѣ этого грубаго предмета. А сколько, сверхъ того, торговцевъ и вощиковъ были заняты доставкою матеріаловъ для всѣхъ этихъ рабочихъ, живущихъ часто въ отдаленныхъ другъ отъ друга мѣстахъ! Сколько движенія въ торговлѣ, на водяныхъ путяхъ сообщенія! А сколько людей было занято постройкою судовъ, приготовленіемъ парусовъ и снастей, матросовъ, чтобы только перевезти разныя снадобья, нужныя для красильщика, часто съ отдаленнѣйшихъ концовъ свѣта *)! Сколько также разнообразнаго труда для приготовленія инструментовъ, нужныхъ этимъ рабочимъ! Не будемъ говорить о такихъ наиболѣе сложныхъ машинахъ, какъ купеческій корабль, валяльная мельница, или ткацкій станокъ, но подумайте только о томъ, какой массы труда требуетъ одинъ изъ простѣйшихъ снарядовъ—хоть бы ножницы, которыми пастухъ стрижетъ овецъ. Нужно, чтобы рудокопъ, строитель горна, въ которомъ плавилась руда, дровосѣкъ, валивший строевой лѣсъ.

---

*) Превосходная картина, набросанная въ этой главѣ, о пользѣ торговли, вмѣстѣ съ раздѣленіемъ труда, можетъ служить достаточнымъ отвѣтомъ на нѣкоторыя теоріи, заподозрившія важность иностранной торговли. Торговля одной страны съ другою въ сущности ничѣмъ не отличается отъ внутренней торговли. Внутренній обмѣнъ установляетъ раздѣленіе труда, тогда какъ внѣшній обмѣнъ распространяетъ его еще дальше, доставляя народу возможность, постояннымъ улучшеніемъ своихъ земель и труда, очень сильно развить свое годовое производство. И внѣшняя и внутренняя торговля всякой страны основывается на одномъ и томъ же принципѣ, а слѣдовательно должны быть и одни доказательства въ пользу той и другой.—**Бухананъ.**

2

угольщикъ, доставившій уголь для горна, кирпичникъ, каменьщикъ, рабочіе, сложившіе кузнечный горнъ или мельницу, кузнецъ, ножевщикъ и пр.,— нужно, чтобы всѣ они соединились вмѣстѣ и совокупнымъ трудомъ содѣйствовали производству этого не хитраго снаряда. Если разсмотрѣть точно также другія части одежды того же рабочаго, или каждую утварь его домашняго хозяйства, грубую полотняную рубашку, которую онъ носитъ, башмаки, которые надѣваетъ на ноги, постель, на которой спитъ, и всѣ различныя части ея въ отдѣльности, рѣшетку, на которой варитъ себѣ пищу, употребляемый имъ при этомъ каменный уголь, добываемый изъ нѣдръ земли и привозимый издалека водою или сухимъ путемъ, а равно всѣ другія принадлежности кухни и стола, его ножи и вилки, глиняныя или оловянныя тарелки, на которыхъ онъ ѣстъ и рѣжетъ пищу, разнообразные труды, употребленные на приготовленіе ему хлѣба и пива, стеколъ въ рамахъ, доставляющихъ ему и теплоту и свѣтъ и защищающихъ его отъ вѣтра и дождя, искусство и знаніе, необходимыя для приготовленія такого счастливаго и великолѣпнаго изобрѣтенія, безъ котораго едва возможно было бы жить въ нашемъ сѣверномъ климатѣ;—если представить себѣ многочисленныя орудія, необходимыя для рабочихъ, занимающихся производствомъ столь разнообразныхъ удобствъ жизни;—если въ подробности разсмотрѣть всѣ эти предметы и сообразить, какое множество разнообразныхъ работъ требуется для производства каждаго изъ нихъ; то поймешь, что въ образованной странѣ, безъ помощи и содѣйствія многихъ тысячъ рабочихъ, ни одинъ самый по-

слѣдній бѣднякъ не могъ бы одѣться и обзавестись самыми не затѣйливыми предметами хозяйства, которые такъ несправедливо признаются слишкомъ простыми и обыкновенными. Правда, его обстановка покажется чрезвычайно простою и обыкновенною, если сравнить ее съ чрезвычайною роскошью большого барина; однако между обстановкою какого-нибудь европейскаго государя и трудолюбиваго, домовитаго крестьянина не окажется, можетъ быть, такой разницы, какъ между обстановкою этого послѣдняго и какого-нибудь африканскаго государя, властвующаго надъ десяткомъ тысячъ нагихъ дикарей и безусловно располагающаго ихъ свободою и самою жизнію.

II.

О принципѣ, вызывающемъ раздѣленіе труда.

На раздѣленіе труда, доставляющее такъ много выгодъ, не должно смотрѣть, какъ на слѣдствіе человѣческой мудрости, съумѣвшей впередъ предусмотрѣть и сознать общее благосостояніе, которое было его результатомъ. Оно есть необходимое, хотя медленно и постепенно развивающееся, послѣдствіе опредѣленнаго, врожденнаго всѣмъ людямъ, стремленія, побуждающаго ихъ къ торгу, къ взаимному обмѣну одного предмета на другой, безъ всякаго предвзятаго разсчета относительно ожидаемой отъ того выгоды.

Въ задачу нашего изслѣдованія не входитъ разсмотрѣніе вопроса о томъ, составляетъ ли это стремленіе одно изъ самыхъ первоначальныхъ свойствъ человѣческой природы, въ которомъ нельзя отдать себѣ никакого отчета, или же, что̀ кажется болѣе правдоподобнымъ, оно есть естественное послѣдствіе разума и дара слова. Оно присуще всѣмъ людямъ; но оно не замѣчается ни у одного изъ животныхъ, которымъ подобныя отношенія, какъ и многія другія, остаются совершенно не знакомы. Когда глядишь, какъ двѣ борзыя собаки преслѣ-

дуютъ зайца, можетъ показаться. что онѣ дѣйствуютъ какъ будто по взаимному соглашенію. Обѣ онѣ гонятъ его въ сторону одна къ другой, и каждая изъ нихъ старается схватить его, когда онъ направляется въ ея сторону. Но все-таки тутъ нѣтъ никакого соглашенія между двумя животными: это— просто случайное совпаденіе ихъ страсти къ одному и тому же предмету. Никому, конечно, никогда не случалось видѣть, чтобы собака сознательно мѣнялась костью съ другою собакой. Никому никогда не случалось видѣть или слышать, чтобы собака подавала свой голосъ или объясняла жестами другой собакѣ: *это-моль мое, а вотъ это—твое, я отдамъ тебѣ одно въ обмѣнъ на другое.* Когда животное хочетъ получить что нибудь отъ другого животнаго или человѣка, оно не знаетъ другого средства, какъ подластиться къ тому, въ комъ оно нуждается. Щенокъ ласкается къ своей матери, а собака. присутствующая при обѣдѣ своего хозяина, старается всевозможными способами обратить на себя его вниманіе и получить отъ него что нибудь поѣсть. Точно также поступаетъ иногда и человѣкъ съ своими ближними: если онъ не имѣетъ другого средства заставить ихъ сдѣлать то, что ему хочется, онъ старается пріобрѣсть ихъ расположеніе лестью и раболѣпствомъ. Но у него не всегда есть время пользоваться такимъ способомъ: въ образованномъ обществѣ онъ ежеминутно нуждается въ помощи и содѣйствіи множества людей, тогда какъ всей его жизни не достало-бы, можетъ быть, на то, чтобы пріобрѣсть дружбу нѣсколькихъ человѣкъ. Съ другой стороны, всякое животное любой породы, достигнувъ вполнѣ зрѣлаго возраста, становится со-

вершенно не зависимымъ и, пока остается въ своямъ естественномъ состояніи, можетъ обходиться безъ всякой помощи со стороны подобнаго ему живого существа. На-оборотъ, человѣкъ, почти всегда нуждается въ помощи своихъ ближнихъ, но напрасно онъ сталъ бы надѣяться только на ихъ доброе къ себѣ расположеніе. Гораздо вѣрнѣе достигаетъ онъ своей цѣли, если обращается къ ихъ личному интересу и умѣетъ убѣдить ихъ, что ихъ собственная выгода заставляетъ ихъ поступить именно такъ, какъ ему хочется, чтобы они поступили. Такъ именно и поступаетъ человѣкъ, предлагающій другому чѣмъ нибудь обмѣняться съ нимъ: весь смыслъ его предложенія таковъ: *дайте мнѣ то, что мнѣ нужно, а вы получите отъ меня то, что вамъ самимъ нужно.* Такимъ именно способомъ и пріобрѣтается бо́льшая часть услугъ, которыя намъ нужны.

Не отъ добраго-же расположенія къ намъ мясника, продавца пива и хлѣбника надѣемся мы получить, что намъ нужно для обѣда, но отъ ихъ заботливости о ихъ собственныхъ интересахъ. Въ этомъ случаѣ мы обращаемся не къ человѣколюбію ихъ, а къ эгоизму, и при этомъ еще толкуемъ имъ, конечно, не о своихъ нуждахъ, а о ихъ собственныхъ выгодахъ. Только нищій по-неволѣ становится въ зависимость отъ благорасположенія сторонихъ людей, да и то не во всемъ. Правда, благодаря милосердію добрыхъ людей, онъ получаетъ все необходимое для своего существованія; но этотъ источникъ, изъ котораго онъ получаетъ то, что ему нужно для жизни, не можетъ быть единственнымъ. по мѣрѣ того, какъ даютъ о себѣ знать его потреб-

ности. Бо́льшая часть этихъ потребностей даже у нищаго, какъ и у всѣхъ людей, удовлетворяется еще путемъ договора, мѣны, купли. На деньги, которыя ему подаютъ, онъ покупаетъ себѣ хлѣбъ; старую, поданную ему въ видѣ милостыни, одежу онъ мѣняетъ на другую, болѣе для него удобную, или на жилище, пищу и, наконецъ, на деньги, на которыя потомъ, въ случаѣ нужды, можетъ нанять себѣ жилище, купить пищу или одежду.

Какъ посредствомъ договора, мѣны, купли пріобрѣтается бо́льшая часть взаимно необходимыхъ намъ услугъ, тоже стремленіе къ обмѣну вызвало первоначально и раздѣленіе труда. Такъ напримѣръ: если среди какого нибудь охотничьяго или пастушечьяго племени явится человѣкъ, умѣющій работать луки и стрѣлы такъ быстро и искусно, какъ никто изъ его соплеменниковъ, то онъ легко обмѣняетъ это оружіе на мясо и дичь и скоро пойметъ, что этимъ способомъ онъ можетъ пріобрѣсть больше мяса и дичи, чѣмъ если бы самъ ходилъ на охоту. Такимъ образомъ, вслѣдствіе простого разсчета, онъ дѣлаетъ изъ приготовленія луковъ и стрѣлъ свое спеціальное занятіе.—и вотъ готовъ своего рода оружейникъ. Другой, положимъ, отличается въ постройкѣ и покрышкѣ маленькихъ хижинъ или передвижныхъ шалашей; сосѣди его привыкаютъ употреблять его на эту работу, давая ему въ уплату за нее скотъ и дичину, такъ что, наконецъ, онъ находитъ для себя выгоднымъ посвятить себя исключительно этому занятію и такимъ образомъ дѣлается плотникомъ и строителемъ. Третій точно также становится кузнецомъ или мѣдникомъ; четвертый—кожевникомъ или дубильщикомъ кожъ,

составляющихъ главную одежду дикарей. Такимъ образомъ увѣренность каждаго человѣка въ возможности промѣнять произведенія своего труда, составляющія излишекъ его потребленія, на такой же излишекъ произведеній другихъ людей, въ которыхъ онъ нуждается, побуждаетъ его посвятить себя какому нибудь отдѣльному занятію и развить въ себѣ способности, необходимыя для такого труда.

Въ дѣйствительности различіе врожденныхъ талантовъ у людей совсѣмъ не такъ велико, какъ мы воображаемъ себѣ, и различныя способности, которыми они, достигнувъ зрѣлаго возраста, отличаются по своимъ занятіямъ составляютъ въ большинствѣ случаевъ не столько причину, сколько послѣдствіе раздѣленія труда. Различіе между людьми, посвятившими себя самымъ противоположнымъ занятіямъ, какъ, напримѣръ, между философомъ и простымъ носильщикомъ, зависитъ гораздо менѣе отъ ихъ натуры, чѣмъ отъ привычекъ и воспитанія. Въ первые шесть или восемь лѣтъ своего возраста, когда оба они находились еще на порогѣ жизни, сходство ихъ было, можетъ быть, такъ велико, что родители ихъ и товарищи, пожалуй, и не находили между ними замѣтнаго различія. Около же этого возраста, или вскорѣ послѣ него, ихъ стали употреблять на совершенно различныя работы, и вотъ съ этихъ именно поръ возникаетъ между ними несходство, которое постепенно увеличивается до того, что теперь тщеславіе философа едва признаетъ малѣйшую черту сходства его съ простымъ носильщикомъ. Но если бы люди не обладали стремленіемъ къ взаимному обмѣну, торгу, то каждый изъ нихъ былъ бы принужденъ самъ добывать себѣ все,

что ему необходимо и удобно для жизни. Каждому по-неволѣ пришлось бы тогда дѣлать все тоже самое и исполнять все то же самое, что дѣлаютъ и исполняютъ другіе, и, конечно, тогда не было бы такого большого различія въ занятіяхъ, которое одно можетъ вызвать и большое различіе въ личныхъ способностяхъ.

Если это стремленіе къ взаимному обмѣну вызываетъ разнообразіе способностей, столь замѣтное въ людяхъ различныхъ занятій, то, благодаря тому же стремленію, это разнообразіе становится полезнымъ. Различіе въ свойствахъ и способностяхъ, которыми природа надѣлила многія породы животныхъ, признаваемыя за одинъ и тотъ же видъ, гораздо замѣтнѣе, чѣмъ у людей, раньше того времени, когда повліяли на нихъ привычки и воспитаніе. Философъ по своей природѣ на половину не представляетъ по своимъ способностямъ и уму такого отличія отъ носильщика, какое существуетъ между дворовою и борзою собакой, между борзою и лягавою, между лягавою и овчаркой. Тѣмъ не менѣе эти различныя породы животныхъ, хотя и принадлежатъ къ одному и тому же виду, почти безполезны другъ для друга. Дворовая собака, пользуясь преимуществами силы, не можетъ похвалиться ни легкостью борзой, ни проницательностью лягавой собаки, ни послушаніемъ овчарки. Эти разнообразныя способности, или степени разума, вслѣдствіе отсутствія у животныхъ стремленія къ торгу и обмѣну, лишены всякой солидарности и рѣшительно ни въ чемъ не способствуютъ совокупнымъ выгодамъ и удобствамъ жизни цѣлаго вида. Каждое животное поставлено въ необходимость всегда про-

мышлять о себѣ и защищать себя только своими собственными силами, совершенно независимо отъ другихъ, и потому не можетъ извлечь для себя никакой пользы изъ того разнообразія дарованій, которыми природа надѣлила подобныхъ ему животныхъ. На-оборотъ, между людьми самыя противоположныя способности полезны другъ другу; различные предметы ихъ производства, благодаря стремленію къ мѣнѣ и торгу, такъ сказать, складываются въ одну общую массу, изъ которой каждый человѣкъ можетъ купить себѣ, смотря по своимъ потребностямъ, любую часть произведеній другихъ людей.

III.

Раздѣленіе труда ограничивается общирностью рынка.

Такъ какъ раздѣленіе труда вызывается возможностью обмѣна, то, слѣдовательно, и увеличеніе этого раздѣленія всегда ограничивается предѣлами возможности обмѣна или, другими словами, общирностью *рынка* *). Если рынокъ очень малъ, то никто не найдетъ для себя выгоднымъ заняться исключительно какою-нибудь одною работою, просто по невозможности обмѣнять и лишекъ произведеній своего труда, превышающій собственное потребленіе, на такой же излишекъ произведеній труда другого человѣка.

Есть извѣстные промыслы, даже самаго низкаго разряда, которые не могутъ существовать нигдѣ, какъ только въ большомъ городѣ. Такъ, напримѣръ, носильщикъ нигдѣ, кромѣ города, не могъ бы найти себѣ работы, ни прокормленія. Деревня — область для него слишкомъ тѣсная; даже не всякій обыкновенный городъ достаточно обширенъ, чтобы доставить ему постоянный заработокъ. Въ отдѣльныхъ

---

*) Слово это принято здѣсь въ общирномъ смыслѣ и означаетъ *массу покупателей* или *возможный сбытъ* какого-нибудь товара — **Жерменъ Гарнье.**

избахъ и бѣдныхъ хижинахъ, разбросанныхъ въ такой рѣдко населенной области, какъ, напримѣръ, горная Шотландія, каждый фермеръ по-неволѣ долженъ быть въ одно время и мясникомъ, и хлѣбникомъ, и пивоваромъ. Въ такихъ мѣстахъ нельзя найти двухъ кузнецовъ, двухъ каменьщиковъ, двухъ плотниковъ ближе, чѣмъ на разстояніи двадцати миль одинъ отъ другого. Семьи, живущія не ближе восьми или десяти миль отъ такихъ рабочихъ, принуждены выучиться сами множеству мелкихъ работъ, за которыми въ болѣе населенной мѣстности они обратились бы къ особымъ мастерамъ. Въ деревняхъ почти вездѣ рабочіе вынуждены заниматься самыми разнообразными промыслами, имѣющими между собою какое-нибудь сходство по употребленію одинаковыхъ матеріаловъ. Въ деревнѣ плотникъ работаетъ всякія издѣлія изъ дерева, а слесарь—изъ желѣза. Первый – не только плотникъ, но и столяръ и токарь; онъ рѣщикъ по дереву и въ тоже время дѣлаетъ сохи, телѣги. Работы слесаря еще разнообразнѣе. Въ отдаленныхъ областяхъ горной Шотландіи для гвоздаря нѣтъ работы. Полагая по тысячѣ гвоздей въ день и считая триста рабочихъ дней въ году, этотъ мастеръ могъ бы заготовить триста тысячъ гвоздей въ годъ. Но въ такой мѣстности онъ не нашелъ бы въ теченіе цѣлаго года сбыта даже и для одной тысячи гвоздей, то есть, для работы только одного дня.

Такъ какъ легкость перевозки водою открываетъ для всякой промышленности несравненно болѣе широкій рынокъ, чѣмъ сухопутная перевозка, то понятно, что всякая промышленность начинаетъ развиваться и дробиться на отдѣльныя отрасли прежде все-

го вдоль морскихъ береговъ и судоходныхъ рѣкъ, и лишь по прошествіи долгаго временіуспѣхи ея начинаютъ обыкновенно проникать во внутреннія области страны. Надо употребить около шести недѣль времени, чтобы на большой телегѣ, запряженной восемью лошадьми и въ сопровожденіи двоихъ рабочихъ, перевезти изъ Лондона въ Эдинбургъ и обратно какой-нибудь товаръ вѣсомъ въ четыре тонны. Но приблизительно въ такое же время судно съ экипажемъ въ шесть-восемь человѣкъ перевозитъ обыкновенно изъ лондонскаго порта въ Лейтъ и обратно грузъ вѣсомъ въ 200 тонн. Такимъ образомъ, благодаря водяному сообщенію, шесть или восемь человѣкъ въ опредѣленный срокъ могутъ отвезти и привезти назадъ изъ Лондона въ Эдинбургъ такое количество груза, для котораго понадобилось бы пятьдесятъ большихъ телѣгъ, запряженныхъ четырьмя стами лошадей и въ сопровожденіи ста рабочихъ *). Слѣдовательно, на каждыя двѣсти тонн товара, перевозимаго сухимъ путемъ изъ Лондона въ Эдинбургъ, при самыхъ выгодныхъ условіяхъ, должны лечь расходы по содержанію ста человѣкъ въ теченіи трехъ недѣль и, сверхъ того, расходы не только по содержанію, но и по ремонту четырехсотъ лошадей и пятидесяти большихъ телѣгъ, что обходится обыкновенно почти такъ же дорого. Между тѣмъ на тоже количество товара, перевозимаго водою, ляжетъ расходъ по содержанію только шести или восьми человѣкъ и по ремонту судна въ двѣсти

*) Расходы по сухопутной перевозкѣ товаровъ значительно упали послѣ изданія сочиненія Смита; но они и до сихъ поръ гораздо больше расходовъ по перевозкѣ моремъ. — **Макъ-Холлохъ.**

тонпъ,—расходъ. къ которому пришлось бы прибавить развѣ еще то, чего стоилъ бы нѣсколько большій рискъ водяной перевозки, или разницу въ сравнительной безопасности провоза водою и сухимъ путемъ. Слѣдовательно, если бы между этими двумя городами не было другого сообщенія, какъ сухимъ путемъ, то перевозить между ними можно было бы только товары очень дорогіе, сравнительно съ ихъ вѣсомъ. Такимъ городамъ пришлось бы довольствоваться лишь очень малою частью торговли, существующей между ними въ настоящее время, а съ другой стороны, они могли бы оказывать лишь весьма слабое вліяніе на развитіе ихъ промышленности сравнительно съ тѣмъ, какое она имѣетъ теперь. При такомъ условіи между отдаленными странами міра не было бы совсѣмъ никакой торговли, или она производилась бы въ размѣрахъ очень ограниченныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, какіе товары могли бы вынести расходы сухопутной перевозки изъ Лондона въ Калькутту? Предположимъ даже, что нашлось бы не мало цѣнныхъ товаровъ, которые, пожалуй, и вынесли бы такіе расходы; но на сколько безопасно было бы везти ихъ черезъ земли столькихъ варварскихъ народовъ? Теперь же эти два города ведутъ между собою очень оживленную торговлю и, благодаря взаимно доставляемому ими сбыту товаровъ, они даютъ очень сильный толчокъ каждый своей промышленности.

Въ виду такихъ важныхъ выгодъ, представляемыхъ водяными сообщеніями, само собою понятно, что первые успѣхи искусствъ и промышленности оказывались всегда тамъ, гдѣ эта легкость сообщеній открывала міровой рынокъ для произведеній

всякаго рода труда, а внутрь страны эти успѣхи проникали лишь гораздо позднѣе. Внутреннія области, въ теченіе долгаго времени, не могли имѣть для большей части своихъ товаровъ другого рынка, какъ въ смежныхъ съ ними областяхъ, отрѣзывающихъ ихъ отъ моря и судоходныхъ рѣкъ. Такимъ образомъ обширность рынка такихъ внутреннихъ областей, въ теченіе долгаго времени, должна соотвѣтствовать только ихъ собственной производительности, а слѣдовательно онѣ могутъ сдѣлать успѣхи не иначе, какъ послѣ тѣхъ странъ, которыя ихъ окружаютъ. Въ англійскихъ колоніяхъ Сѣверной Америки первыя поселенія возникали всегда по берегамъ моря, или вдоль судоходныхъ рѣкъ, и рѣдко отступали на значительное отъ нихъ разстояніе внутрь страны.

Самые достовѣрные историческіе факты свидѣтельствуютъ, что цивилизація коснулась прежде всего тѣхъ народовъ, которые жили по берегамъ Средиземнаго моря. Это море, безъ сомнѣнія, самое обширное изъ всѣхъ внутреннихъ бассейновъ земного шара, не знаетъ ни приливовъ ни отливовъ, а, слѣдовательно, не знаетъ никакихъ другихъ волненій, кромѣ производимыхъ вѣтрами. А по тому оно было чрезвычайно благопріятно для начальнаго развитія мореплаванія, какъ по спокойствію своихъ водъ, такъ и по множеству острововъ и близости окаймляющихъ его береговъ, въ особенности въ то отдаленное время, когда люди, не знакомые еще съ употребленіемъ компаса, боялись потерять изъ вида твердую землю и когда они, при тогдашнемъ несовершенствѣ судостроенія, не отваживались еще довѣряться не укротимымъ волнамъ океана. Про-

плыть геркулесовы столбы, т. е. выйти изъ Гибралтарскаго пролива въ океанъ, долго считалось въ древности самымъ опаснымъ и безразсуднымъ предпріятіемъ. Финикійцы и Карѳагенцы, бывшіе въ тѣ отдаленныя времена самыми ловкими моряками и самыми искусными судостроителями, рискнули совершить этотъ переѣздъ лишь гораздо позднѣе, и долго не находили себѣ подражателей.

Египетъ былъ, кажется, первою страною на берегахъ Средиземнаго моря, въ которой земледѣліе и ремесла достигли замѣтной степени развитія. Верхній Египетъ не отходитъ далѣе нѣсколькихъ миль отъ береговъ Нила, а въ Нижнемъ Египтѣ, эта великая рѣка дробится на множество рукавовъ, которые, не требуя большого искусства, представляли собою естественные пути сообщенія и перевозки товаровъ не только между всѣми большими городами, но даже и между значительными деревнями и земледѣльческими поселками, точно также, какъ теперь Рейнъ и Маасъ въ Голландіи. Обширность и легкость этого внутренняго сообщенія водою были, вѣроятно, одною изъ главныхъ причинъ, почему Египетъ такъ рано достигъ благосостоянія.

Вѣроятно также, что успѣхи земледѣлія и промышленности были извѣстны еще въ глубокой древности въ Бенгалѣ и въ нѣкоторыхъ восточныхъ областяхъ Китая, хотя у насъ и нѣтъ вполнѣ достовѣрныхъ свидѣтельствъ, чтобы судить, какъ глубока эта древность въ этой части свѣта. Въ Бенгалѣ Ганъ и нѣкоторыя другія большія рѣки дробятся на многіе рукава, подобно Нилу въ Египтѣ, а въ восточныхъ областяхъ Китая, есть много большихъ рѣкъ, которыя своими многочисленными

рукавами образуютъ цѣлую сѣть переплетающихся каналовъ и тѣмъ способствуютъ внутри страны еще болѣе широкому судоходству, чѣмъ Нилъ или Гангъ, а, можетъ быть, и обоими вмѣстѣ. Но надо замѣтить, что ни древніе египтяне, ни индѣйцы, ни китайцы не покровительствовали внѣшней торговлѣ, и все благосостояніе свое, очень большое, извлекали только изъ внутренняго судоходства.

Вся внутренняя Африка и вся та часть Азіи, которая расположена на довольно большомъ разстояніи къ сѣверу отъ понта Эвксинскаго и Каспійскаго моря, древняя Скиѳія, Тартарія и теперешняя Сибирь во всѣ времена находились, кажется, въ такомъ же состояніи варварства и нищеты, въ какомъ мы видимъ ихъ въ настоящее время. Ледовитый океанъ есть единственное море Тартаріи, но онъ не доступенъ для судоходства. Хотя эти области и орошаются нѣсколькими самыми большими рѣками въ свѣтѣ, однако онѣ текутъ на такомъ большомъ разстояніи одна отъ другой, что большая часть этихъ странъ не можетъ воспользоваться ими въ интересахъ внутреннихъ сообщеній и торговли *). Въ Африкѣ нѣтъ такихъ большихъ заливовъ, какъ Балтійское и Адріатическое море въ Европѣ, Черное и Средиземное въ Европѣ и Азіи, или заливъ Аравійскій, Персидскій, оба Индѣйскіе залива, Сіамскій и Бенгальскій въ Азіи, которые могли бы ввести морскую торговлю внутрь этого обширнаго материка, а большія рѣки Африки слишкомъ отдалены одна отъ другой, чтобы вызвать сколько ни-

*) Не забудемъ, что Смитъ писалъ эти строки болѣе 100 лѣтъ тому назадъ; съ тѣхъ поръ положеніе этихъ областей измѣнилось совершенно.

будь важное внутреннее судоходство. Сверхъ того, торговля, водворяющаяся въ странѣ при посредствѣ такой рѣки, которая не распадается на большое число рукавовъ или каналовъ и до впаденія своего въ море протекаетъ по чужой землѣ, никогда не разовьется до большихъ размѣровъ, потому что народъ, владѣющій землями при устьѣ такой рѣки, можетъ всегда остановить сообщеніе съ моремъ страны, расположенной при истокѣ. Судоходство по Дунаю приноситъ очень мало пользы различнымъ государствамъ, по которымъ онъ протекаетъ, какъ напримѣръ, Баваріи, Австріи и Венгріи, въ сравненіи съ тѣмъ, что судоходство могло бы доставлять, если бы которое нибудь изъ этихъ государствъ владѣло рѣкою вполнѣ на всемъ ея протяженіи, отъ истока до впаденія ея въ Черное море.

IV.

О происхожденіи и употребленіи денегъ.

Съ общимъ распространеніемъ раздѣленія труда, каждый человѣкъ производитъ собственнымъ трудомъ лишь малую часть тѣхъ предметовъ, которые ему необходимы для удовлетворенія его потребностей.

Наибольшая же часть этихъ потребностей можетъ быть удовлетворена только посредствомъ обмѣна излишка его произведеній, превышающаго собственное потребленіе, на такой-же излишекъ отъ труда другихъ людей. Такимъ образомъ каждый человѣкъ живетъ обмѣномъ и становится своего рода купцомъ, а само общество торговымъ союзомъ.

Но при самомъ возникновеніи раздѣленія труда возможность производить взаимный обмѣнъ продуктовъ встрѣчаетъ многія затрудненія. Возьмемъ такой примѣръ: одинъ человѣкъ владѣетъ большимъ количествомъ съѣстныхъ припасовъ, чѣмъ сколько ему нужно, а у другого ихъ совсѣмъ нѣтъ, и вотъ первый охотно промѣнялъ бы часть своего излишка, а другой еще охотнѣе купилъ бы ее. Но если, по несчастію, послѣдній не имѣетъ ничего такого, что нужно первому, то между ними не можетъ состояться никакой сдѣлки. У мясника въ лавкѣ лежитъ говядины больше, чѣмъ сколько ему нужно для собственнаго потребленія: пивоваръ или хлѣбникъ охотно купили бы у него часть его говядины, но они не могутъ предложить мяснику въ обмѣнъ

на нее ничего, кромѣ разныхъ предметовъ своего промысла, а мясникъ, въ свою очередь, уже запасся тѣмъ количествомъ пива и хлѣба, какое ему нужно въ данную минуту. Понятно, что въ этомъ случаѣ никакой обмѣнъ между ними не возможенъ. Одинъ не можетъ продать, а другіе не могутъ купить и всѣ трое не могутъ оказать другъ другу никакихъ взаимныхъ услугъ. Чтобы избѣгнуть неудобствъ такого положенія, всякій предусмотрительный человѣкъ, во всякомъ періодѣ общественнаго развитія, слѣдовавшемъ за первымъ возникновеніемъ раздѣленія труда, естественно старался устроиться такъ, чтобы во всякое время имѣть наготовѣ, кромѣ произведеній собственнаго труда, еще извѣстное количество такого товара, который, по его соображенію, былъ бы пригоденъ всѣмъ и на который лишь очень не многіе отказались бы промѣнять произведенія собственнаго труда.

Вѣроятно, что въ виду такой необходимости старались воспользоваться послѣдовательно разными предметами. Говорятъ, что въ вѣка варварства орудіемъ торговли служилъ обыкновенно скотъ. Хотя онъ представлялъ собою одно изъ наименѣе удобныхъ орудій мѣны, однако въ древности, какъ извѣстно, многіе предметы часто цѣнились по числу головъ скота, которое отдавалось въ обмѣнъ на нихъ. Вооруженіе Деомеда, говоритъ Гомеръ, стоило только девяти быковъ [1]), а Главка—ста быковъ.

---

*) Г. Гарнье потратилъ много знаній, чтобы опровергнуть эти слова Смита; онъ доказываетъ, что быки Гомера были настоящею металлическою монетой. Можетъ быть и такъ, но не менѣе вѣроятно, что еще въ болѣе отдаленныя эпохи скотъ употреблялся какъ монета.—**Манъ-Коллохъ.**

Говорятъ, что въ Абиссиніи такимъ обыкновеннымъ орудіемъ торговли служитъ соль, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по берегамъ Индіи—раковины, на Новой Землѣ—сушеная треска, въ Виргиніи—табакъ. въ англійскихъ колоніяхъ Западной Индіи употребляется для этого сахаръ, а въ другихъ мѣстахъ—шкуры или выдѣланныя кожи. Наконецъ, говорятъ, что въ Шотландіи до сихъ поръ существуетъ деревня, въ которой, какъ мнѣ приходилось слышать, рабочій не рѣдко относитъ въ кабакъ или къ хлѣбнику гвозди вмѣсто денегъ.

Не смотря на все это, во всѣхъ странахъ принуждены были, по самымъ уважительнымъ причинамъ, выбрать для этого употребленія металлы предпочтительно передъ всѣми другими товарами. Металлы не только имѣютъ то удобство, что могутъ сохраняться съ наименьшею потерею, въ сравненіи со всякимъ другимъ товаромъ, менѣе ихъ прочнымъ, но и могутъ безъ потери дѣлиться на сколько угодно частей, которыя потомъ опять могутъ быть сплавлены вмѣстѣ, въ одинъ кусокъ. Это—такое свойство, которымъ не обладаетъ ни одинъ товаръ такой же прочности, какъ металлы, и которое дѣлаетъ ихъ наиболѣе удобнымъ орудіемъ для торговли и обращенія. Если бы, напримѣръ, кто нибудь пожелалъ купить соли, но въ обмѣнъ на нее не могъ бы предложить ничего кромѣ скота, то онъ долженъ бы былъ по-неволѣ купить ее заразъ въ такомъ количествѣ, какое соотвѣтствовало бы стоимости цѣлаго быка или барана. Только въ рѣдкихъ случаяхъ онъ могъ бы купить ее меньше, потому что скотъ, который онъ отдавалъ въ обмѣнъ на соль, не всегда можетъ дѣлиться безъ потери на части,

а если бы онъ хотѣлъ купить соли больше, то долженъ бы былъ, по тѣмъ же причинамъ, купить ее въ двойномъ или тройномъ количествѣ, то есть столько, сколько стоили бы два или три быка, два или три барана. Если бы, на-оборотъ, онъ могъ вмѣсто быковъ и барановъ отдать въ обмѣнъ на соль металлъ, то ему не трудно было бы отдѣлить отъ него такое количество, которое точно соотвѣтствовало бы количеству товаровъ, необходимыхъ ему въ данную минуту.

Разные народы пользовались для этой цѣли разными металлами. Желѣзо служило обыкновенно орудіемъ торговли у спартанцевъ, мѣдь у римлянъ въ первую пору ихъ исторіи, золото и серебро у народовъ богатыхъ и торговыхъ *).

*) Совершенно безполезно было бы изслѣдовать, когда, въ какую эпоху впервыя вошла монета въ употребленіе у людей; тутъ пришлось бы восходить къ самому началу цивилизаціи. Монета не есть чье либо изобрѣтеніе, или открытіе, она не обязана своимъ происхожденіемъ ни случаю, ни чьему либо генію, а родилась изъ естественныхъ потребностей общества. Смитъ прекрасно доказалъ, что стремленіе къ обмѣну, свойственное только людямъ, есть принципъ, вызвавшій раздѣленіе труда, и что это раздѣленіе можетъ развиваться и распространяться лишь по мѣрѣ того, какъ у каждаго человѣка увеличиваются средства для обмѣна излишковъ произведеній его труда. А слѣдовательно, можно утвердительно сказать, что гдѣ замѣчается большое раздѣленіе труда, тамъ непремѣнно происходила дѣятельная мѣна, а слѣдовательно было и какое нибудь орудіе для облегченія и ускоренія мѣновыхъ сдѣлокъ, то есть была и монета. Каждый народъ долженъ былъ выбрать для себя орудіемъ мѣны такой предметъ, который былъ пригоднѣе всего для этой цѣли, точно также какъ для пищи и одежды онъ выбралъ то, что нашелъ для себя болѣе подходящимъ и удобнымъ.

Народы, не знакомые съ металлами, употребляли вмѣсто монеты такіе товары, которые въ высшей степени удовлетворяли двумъ необходимымъ для такой роли условіямъ: 1) они могли дѣлиться на

Кажется, что первоначально эти металлы употреблялись въ кускахъ не опредѣленной формы, безъ

такіе доли, которыя удовлетворяли самымъ мелкимъ сдѣлкамъ; 2) они могли долго сохраняться безъ расходовъ и безъ убытка. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что въ Абиссиніи, какъ утверждаетъ Смитъ, соль составляла самое обыкновенное орудіе мѣны, что въ нѣкоторыхъ береговыхъ областяхъ Индіи для этого употребленія была выбрана ужовка, маленькая раковина, замѣчательная по своей бѣлизнѣ и гладкости, которая употреблялась какъ предметъ украшенія. Не удивительно поэтому, что треска на Новой Землѣ, табакъ въ Виргиніи, сахаръ въ нѣкоторыхъ антильскихъ колоніяхъ, въ другихъ мѣстахъ шкуры и выдѣланныя кожи, наконецъ даже гвозди въ одной шотландской деревнѣ, могли довольно удобно служить монетою. Всѣ подобные предметы, имѣя дѣйствительную стоимость, могли легко дѣлиться на части и сохраняться безъ всякихъ расходовъ и убытковъ до тѣхъ поръ, пока владѣльцу не понадобилось бы купить на нихъ что нибудь. Но изъ всѣхъ столь разнообразныхъ предметовъ, служащихъ орудіемъ обмѣна между живущими въ обществахъ людьми, нѣтъ другого менѣе удобнаго для исполненія роли монеты или посредствующаго орудія торговли, какъ скотъ, потому что онъ не можетъ быть сохраненъ даже въ теченіе одного дня, безъ расходовъ на уходъ за нимъ и на его прокормъ; и потому еще, что онъ подверженъ такимъ случайностямъ и болѣзнямъ, что иногда даже невыгодно держать его. Съ другой стороны, онъ пригоденъ только для такой мѣны, при которой онъ находится въ точномъ соотвѣтствіи съ цѣнностью другого товара, ибо онъ не можетъ быть раздѣленъ на части безъ того, чтобы тотчасъ же не поступить въ потребленіе. Сверхъ того, скотъ представляетъ собою самое не вѣрное мѣрило цѣнностей еще и потому, что всѣ животныя хотя бы одной и той же породы имѣютъ сами разную цѣнность, смотря по возрасту, силѣ, росту, здоровью и другимъ условіямъ, не говоря уже о повальныхъ болѣзняхъ и другихъ случайностяхъ, которыя иногда вдругъ могутъ сильно повліять на цѣнность всего скота, содержимаго въ какой нибудь странѣ.

Народы, знакомые съ употребленіемъ металловъ, не могли не признать, что они отличаются именно такими свойствами, которыя необходимы для орудія обмѣна, и что золото и серебро заслужива-

штемпеля и чекана. Еще Плиній *) разсказываетъ, со словъ древняго историка Тимея, что римляне до времени Сервія Туллія, не знали чеканной монеты, но для покупки того, что имъ было нужно, пользовались просто кусками мѣди, безъ всякаго штемпеля. Слѣдовательно, такіе слитки исполняли тогда назначеніе монеты.

Употребленіе металловъ такими безформенными кусками представляло два большія неудобства: трудность взвѣшивать ихъ и потомъ трудность опредѣлять ихъ стоимость. Чтобы точно взвѣсить драгоцѣнные металлы, въ которыхъ ничтожная разница въ количествѣ даетъ большую разницу въ цѣнности ихъ, необходимы тщательно вывѣренные вѣсы. Въ особенности же очень трудно взвѣшивать золото. Правда, при взвѣшиваніи грубыхъ металловъ, гдѣ не большая ошибка не имѣетъ значенія, такого большого вниманія не требуется. Но было бы чрезвычайно не удобно, если бы каждому бѣднякy, при всякой покупкѣ или продажѣ товара на какую-нибудь копѣйку, приходилось еще взвѣшивать самую монету. Гораздо продолжительнѣе и труднѣе опредѣлить достоинство металла: для этого есть только одинъ способъ — плавка металла въ тиглѣ и изслѣдованіе посредствомъ подходящихъ реактивовъ; всякій другой способъ привелъ бы къ

ютъ въ этомъ отношеніи особаго предпочтенія, потому что они менѣе подвержены порчѣ, имѣютъ болѣе постоянную цѣнность и представляютъ собою иногда большое богатство при маломъ объемѣ. Вотъ почему грубые металлы употреблялись какъ монета только у народовъ, которые не имѣли для этого драгоцѣнныхъ металловъ. — **Жерменъ Гарнье.**

*) Плиній, „Естественная исторія“, кн. XXXIII, гл. III.

заключеніямъ весьма не вѣрнымъ. Вотъ почему до введенія чеканной монеты, постоянно приходилось, при отсутствіи въ то время такого продолжительнаго и труднаго изслѣдованія, подвергаться обманамъ и большимъ плутнямъ и получать въ обмѣнъ на свой товаръ, вмѣсто фунта чистаго серебра или мѣди, какую-нибудь поддѣланную смѣсь изъ самыхъ грубыхъ и не годныхъ веществъ, только снаружи похожую на эти металлы. Чтобы избѣжать такихъ злоупотребленій, облегчить мѣновыя сдѣлки и поощрить всякаго рода торговлю и промышленность, въ странахъ, сдѣлавшихъ наибольшіе успѣхи на пути къ благосостоянію, признали необходимымъ отмѣчать публичнымъ клеймомъ опредѣленные куски тѣхъ металловъ, которыми привыкли тамъ пользоваться при покупкѣ товаровъ. Отсюда — начало чеканной монеты и публичныхъ заведеній, гдѣ она приготовлялась; это были точно такія же учрежденія, какія были установлены для надзора за вѣрностью мѣръ и публичнымъ клейменіемъ сукна и полотна. Всѣ эти учрежденія имѣютъ одинаковую цѣль: наложеніемъ публичнаго клейма удостовѣрить одинаковую доброкачественность и соотвѣтствующее количество этихъ различныхъ товаровъ, при поступленіи ихъ на рынокъ.

Кажется, что первыя публичныя клейма, которыя накладывались на бывшіе въ обращеніи куски металла, не имѣли, въ теченіе долгаго времени, другой цѣли, какъ удостовѣрить въ томъ, что было всего труднѣе узнать, и въ чемъ однако важнѣе всего было удостовѣриться, а именно—въ доброкачественности и степени чистоты металла. Эти клейма были, вѣроятно, похожи на тѣ, какія кладутся те-

перь на серебренную посуду и на слитки, или на тѣ испанскія пробы, которыя видны иногда на слиткахъ золота. Но такія клейма, выбитыя лишь на одной сторонѣ куска и не покрывавшія всей его поверхности, удостовѣряли только степень чистоты металла, но не вѣсъ его. Авраамъ отвѣсилъ Ефрону четыреста сикловъ серебра, которые по условію онъ долженъ былъ заплатить за Макпелахское поле. Хотя эти сиклы считались ходячею монетой въ торговлѣ, однако они принимались только по вѣсу, а не счетомъ, какъ принимаются теперь слитки золота и серебра. Говорятъ, что доходы старинныхъ саксонскихъ королей въ Англіи поступали не монетою, а натурой, то есть съѣстными и другими припасами. Вильгельмъ Завоеватель первый ввелъ тамъ въ обычай платить эти доходы монетой, которая однако въ теченіе долгаго времени принималась въ казначействѣ вѣсомъ, а не счетомъ.

Трудность и неудобство съ точностью взвѣшивать эти металлы повели къ установленію *чекана*, при чемъ клеймо, покрывая собою совершенно обѣ стороны монеты, а иногда даже и ребро, должно было служить удостовѣреніемъ не только вѣрности пробы, но еще и вѣса металла. Только съ этихъ поръ такая монета стала приниматься, какъ теперь, счетомъ и уже не было надобности взвѣшивать ее.

Первоначально, наименованія такихъ монетъ выражали собою, какъ мнѣ кажется, вѣсъ ихъ, то есть количество содержавшагося въ нихъ металла. Во время Сервія Туллія, который первый ввелъ въ Римѣ чеканную монету, римскій *асъ* или *фунтъ* по вѣсу былъ равенъ римскому фунту чистой мѣди. Онъ дѣлился, какъ и *троаскій фунтъ*, на двѣнад-

цать унцевъ, изъ которыхъ каждый содержалъ въ себѣ дѣйствительный унцъ чистой мѣди. Во время Эдуарда I англійскій фунтъ стерлинговъ содержалъ въ себѣ фунтъ (по турскому вѣсу) серебра извѣстной пробы. Турскій фунтъ вѣсилъ, кажется, немного больше римскаго и немного меньше труаскаго фунта. Только въ восемнадцатый годъ правленія Генриха VIII этотъ фунтъ былъ введенъ въ Англіи въ общее употребленіе какъ монета. Французскій *ливръ*, во время Карла Великаго, содержалъ въ себѣ по труаскому вѣсу фунтъ серебра опредѣленной пробы. Ярмарка въ Труа, въ Шампаньи, посѣщалась тогда всѣми народами Европы и понятно, что вѣсъ и мѣра такого знаменитаго торжища были всѣмъ извѣстны и признавались во всемъ свѣтѣ. Шотландская монета, называвшаяся также *фунтомъ*, во время отъ Александра I до Роберта Брюса, содержала фунтъ серебра того же вѣса и пробы, какъ англійскій фунтъ стерлинговъ. Точно также англійскій, французскій и шотландскій *пенсъ* или *денье* содержали въ себѣ первоначально дѣйствительный пенсъ серебра, то есть двадцатую часть унца и двѣсти-сороковую часть фунта. Кажется, что и *шиллингъ* или *су* первоначально былъ также наименованіемъ вѣса. „Когда *квартеръ* пшеницы стоитъ 12 шиллинговъ, говорится въ старинномъ указѣ Генриха III, то количество хлѣба на *фартингъ**) должно вѣсить 11 шиллинговъ и 4 пенса". Впрочемъ, кажется, что шиллингъ, сравнительно съ пенни съ одной стороны, и сравнительно съ фунтомъ съ другой, не находился въ такомъ постоянномъ и одина-

*) Четверть пенни или денье стерлинга.—**Жерменъ Гарнье.**

ковомъ соотношеніи, въ какомъ находились между собою пенни и фунтъ. Во время первой династіи французскихъ королей *шиллингъ* или французскій *су*, въ различныхъ случаяхъ, содержали въ себѣ по пяти, двѣнадцати, двадцати и сорока денье. Мы видимъ, что у древнихъ саксовъ шиллингъ не содержалъ въ себѣ иногда болѣе пяти пенсовъ или денье и потому не лишено вѣроятія, что у нихъ цѣна его была также измѣнчива, какъ и у сосѣдей ихъ, древнихъ франковъ. У французовъ, со времени Карла Великаго и у англичанъ, со времени Вильгельма Завоевателя, отношеніе между фунтомъ, шиллингомъ и денье или пенни, было, кажется, совершенно тоже, что и теперь, хотя цѣнность каждаго изъ нихъ очень измѣнилась, потому что во всѣхъ странахъ міра, какъ я полагаю. правители и правительства по своей алчности и несправедливости злоупотребляли довѣріемъ подданныхъ и постепенно уменьшали дѣйствительное количество металла, какое первоначально заключалось въ монетѣ. Римскій асъ, въ послѣднее время республики, былъ уменьшенъ до двадцать-четвертой части своей первоначальной стоимости и вѣсъ его вмѣсто цѣлаго фунта составлялъ не болѣе половины унца. Англійскій фунтъ и пенни *) содержатъ теперь не болѣе

---

*) Во всемъ сочиненіи Смита всѣ цѣнности, выраженныя въ фунтахъ, су и денье, должны приниматься за фунты, су и денье стерлинга. Слово *су* или *шиллингъ*, и слово *денье* или *пенни* употребляются безразлично. *Пенсъ*—множественное число отъ *пенни*. – **А. Бланни.**

Въ изложеніи Смита всѣ цѣнности, выраженныя въ ливрахъ, су и денье, должны быть понимаемы въ смыслѣ фунтовъ, су и денье стерлинга. Названія *су* или *шиллингъ*, а также *денье* и *пенни* совсѣмъ не различаются.—**Жерменъ Гарнье.**

трети своей первоначальной стоимости, фунтъ и пенни шотландскіе—около тридцать-шестой части, а французскіе фунтъ и пенни, или французскій деньe—лишь около шестьдесятъ шестой части. Посредствомъ такихъ пріемовъ, государи и правительства, прибѣгавшіе къ нимъ, находили, кажется, возможнымъ платить свои долги и исполнять лежавшія на нихъ обязательства съ меньшимъ количествомъ серебра, чѣмъ сколько потребовалось бы его безъ этихъ злоупотребленій. Но все это только *повидимому*, потому что въ дѣйствительности кредиторы ихъ потеряли при этомъ часть того имущества, которое имъ принадлежало. Но такое же право было предоставлено и всѣмъ другимъ должникамъ въ государствѣ, которые получили возможность уплатить по нарицательной цѣнѣ тою же новою и порченною монетой всѣ долги, сдѣланные ими прежнею вѣрною монетою. Слѣдовательно, всѣ эти операціи были всегда выгодны должникамъ и разорительны для кредиторовъ, а по временамъ онѣ вызывали въ частныхъ хозяйствахъ такіе замѣшательства, которыя по своимъ послѣдствіямъ были гораздо гибельнѣе самаго большого общественнаго бѣдствія.

Вотъ какимъ образомъ монета у всѣхъ образованныхъ народовъ сдѣлалась общимъ орудіемъ торговли, а при ея посредствѣ товары всякаго рода стали свободно покупаться и продаваться или мѣняться одинъ на другой.

Въ трехъ послѣдующихъ главахъ своего сочиненія Адамъ Смитъ обнаружилъ наибольшую проницательность и практичность. Но такъ какъ предметъ его разсужденій былъ тщательно и

подробно разсмотрѣнъ потомъ всѣми экономистами, то нѣкоторыя соображенія его теперь устарѣли. Приведемъ здѣсь изъ этой части сочиненія только нѣкоторые отрывки. Вотъ какъ опредѣляетъ онъ свою точку зрѣнія на предметъ:

Теперь надо разсмотрѣть, говоритъ онъ, въ чемъ состоятъ правила, которымъ естественно подчиняются люди, мѣняя товары одинъ на другой, или на деньги. Этими правилами опредѣляется то, что можетъ быть названо *относительною* или *мѣновою цѣнностью* товаровъ.

Прежде всего надо замѣтить, что слово *цѣнность* имѣетъ два различныя значенія: иногда оно означаетъ полезность даннаго предмета, а иногда возможность для лица, обладающаго имъ, купить на него другіе предметы *). Первую можно назвать *потребительною цѣнностью*, а вторую—*цѣнностью*

*) Нѣтъ другого вопроса, надъ которымъ бы такъ изощрялись экономисты и о которомъ было бы написано такъ много разсужденій, какъ вопросъ о томъ, что такое *цѣнность?* Большая часть писателей запутались въ лабиринтѣ метафизическихъ тонкостей объ экономическомъ смыслѣ этого слова. Не будемъ приводить здѣсь длиннаго списка этихъ все-таки безполезныхъ монографій. Теперь уже всѣ писатели, считающіеся авторитетами въ наукѣ, признаютъ, что различіе, установленное Адамомъ Смитомъ, имѣетъ то не оцѣненное достоинство, что оно точно устанавливаетъ особое значеніе *мѣновой цѣнности*, на основаніи которой и производятся торговыя сдѣлки, потому что она есть результатъ человѣческаго труда.— **А. Бланки.**

Слово *цѣнность* часто употреблялось для обозначенія не только *мѣновой цѣны* предмета, или способности его быть обмѣнену на другіе предметы, создаваемые только трудомъ, но и его *полезности*, т. е. способности удовлетворять нашимъ потребностямъ или содѣйствовать нашему благосостоянію и нашимъ наслажденіямъ въ жизни. Но очевидно, что *полезность* товаровъ есть свойство со-

мѣновою. Часто предметы, имѣющіе наибольшую потребительную цѣнность, имѣютъ весьма малую цѣнность мѣновую, или совсѣмъ не имѣютъ ея; и, на-оборотъ, предметы, имѣющіе наибольшую мѣновую цѣнность, имѣютъ часто ничтожную цѣнность потребительную, или совсѣмъ не имѣютъ ея. Нѣтъ, напримѣръ, ничего полезнѣе воды, но на нее почти нельзя ничего купить, и едва ли возможно въ обмѣнъ на нее пріобрѣсть что-нибудь. На-оборотъ, алмазъ не имѣетъ почти никакой цѣнности въ отношеніи его не посредственнаго потребленія, а между тѣмъ на него постоянно вымѣнивается большое количество другихъ товаровъ.

Для разъясненія началъ, опредѣляющихъ *мѣновую цѣнность* товаровъ, я постараюсь установить:

всѣмъ отличное отъ ихъ способности къ обмѣну: такова способность хлѣба—утолять нашъ голодъ и воды—утолять нашу жажду. Смитъ открылъ это различіе и доказалъ, какъ важно отличать *полезность* товаровъ, или какъ онъ выражается, ихъ *цѣнность въ употребленіи*, или *цѣнность дѣйствительную*, отъ *мѣновой*. Смѣшивать такія существенно различныя свойства, очевидно, значило бы вступить на путь самыхъ нелѣпыхъ заключеній. А потому, чтобы точнѣе опредѣлить смыслъ такого важнаго термина, какъ *цѣнность*, слѣдовало бы вѣрнѣе всего сохранить его только за цѣнностью *мѣновой*, а терминъ *полезность* сохранить для обозначенія способности всякаго предмета непосредственно удовлетворять нашимъ потребностямъ, или отвѣчать нашимъ желаніямъ.—**Макъ-Коллохъ.**

Такъ какъ въ сочиненіяхъ физіократовъ встрѣчаются выраженія: *обычныя* (*потребительныя*) *свойства предметовъ* (qualites usuelles des objets) и *способность ихъ къ обмѣну* (propriété, qu'ils ont d'être échangés), иначе называемая у нихъ *продажною цѣнностью* (valeur vénale), то нѣкоторые находили справедливымъ приписывать физіократамъ честь открытія, сдѣланнаго Смитомъ. Но спрашивается, кому должна принадлежать честь открытія истины: тому ли, кто, такъ сказать, предусмотрѣлъ ее, или тому, кто установилъ ее на прочныхъ основаніяхъ и ввелъ въ общее употребленіе?—**Жозефъ Гарнье.**

Во-первыхъ, въ чемъ состоитъ вѣрное мѣрило *мѣновой цѣнности*, или въ чемъ состоитъ *дѣйствительная цѣна* товаровъ.

Во-вторыхъ, какія существенныя части составляютъ *дѣйствительную цѣну* товаровъ.

Въ-третьихъ, наконецъ, подъ вліяніемъ какихъ разнообразныхъ причинъ нѣкоторыя, или всѣ различныя части цѣны въ совокупности, то подымаются выше естественной или обыкновенной величины ея, то падаютъ ниже этой величины, или какія причины препятствуютъ тому, чтобы *рыночная цѣна* *), то есть дѣйствительная цѣна товаровъ, совпадала вполнѣ съ тѣмъ, что называется ихъ естественною цѣною.

Въ слѣдующихъ трехъ главахъ я постараюсь разсмотрѣть эти три вопроса какъ можно полнѣе и яснѣе и потому усердно прошу читателя отнестись къ нимъ съ полнымъ терпѣніемъ и вниманіемъ: терпѣніе нужно, чтобы слѣдить за всѣми подробностями, которыя въ нѣкоторыхъ случаяхъ, пожалуй, покажутся ему скучными;—вниманіе нужно, чтобы вполнѣ уразумѣть то, что можетъ показаться ему не яснымъ, не смотря на всѣ старанія мои быть понятнымъ. Стараясь говорить какъ можно яснѣе, я готовъ понести упрекъ въ недостаткѣ краткости; но не смотря на все стараніе мое пролить свѣтъ на предметъ, столь отвлеченный самъ по себѣ, я все-таки не буду вполнѣ увѣренъ, что не оставлю въ немъ ничего не разъясненнымъ.

---

*) *Мѣновою цѣнностью* называется обыкновенно то количество товара, которое дается въ обмѣнъ на то, что желаютъ пріобрѣсти, а *цѣна*, это—количество монеты, отдаваемое за тотъ же товаръ.—**Ж. Б. Сэ.**

V.

О дѣйствительной и нарицательной цѣнѣ товаровъ *), или о цѣнѣ ихъ, опредѣляемой трудомъ и деньгами.

Человѣкъ богатъ или бѣденъ, смотря по тѣмъ средствамъ, на которыя онъ можетъ пріобрѣсть предметы необходимости, удобства или удовольствія въ жизни. Но съ тѣхъ поръ какъ во всѣхъ отрасляхъ дѣятельности установилось раздѣленіе труда, человѣкъ однимъ только личнымъ трудомъ своимъ можетъ добыть лишь весьма не большую часть этихъ предметовъ, а наибольшую часть ихъ онъ можетъ получить только отъ труда другихъ. Слѣдовательно, человѣкъ бываетъ богатъ или бѣденъ, смотря по тому количеству труда, которое онъ въ состояніи заказать или купить.

Такимъ образомъ, *цѣнность* всякаго предмета для того, кто, владѣя имъ, не желаетъ однако воспользоваться имъ для своего личнаго потребленія, а предполагаетъ промѣнять его на что нибудь другое, равняется количеству *труда*, которое онъ можетъ купить или заказать на него.

---

*) Это слово понимается здѣсь въ самомъ широкомъ смыслѣ и относится ко всѣмъ предметамъ безъ исключенія, лишь бы они могли мѣняться на другіе. — **Жерменъ Гарнье**.

Слѣдовательно *трудъ* есть дѣйствительное мѣрило *мѣновой цѣнности* всякаго товара *).

Дѣйствительная цѣна всякаго предмета, то есть то, чего каждый предметъ стоитъ въ дѣйствительности тому, кто хочетъ пріобрѣсть его, есть трудъ и усилія, которыя онъ долженъ употребить самъ, чтобы пріобрѣсть этотъ предметъ. Чего стоитъ въ дѣйствительности каждый предметъ тому, кто пріобрѣлъ его и хочетъ или самъ пользоваться имъ, или промѣнять его на какой нибудь другой предметъ, это—трудъ и усилія, которыя онъ можетъ сберечь

---

*) Трудъ или произведенія труда, содѣйствующіе производству или пріобрѣтенію товаровъ, служатъ, конечно, главнѣйшимъ, но не единственнымъ источникомъ *цѣнности*. Какъ только какой нибудь товаръ или произведеніе можетъ составить чью либо собственность или удовлетворить потребностямъ исключительно одного или нѣсколькихъ лицъ, то этотъ товаръ можетъ стать *мѣновою цѣнностью*. То есть, если бы такой товаръ и ничего не стоилъ его владѣльцамъ, то все-таки могутъ найтись другія лица, готовыя отдать въ обмѣнъ на него часть своего труда или произведенія своего труда. Это объясняется тѣмъ общимъ явленіемъ, что каждый товаръ существуетъ въ ограниченномъ количествѣ и, слѣдовательно, можетъ сдѣлаться всегда предметомъ монополіи. Если кто владѣетъ на своей землѣ водопадомъ, можетъ извлечь изъ него значительный доходъ, а кто нашелъ какой нибудь дорогой антикъ, сумѣетъ, вѣроятно, продать его за очень высокую цѣну. Число водопадовъ и антиковъ ограничено и не можетъ быть увеличено; къ производству ихъ нельзя примѣнить ни труда, ни капитала и потому, хотя водопадъ первоначально и ничего не стоилъ, однако онъ можетъ получить наемную цѣнность, равную цѣнности труда, который могли бы сберечь себѣ тѣ, которые воспользовались бы этимъ водопадомъ для передачи движенія машинамъ, или для какой нибудь иной цѣли. Но иначе опредѣляется цѣнность какого нибудь антика: такъ какъ *спросъ* на него зависитъ вполнѣ отъ личнаго вкуса и моды, а также и отъ богатства тѣхъ, кто хочетъ пріобрѣсть такія рѣдкости, то цѣнность его будетъ колебаться между весьма отдаленными другъ отъ друга крайностями.— **Макъ Коллохъ.**

себѣ, обладая этимъ предметомъ, или которыя можетъ возложить на другихъ.

Все, что покупается на деньги или въ обмѣнъ на другіе товары, пріобрѣтается трудомъ, какъ и все то, что добываетъ человѣкъ въ потѣ лица своего. Въ дѣйствительности деньги и поступающіе въ обмѣнъ товары облегчаютъ намъ напряженность нашихъ усилій. Въ нихъ содержится цѣнность извѣстнаго количества труда, которое мѣняется на то, въ чемъ предполагается цѣнность такого же количества труда. Такимъ образомъ трудъ былъ первоначальною цѣною, тою монетою, которая была заплачена при первоначальной покупкѣ всякаго предмета. Не на золото и серебро, а только на трудъ были первоначально куплены всѣ богатства міра, и цѣнность ихъ для того, кто владѣетъ ими теперь и старается промѣнять ихъ на новыя произведенія, совершенно равна количеству труда, на которое онъ можетъ купить или заказать.

Богатство есть сила, сказалъ Гоббесъ. Но человѣкъ, пріобрѣтающій, или получающій по наслѣдству большое состояніе, не пріобрѣтаетъ съ нимъ никакой власти политической, ни гражданской, ни военной. Можетъ статься, впослѣдствіи богатство и доставитъ ему средство достигнуть той или другой власти, но одно только обладаніе этимъ богатствомъ не даетъ ему этой власти непремѣнно. Власть, прямо и непосредственно пріобрѣтаемая богатствомъ, заключается лишь въ возможности купить; это есть право располагать всякимъ трудомъ другихъ людей, или тѣми произведеніями этого труда, которыя въ то время оказались бы на рынкѣ. Богатство такого человѣка можетъ быть мало или

велико, но всегда оно находится въ прямомъ соотвѣтствіи съ объемомъ этой власти, въ соотвѣтствіи съ количествомъ труда другихъ людей, которымъ онъ можетъ распоряжаться, или, что̀ тоже самое, въ соотвѣтствіи съ произведеніемъ труда другихъ людей, которое онъ можетъ купить. Мѣновая цѣнность всякаго предмета непремѣнно должна быть всегда равна количеству этой власти, сообщаемой человѣку, ею обладающему *).

Хотя трудъ и составляетъ дѣйствительное мѣрило мѣновой цѣнности всѣхъ товаровъ, однако не имъ обыкновенно производится оцѣнка этой цѣнности. Часто бываетъ трудно опредѣлить отношеніе между двумя различными количествами труда, ибо не всегда это отношеніе опредѣляется только временемъ, употребленнымъ на двѣ различнаго рода работы. Тутъ необходимо еще принимать въ разсчетъ и различныя степени усилій и ловкости, которыя пришлось употребить на работу. На одинъ часъ какой нибудь тяжелой работы можетъ потре-

---

*) *Мѣновая цѣнность*, или способность быть обмѣнену на трудъ и его произведенія, присуща каждому предмету, вызвавшему *спросъ*, если только для произведенія этого предмета прямо или косвенно нуженъ былъ чей нибудь трудъ, или если онъ существуетъ въ ограниченномъ количествѣ. Но эта способность можетъ пригодиться или получить свою оцѣнку только тогда, когда товары сравниваются между собою, или съ *трудомъ*. И въ самомъ дѣлѣ, совершенно невозможно установить цѣнность какого нибудь товара безъ сравненія его съ другимъ товаромъ, или съ *трудомъ*, какъ его первоначальнымъ факторомъ. Ни одинъ предметъ, ни одно произведеніе не обладаетъ *мѣновою цѣнностью* безъ сравненія его съ какимъ нибудь другимъ предметомъ, который обмѣненъ или можетъ быть обмѣненъ на него. Говорить *о безусловной цѣнности* нельзя, какъ нельзя говорить о безусловной вышинѣ или глубинѣ. —**Макъ Коллохъ.**

боваться больше труда, чѣмъ на два часа какой нибудь легкой работы, или одинъ часъ занятія ремесломъ, на изученіе котораго было потрачено десять лѣтъ жизни, можетъ потребовать на себя больше труда, чѣмъ обыкновенная работа въ продолженіи цѣлаго мѣсяца, на которую способенъ всякій человѣкъ безъ предварительнаго приготовленія къ ней. Вѣдь не легко найти точное мѣрило для измѣренія труда или таланта; въ дѣйствительности же, при взаимномъ обмѣнѣ произведеній двухъ различныхъ родовъ труда, принимаются въ разсчетъ и тотъ и другой. Такой разсчетъ не имѣетъ, конечно, никакихъ точныхъ основаній и устанавливается просто тѣмъ, что называется „торговаться" на рынкѣ, тою грубою справедливостью, которая, хотя и не имѣетъ никакой точности, однако совершенно достаточна для обычныхъ житейскихъ отношеній.

Сверхъ того, всякій товаръ чаще всего мѣняется, а стало быть и сравнивается съ другими товарами, а не съ трудомъ. А слѣдовательно гораздо естественнѣе опредѣлять его мѣновую цѣнность по сравненію съ количествомъ другого товара, на который онъ мѣняется, нежели съ количествомъ труда, какое можно купить на него. Наибольшая часть простыхъ людей лучше понимаетъ, что значитъ такое или иное количество извѣстныхъ товаровъ, нежели такое или иное количество труда. Первое для всякаго просто и осязательно, а второе есть отвлеченное понятіе, которое, конечно, можетъ быть сдѣлано достаточно яснымъ, но само по себѣ все-таки не для всѣхъ вразумительно и очевидно.

Съ того времени, какъ прекратился непосред-

ственный обмѣнъ товара на товаръ, и деньги сдѣлались общимъ орудіемъ торговли, каждый товаръ въ отдѣльности сталъ чаще всего мѣняться на деньги, а не на другой товаръ. Мясникъ не поведетъ уже своего быка и барана къ хлѣбнику или продавцу пива, чтобы промѣнять ихъ на хлѣбъ или на пиво; но онъ поведетъ ихъ на рынокъ и тамъ мѣняетъ ихъ на деньги, на которыя потомъ покупаетъ себѣ хлѣбъ или пиво. Количество денегъ, которое мясникъ получаетъ за свое мясо, опредѣляется, въ свою очередь, количествомъ хлѣба и пива, которое потомъ онъ можетъ купить на эти деньги. Слѣдовательно, для него гораздо проще и яснѣе опредѣлять цѣнность говядины количествомъ денегъ, какъ товара, на который онъ можетъ тотчасъ же промѣнять мясо, нежели количествомъ хлѣба и пива, составляющихъ такіе товары, на которые онъ можетъ промѣнять свое мясо не иначе, какъ при посредствѣ другого товара. Для мясника гораздо проще сказать, что фунтъ его мяса стоитъ три или четыре пенса, нежели три или четыре фунта хлѣба, или три или четыре кружки пива.

Отсюда выходитъ, что мѣновая цѣнность всякаго товара гораздо чаще опредѣляется количествомъ денегъ, а не количествомъ труда или какого нибудь другого товара, который можно получить въ обмѣнъ на него.

Однако цѣнность золота и серебра, какъ и всякаго другого товара, мѣняется: они то дорожаютъ, то дешевѣютъ; иногда купить ихъ легче, а иногда труднѣе. Количество труда, которое можетъ быть куплено или заказано на извѣстное количество этихъ металловъ, или количество другихъ това-

ровъ, которое можетъ быть получено въ обмѣнъ на нихъ, всегда зависитъ отъ богатства или бѣдности рудниковъ, разрабатываемыхъ въ то время, когда производится мѣна. Въ шестнадцатомъ столѣтіи, вслѣдствіе открытія обильныхъ рудниковъ въ Америкѣ, цѣнность золота и серебра въ Европѣ упала почти на цѣлую треть противъ того, чего они стоили прежде. Такъ какъ доставка этихъ металловъ съ рудниковъ на рынокъ уже не требовала такого труда, какъ прежде, то на нихъ можно было купить или заказать меньшее количество труда, чѣмъ прежде, и этотъ переворотъ въ цѣнности металловъ хотя и былъ, можетъ быть, самымъ рѣшительнымъ, но все-таки не единственнымъ, какъ свидѣтельствуетъ намъ исторія. Какъ естественная мѣра, представляемая ступнею человѣческой ноги, локтемъ или горстью, постоянно измѣняясь въ величинѣ своей, смотря по каждому человѣку въ отдѣльности, никогда не можетъ служить точною мѣрою количества всѣхъ другихъ предметовъ, точно также и товаръ, постоянно измѣняющійся въ собственной цѣнности, не можетъ служить всегда точнымъ мѣриломъ цѣнности другихъ товаровъ.

Во всѣ времена и во всѣхъ мѣстахъ одинаковыя количества труда имѣютъ для рабочаго всегда одинаковую цѣнность. При обычномъ состояніи здоровья, силы и дѣятельности и при обычной степени искусства и ловкости, которыми обладаетъ рабочій, ему всегда приходится жертвовать все одною и тою же частью своего досуга, свободы и спокойствія, и каково бы ни было количество товаровъ, получаемое имъ въ вознагражденіе за этотъ его трудъ,

цѣна, которую онъ платитъ, остается всегда одинаковой. Правда, за эту цѣну можно купить иногда больше, иногда меньше разныхъ предметовъ, но измѣняется здѣсь только цѣнность этихъ послѣднихъ, а никакъ не цѣнность труда, на который они покупаются. Во всѣ времена и во всѣхъ мѣстахъ то, что трудно достается, или что пріобрѣтается съ большимъ трудомъ, бываетъ *дорого*, а что достается легко, или съ малымъ трудомъ, то бываетъ *дешево*.

Такимъ образомъ трудъ никогда не измѣняется въ своей внутренней стоимости и потому онъ представляетъ собою единственное дѣйствительное и рѣшительное мѣрило, которымъ во всѣ времена и во всѣхъ мѣстахъ опредѣляется цѣнность всѣхъ товаровъ. Онъ составляетъ ихъ *дѣйствительную цѣну*, тогда какъ деньги составляютъ только *нарицательную цѣну* ихъ.

Но, хотя равныя количества труда имѣютъ всегда одинаковую цѣнность для того, кто работаетъ, однако они имѣютъ, то бо́льшую, то меньшую цѣнность для нанимателя труда. Послѣдній покупаетъ эти количества труда то за большое, то за гораздо меньшее количество товаровъ, и для него цѣна труда мѣняется точно также, какъ и всякаго другого предмета: въ одномъ случаѣ она кажется ему *дорогою*, а въ другомъ *дешевою*. Въ дѣйствительности же мѣняется тутъ не цѣна труда, а цѣна товаровъ, которые бываютъ дороги въ одномъ случаѣ, и дешевы въ другомъ.

Такимъ образомъ о трудѣ, въ обычномъ смыслѣ этого слова, можно сказать тоже, что и о другихъ товарахъ, а именно—то, что онъ имѣетъ двѣ цѣ-

ны—*дѣйствительную* и *нарицательную*. Можно сказать, что *дѣйствительная цѣна* его состоитъ изъ количества предметовъ необходимости и удобства, которыми платятъ за него, а *нарицательная цѣна* —изъ количества денегъ. Всякій рабочій бываетъ богатъ или бѣденъ, хорошо или дурно оплаченъ всегда соотвѣтственно *дѣйствительной*, а не *нарицательной цѣнѣ* за его трудъ.

Но различіе между дѣйствительной и нарицательной цѣною товаровъ и труда не есть дѣло только чистаго умозрѣнія; иногда оно имѣетъ и важное практическое значеніе. Одна и таже дѣйствительная цѣна всегда одинакова; но вслѣдствіе измѣненій въ цѣнности золота и серебра, одна и таже нарицательная цѣна выражаетъ часто цѣнности весьма различныя. Такъ, напримѣръ, если какое нибудь помѣстье отчуждается, при чемъ выговаривается какой нибудь постоянный доходъ съ него, то для сохраненія этого дохода въ одномъ и томъ же размѣрѣ, очень важно въ интересахъ семьи, въ пользу которой этотъ доходъ выговаривается, чтобы онъ не опредѣлялся какою нибудь постоянною суммою денегъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ размѣръ дохода постоянно подвергался бы двоякаго рода измѣненіямъ: во-первыхъ, измѣненіямъ, происходящимъ вслѣдствіе различнаго количества золота и серебра, содержащагося въ разное время въ монетѣ одного и того же наименованія; во-вторыхъ, измѣненіямъ, происходящимъ отъ различія въ цѣнности одного и того же количества золота и серебра въ разныя эпохи.

Государи и правительства часто воображали себѣ, что имъ иногда выгодно уменьшать количество

чистаго металла, содержащагося въ ихъ монетѣ; но не было случая, чтобы они когда нибудь находили для себя выгоднымъ увеличивать это количество. А потому, я думаю, что у всѣхъ народовъ количество чистаго металла, содержащагося въ монетѣ, почти всегда уменьшалось и почти никогда не увеличивалось. Всѣ же измѣненія подобнаго рода почти всегда клонятся къ сокращенію размѣра ренты, выплачиваемой деньгами.

VI.

О составныхъ частяхъ цѣны товаровъ.

При первобытномъ грубомъ состояніи общества, предшествовавшемъ накопленію капиталовъ и обращенію земли въ частную собственность, единственнымъ условіемъ, которое могло служить руководствомъ при обмѣнѣ однихъ товаровъ на другіе было, кажется, количество труда, необходимаго для пріобрѣтенія различныхъ предметовъ мѣны. Напримѣръ: если у народа-звѣролова обыкновенно считалось, что убить бобра вдвое труднѣе, чѣмъ дикую козу, то, разумѣется, одинъ боберъ могъ мѣняться на двѣ козы, или могъ стоить столько, сколько стоили двѣ козы. Весьма понятно, что всякое произведеніе, стоившее обыкновенно двухъ-дневнаго или двухъ-часового труда, цѣнилось вдвое дороже того, на что требуется обыкновенно одинъ день или одинъ часъ труда.

Если же какой нибудь трудъ тяжеле другого, то при этомъ, конечно, долженъ быть принятъ во вниманіе и этотъ излишекъ напряженія, и произведеніе, стоившее только часового, но болѣе тяжелаго труда, часто могло бы мѣняться на произведеніе двухъ-часового, но болѣе легкаго труда. Точно также, если какой нибудь трудъ требуетъ большаго

чѣмъ обыкновенно искусства и ловкости, то вслѣдствіе вкуса покупателей къ этого рода способностямъ, цѣна такого произведенія, безъ сомнѣнія, будетъ гораздо выше той, какую давали бы только за время, употребленное на его приготовленіе. Рѣдко бываетъ, чтобы такіе таланты пріобрѣтались безъ продолжительнаго упражненія, и высокая цѣнность, которую придаютъ такимъ произведеніямъ, часто представляетъ собою только справедливое вознагражденіе за время и трудъ, употребленные на пріобрѣтеніе этихъ талантовъ.

Въ болѣе развитомъ обществѣ, при установленіи размѣра заработной платы, обыкновенно принимается въ разсчетъ какъ ловкость рабочаго, такъ и напряженіе его труда, и, вѣроятно, почти такая же оцѣнка бывала и при младенческомъ состояніи общества.

При такихъ условіяхъ произведеніе труда все-цѣло принадлежитъ рабочему, а количество труда, обыкновенно употребляемое на то, чтобы пріобрѣсть или приготовить какой нибудь предметъ мѣны, составляетъ единственное условіе, могущее опредѣлить то количество труда, которое можетъ быть куплено, заказано или обмѣнено на него.

Когда начинается скопленіе капиталовъ *) въ рукахъ отдѣльныхъ лицъ, нѣкоторыя изъ нихъ начинаютъ употреблять эти капиталы на то, чтобы давать работу людямъ промышленнымъ, которыхъ они и снабжаютъ какъ матеріаломъ, необходимымъ для работы, такъ и съѣстными припасами съ тою цѣлію, чтобы потомъ са-

---

*) Смитъ не опредѣляетъ здѣсь, что такое капиталъ. — **Жозефъ Гарнье.**

мимъ получить барышъ *) на продажѣ ихъ произведеній, или на томъ, что люди эти своимъ трудомъ прибавили къ первоначальной цѣнности матеріаловъ. Когда сработанное произведеніе обмѣнено на деньги ли, на трудъ ли, или на другія произведенія—это все равно,—необходимо, чтобы, по оплатѣ стоимости матеріаловъ и вознагражденія рабочему, оставался еще излишекъ, составляющій прибыль предпринимателя, рискнувшаго употребить на это дѣло свои капиталы. Такимъ образомъ цѣнность, которую рабочіе своимъ трудомъ прибавляютъ къ цѣнности первоначальнаго матеріала, дѣлится на двѣ части, изъ которыхъ одна идетъ на выдачу заработной платы рабочимъ, а другая составляетъ прибыль предпринимателя на ту сумму его капитала, которая была употреблена имъ на уплату вознагражденія рабочимъ и на раздачу имъ матеріаловъ для работы. Предприниматель не нашелъ бы никакой выгоды давать заказъ рабочимъ, еслибы онъ не разсчитывалъ получить отъ продажи сработаннаго ими произведенія что нибудь сверхъ употребленнаго имъ въ дѣло капитала, и для него не было бы никакого разсчета употребить скорѣе большій, чѣмъ меньшій капиталъ, если бы его прибыль не соотвѣтствовала величинѣ употребленнаго въ дѣло капитала.

Но мнѣ возразятъ, можетъ быть, что прибыль есть только другое названіе заработной платы, выдаваемой за особый видъ труда, по надзору и упра-

---

*) По англійски и по французски—profit, *прибыль*. Смитъ разумѣетъ подъ этимъ словомъ какъ процентъ съ капитала и барышъ предпринимателя, такъ и заработную плату послѣдняго.—**Жозефъ Гарнье.**

вленію дѣломъ. Однако эти прибыли совсѣмъ не похожи на заработную плату; онѣ установляются совсѣмъ на другихъ началахъ и не находятся ни въ какомъ соотвѣтствіи съ количествомъ и свойствомъ труда по надзору и управленію дѣломъ. Прибыли зависятъ все-цѣло отъ цѣнности употребленнаго въ дѣло капитала и бываютъ больше или меньше, смотря по величинѣ послѣдняго. Предположимъ, напримѣръ, что въ какой нибудь мѣстности, гдѣ прибыли съ капиталовъ, употребляемыхъ на производство, составляютъ обыкновенно 10% со 100 въ годъ, существуютъ двѣ различныя мануфактуры, и что на каждой изъ нихъ работаютъ по 20 рабочихъ, получающихъ каждый по 15 фунтовъ въ годъ, или что каждая изъ этихъ мануфактуръ тратитъ на это вообще по 300 фунтовъ въ годъ; предположимъ еще, что первоначальные дешевые матеріалы, ежегодно употребляемые на одной изъ нихъ, стоютъ только 700 фунтовъ, тогда какъ на другой употребляются матеріалы болѣе дорогіе, стоющіе до 7.000 фунтовъ. При этихъ условіяхъ капиталъ, ежегодно затрачиваемый на одной изъ этихъ мануфактуръ, будетъ равенъ только 1.000 фунтовъ, тогда какъ на другой онъ составитъ 7.300 фунтовъ. Слѣдовательно, при размѣрѣ 10 со 100 хозяинъ первой мануфактуры можетъ разсчитывать на ежегодную прибыль только во 100 фунтовъ, тогда какъ другой—въ 730 фунтовъ. Но не смотря на эту огромную разницу въ прибыляхъ, легко можетъ случиться, что трудъ обоихъ хозяевъ по надзору и управленію дѣлами будетъ совершенно или почти одинаковъ. Часто на многихъ большихъ фабрикахъ почти весь трудъ этого рода ввѣряется

главному прикащику и тогда цѣнность этого труда по надзору и управленію вполнѣ выражается жалованьемъ, которое онъ получаетъ. Хотя, при назначеніи этого жалованья обыкновенно обращается нѣкоторое вниманіе не только на трудъ прикащика и степень его способностей, но также и на мѣру довѣрія, требуемаго его должностью; однако размѣръ жалованья не находится никогда ни въ какомъ постоянномъ соотвѣтствіи съ капиталомъ, за которымъ прикащикъ наблюдаетъ. Тѣмъ не менѣе владѣлецъ этого капитала, хотя онъ почти совсѣмъ освобожденъ отъ этого труда, разсчитываетъ все-таки на то, что прибыли его будутъ соотвѣтствовать затраченному имъ капиталу. Такимъ образомъ, въ цѣнѣ товаровъ, прибыли съ капиталовъ входятъ составною частью ихъ цѣнности, но онѣ совершенно не зависятъ отъ заработной платы и установляются на основаніи совсѣмъ другихъ началъ.

При такихъ условіяхъ произведеніе труда не всегда принадлежитъ вполнѣ одному только рабочему. Чаще всего онъ долженъ дѣлиться имъ съ *владѣльцемъ капитала*, который даетъ ему работу. Въ этомъ случаѣ количество труда, сообща потраченнаго на пріобрѣтеніе или на приготовленіе какого нибудь товара, не бываетъ уже единственнымъ условіемъ для опредѣленія того количества труда, которое могло бы быть сообща куплено, заказано или получено въ обмѣнъ на этотъ товаръ. Само собою ясно, что тутъ является нѣкоторая дополнительная часть, которая должна быть отдѣлена въ пользу прибыли съ капитала, оплатившаго впередъ заработную плату и доставившаго рабочему первоначальный матеріалъ.

Съ того самаго момента, какъ земля въ какой нибудь странѣ сдѣлалась предметомъ частной собственности, владѣльцы ея, какъ вообще свойственно людямъ, охотно стали собирать тамъ, гдѣ они не сѣяли, и требовать себѣ ренты *) даже за естественныя произведенія земли. И вотъ установляется добавочная цѣна за дрова въ лѣсу, за траву на лугахъ и за всѣ естественныя произведенія земли, которыя прежде, при общемъ владѣніи ею, не стоили рабочему ничего кромѣ простого усилія собрать ихъ, но которыя теперь стоютъ дорого. Такъ какъ теперь онъ долженъ по-неволѣ заплатить за позволеніе собрать эти произведенія, то и принужденъ уступить землевладѣльцу какую нибудь часть того, что онъ собралъ или произвелъ своимъ трудомъ. Эта именно часть, или, что тоже самое, цѣна этой части и есть земельная рента (rent of land), составляющая третью составную часть цѣны большей части товаровъ.

Здѣсь надо еще замѣтить, что дѣйствительная цѣнность этихъ трехъ различныхъ частей, входящихъ въ составъ цѣны каждаго товара, измѣряется количествомъ труда, которое можетъ быть куплено или нанято на счетъ каждой изъ этихъ частей.

---

*) Слово *рента* принимается въ „Изслѣдованіяхъ“ Смита нѣсколько въ иномъ смыслѣ, чѣмъ понимаютъ его французскіе экономисты. Оно выражаетъ здѣсь *аренду* (fermage) или *чистый доходъ*, принадлежащій земельному владѣльцу, какъ собственнику.—**Жерменъ Гарнье.**

Позднѣе Рикардо точнѣе установилъ смыслъ *ренты* и далъ ей значеніе части дохода, принадлежащей землевладѣльцу, независимо отъ процента съ капитала, употребленнаго на обработку, и процента съ капитала, обращеннаго на землю.—**Жозефъ Гарнье.**

Трудомъ измѣряется цѣнность не только той части цѣны, которая приходится на долю рабочаго, но и той, которая приходится на долю землевладѣльца, а также и той, которая приходится на долю капиталиста (*).

Въ каждомъ обществѣ цѣна каждаго товара въ концѣ-концовъ разлагается на эти три составныя части, или на нѣкоторыя изъ нихъ, а въ образованныхъ обществахъ эти три части непремѣнно, въ большей или меньшей степени, входятъ въ цѣну большей части товаровъ, какъ составныя части ея.

Такъ, напримѣръ, въ цѣнѣ хлѣба одна часть ея оплачиваетъ ренту землевладѣльца, другая—заработную плату или содержаніе рабочихъ, а также рабочаго скота и инвентаря, употребленныхъ на производство хлѣба, а третья часть — прибыль фермера.

Эти три части непосредственно или окончательно образуютъ полную цѣну хлѣба. Можно было бы, пожалуй, подумать, что къ этимъ тремъ частямъ надо прибавить еще и четвертую—для возстанов-

---

*) Здѣсь я не согласенъ съ Смитомъ, или, вѣрнѣе, не понимаю, что̀ именно хочетъ онъ сказать. Какимъ трудомъ измѣряется доходъ съ земли и прибыль съ капитала, содѣйствовавшихъ полученію продукта? Прибыль совсѣмъ не зависитъ отъ труда человѣка; услуга, оказываемая землею и капиталомъ, совсѣмъ не та, что услуга, оказываемая трудомъ. Даже капиталъ, представляющій собою сумму накопленныхъ цѣностей, произведенныхъ отчасти трудомъ человѣка, оказываетъ такую услугу, въ которой трудъ не принималъ никакого участія. Капиталъ представляетъ только отчасти трудъ человѣка, изъ котораго и произошла часть его цѣнности; но цѣнность оказанной имъ услуги вообще не представляетъ собою труда человѣка. Этотъ послѣдній не имѣетъ никакой доли въ услугѣ, оказываемой капиталомъ.—**Ж. Б. Сэ**.

ленія капитала фермера, или для вознагражденія его за потерю въ рабочихъ лошадяхъ и разныхъ земледѣльческихъ орудіяхъ. Но тутъ надо принять во вниманіе, что цѣна каждаго земледѣльческаго орудія, какъ и рабочей лошади, сама по себѣ состоитъ изъ тѣхъ же трехъ частей: изъ ренты за землю, на которой она выращена, изъ заработной платы тѣхъ, кто ее кормилъ и ходилъ за нею, и изъ прибыли фермера, оплатившаго впередъ какъ эту ренту, такъ и вознагражденіе за трудъ. Такимъ образомъ, хотя изъ цѣны хлѣба должна быть оплачена цѣна лошади, а также и ея содержаніе, однако полная цѣна этого хлѣба всегда раскладывается, въ самомъ ли началѣ или въ окончательномъ результатѣ, — это безразлично—все на тѣ же три части: *ренту, заработную плату* и *прибыль*.

Въ цѣнѣ муки содержится, кромѣ цѣны хлѣба въ зернѣ, также и прибыль мельника и заработная плата его рабочихъ; въ цѣнѣ печенаго хлѣба—прибыль хлѣбника и заработная плата его рабочихъ, а въ цѣнахъ муки и печенаго хлѣба вмѣстѣ—плата за перевозку зерна отъ усадьбы фермера до мельницы и отъ мельницы до хлѣбника, а также и прибыли тѣхъ, кто оплатилъ впередъ вознагражденіе за этотъ трудъ,

Цѣна льна разлагается на тѣ же три составныя части, какъ и цѣна хлѣба. Въ цѣнѣ полотна должна заключаться заработная плата тѣхъ, кто сѣялъ ленъ, прядильщика, ткача, бѣлильщика и т. д., и ко всему этому надо прибавить еще прибыли тѣхъ, кто пустилъ въ дѣло этихъ рабочихъ.

По мѣрѣ того, какъ производство какого нибудь товара принимаетъ болѣе сложную фабричную фор-

му, часть цѣны, приходящаяся на долу *заработной платы* и *прибыли*, становится все больше сравнительно съ тою частью, которая приходится на долю *ренты*. При каждой новой переработкѣ товара не только увеличивается число прибылей, но и каждая послѣдующая прибыль становится больше предшествовавшей уже потому, что при этомъ всегда увеличивается и капиталъ, съ котораго она получается. Такъ, напримѣръ, капиталъ, дающій работу ткачамъ, непремѣнно долженъ быть больше капитала, дающаго работу прядильщикамъ, потому что онъ своими прибылями не только возмѣщаетъ этотъ послѣдній, но и оплачиваетъ еще заработную плату ткачей, а размѣръ прибылей, какъ мы видѣли, всегда долженъ находиться въ опредѣленномъ соотвѣтствіи съ величиною капитала.

Не смотря на все это, даже въ обществахъ наиболѣе развитыхъ найдутся всегда такіе товары, хотя и не въ большомъ числѣ, цѣна которыхъ распадается только на двѣ части—на заработную плату и на прибыль съ капитала; но есть и такіе товары, еще въ меньшемъ числѣ, цѣна которыхъ состоитъ только изъ одного вознагражденія за трудъ. Въ цѣнѣ морской рыбы, напримѣръ, одна часть оплачиваетъ трудъ рыбаковъ, а другая—прибыль съ капитала, употребленнаго на рыбную ловлю. Что касается *ренты*, то она рѣдко бываетъ здѣсь составною частью цѣны, хотя встрѣчаются случаи и такого рода, о чемъ я буду говорить ниже. Иначе стоитъ дѣло, по крайней мѣрѣ въ большей части Европы, съ рѣчнымъ рыболовствомъ. Ловля лососей оплачиваетъ *ренту* и эта *рента*, хотя и не можетъ быть названа *земельною рентою* въ тѣсномъ смыслѣ этого

слова, однако образуетъ такую же составную часть цѣны лососины, какъ заработная плата и прибыль съ капитала. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Шотландіи бѣдняки промышляютъ собираніемъ вдоль морского берега особаго рода камешковъ съ крапинками, извѣстныхъ вообще подъ именемъ *шотландскихъ голышей:* цѣна, которую платитъ за нихъ гранильщикъ, все-цѣло состоитъ изъ заработной платы за трудъ; тутъ нѣтъ ни ренты, ни прибыли съ капитала.

Какъ бы то ни было, а полная цѣна каждаго товара должна всегда въ концѣ-концовъ разложиться или на всѣ три составныя части свои, или на которыя нибудь изъ нихъ въ отдѣльности, потому что какая бы часть этой цѣны ни оказалась въ остаткѣ, за уплатою ренты за землю и вознагражденія за трудъ, употребленный на культуру первоначальнаго матеріала, на фабричную обработку его и доставленіе на рынокъ, она все-таки составляетъ чью нибудь прибыль.

Какъ цѣна или мѣновая цѣнность каждаго товара, взятаго отдѣльно, распадается на которую нибудь изъ своихъ составныхъ частей или на всѣ три части, точно также и цѣна всѣхъ товаровъ, составляющихъ общую сумму ежегоднаго производства страны, непремѣнно распадается на тѣ же составныя три части и должна распредѣлиться между жителями страны въ видѣ заработной платы, прибыли съ капитала или земельной ренты. Такимъ именно способомъ и распредѣляется первоначально между различными членами общества общая масса всего, что собирается или производится ежегоднымъ трудомъ каждаго жителя, или, что̀ тоже самое, совокупная цѣна всѣхъ произведенныхъ продуктовъ.

Заработная плата, *прибыль* и *рента*—вотъ три первоначальныхъ источника всякаго дохода. какъ и всякой мѣновой цѣнности. Всякій доходъ въ концѣ-концовъ вытекаетъ изъ того или другого изъ этихъ трехъ источниковъ.

Всякій, кто живетъ какимъ нибудь доходомъ, лично ему принадлежащимъ, получаетъ его или съ своего не посредственнаго труда, или съ собственнаго капитала, или съ земли, которою онъ владѣетъ. Доходъ, получаемый съ труда, называется *заработной платой*. Доходъ, получаемый кѣмъ нибудь съ капитала, которымъ владѣлецъ распоряжается самъ, или который онъ употребляетъ въ какое нибудь дѣло, называется *прибылью*. Если же она получается владѣльцемъ, который самъ не пользуется своимъ капиталомъ, а ссужаетъ имъ кого нибудь другого, то называется *процентомъ*. Это есть вознагражденіе, платимое заемщикомъ владѣльцу капитала за ту прибыль, которую онъ можетъ получить, благодаря употребленію чужихъ денегъ. Понятно само собою, что одна часть этой прибыли принадлежитъ заемщику, который несетъ рискъ за употребленіе капитала и за труды по веденію дѣла, другая же часть остается въ пользу владѣльца, который далъ первому возможность получить эту прибыль. Процентъ съ заемныхъ денегъ составляетъ всегда побочный доходъ, который, если не входитъ въ составъ прибыли, доставляемой употребленіемъ денегъ, долженъ быть оплаченъ изъ какого нибудь другого источника дохода, если только заемщикъ — не расточитель и не дѣлаетъ второго займа для уплаты процентовъ по первому. Доходъ, получае-

мый вполнѣ только отъ одной земли, называется *рентою* и принадлежитъ землевладѣльцу. Доходъ же фермера получается частью какъ вознагражденіе за трудъ, частью какъ прибыль съ капитала. Земля для него—не болѣе какъ орудіе, благодаря которому онъ получаетъ заработную плату за трудъ и извлекаетъ прибыль съ своего капитала. Всѣ связанные съ этимъ производствомъ налоги и доходы, жалованья, пенсіи и годовые платежи всякаго рода въ концѣ-концовъ вытекаютъ изъ того или другого изъ этихъ трехъ первоначальныхъ источниковъ дохода и оплачиваются прямо или косвенно или заработною платою, или прибылью съ капиталовъ или земельною рентою.

Эти три различные дохода легко различить, если они получаются разными лицами, но если они получаются однимъ лицомъ, то иногда смѣшиваются одинъ съ другимъ, по крайней мѣрѣ въ обыкновенной рѣчи.

Землевладѣлецъ (gentleman), обрабатывающій часть своего помѣстья, долженъ получить, по уплатѣ расходовъ обработки, какъ ренту, принадлежащую собственнику, такъ и прибыль фермера. А между тѣмъ все, что онъ получаетъ этимъ путемъ, называется обыкновенно доходомъ, *прибылью*, и такимъ образомъ рента смѣшивается здѣсь съ прибылью, по крайней мѣрѣ на обыкновенномъ языкѣ. Тоже самое и у большей части англійскихъ плантаторовъ въ Сѣверной Америкѣ и Вестъ-Индіи: они сами обрабатываютъ свои земли и потому часто говорятъ намъ о *прибыли* съ плантацій, но рѣдко о *рентѣ*, которую онѣ приносятъ.

Рѣдко случается, чтобы мелкіе фермеры держали

управляющаго для надзора за главными операціями своихъ фермъ. Работаютъ они большую часть времени сами за плугомъ, бороною и пр. Все, что остается отъ жатвы, должно, за уплатою ренты, не только возмѣстить капиталъ, употребленный ими на обработку земли, съ его обычною прибылью, но еще и уплатить заработную плату, какъ за личный трудъ ихъ, такъ и за управленіе. Между тѣмъ все, что остается имъ за уплатою ренты и возмѣщеніемъ капитала, называютъ они *прибылью*, хотя въ составъ ея, очевидно, входитъ и заработная плата ихъ. Фермеръ, сберегая расходы на ея уплату, сохраняетъ ее для самого себя. Слѣдовательно, и въ этомъ случаѣ заработная плата смѣшивается съ прибылью.

Какой нибудь не зависимый работникъ, располагая маленькимъ капиталомъ, достаточнымъ для закупки матеріаловъ и для своего собственнаго содержанія, впредь до продажи работы на рынкѣ, вырабатываетъ за-разъ и заработную плату поденщика, работающаго на хозяина, и прибыль, которую бы послѣдній получилъ на его работѣ. Слѣдовательно, и здѣсь все, что получается такимъ рабочимъ, называется *прибылью*, съ которою опять-таки смѣшивается заработная плата.

Садовникъ, собственными руками работающій надъ своимъ садомъ, представляетъ собою въ одно время три разныхъ лица: собственника, фермера и рабочаго. А потому изъ произведеній своего сада онъ долженъ выручить ренту перваго, прибыль второго и заработную плату третьяго, а между тѣмъ все это вмѣстѣ взятое считается обыкновенно результатомъ

его личнаго труда. Здѣсь рента и прибыль смѣшиваются съ заработной платой.

Такъ какъ въ образованной странѣ найдется очень не много такихъ товаровъ, мѣновая цѣнность которыхъ была бы обязана только одному труду, и такъ какъ въ гораздо большей части товаровъ значительною долею участвуетъ рента и прибыль, то и выходитъ, что годового произведенія совокупнаго труда въ такой странѣ всегда достанетъ на то, чтобы купить и нанять гораздо большее количество труда, чѣмъ сколько потребовалось бы его для культуры сырыхъ продуктовъ, для ихъ обработки и доставки на рынокъ. Если бы общество употребляло въ дѣло весь трудъ, который оно ежегодно было бы въ состояніи купить, то вслѣдствіе ежегодно увеличивающагося количества этого труда, производство каждаго послѣдующаго года представляло бы несравненно бо́льшую цѣнность, въ сравненіи съ предыдущимъ годомъ. Но вѣдь нѣтъ такой страны, въ которой бы все, что произведено въ теченіе года, употреблялось на содержаніе рабочихъ *); повсюду значительная часть произве-

*) Эта глава, поражающая удивительною простотою, содержитъ въ себѣ подробности, которыя теперь стали общими мѣстами: но первое объясненіе ихъ, данное Смитомъ, было цѣннымъ открытіемъ. Установивъ такъ справедливо и вѣрно различные источники нашихъ доходовъ, Адамъ Смитъ оказалъ неоцѣненную услугу наукѣ и человѣчеству. Что можетъ сравниться по глубинѣ мысли и остроумію съ этими изслѣдованіями, съ такою ясностью опредѣляющими, какую часть въ дѣйствительности получаютъ и какую часть *должны бы получить изъ общаго дохода* различные классы общества? „Но вѣдь нѣтъ такой страны, говоритъ авторъ, въ которой бы все, что произведено въ теченіе года, употреблялось на содержаніе рабочихъ; повсюду значительная часть произведенныхъ цѣностей потребляется праздными людьми...“ Вотъ какъ точно выяснено зло; наше поколѣніе уже ищетъ средствъ противъ него.—**А. Бланки.**

денныхъ цѣнностей потребляется людьми праздными *), и вотъ смотря по тому, какъ эти плоды годоваго производства распредѣляются между этими двумя различными классами, т. е. между работающими и не работающими, обыкновенная или средняя цѣнность должна изъ года въ годъ или увеличиваться, или уменьшаться, или оставаться все въ одномъ размѣрѣ.

---

*) Подъ именемъ „праздныхъ людей“ разумѣются здѣсь владѣльцы капитала и земли, которые отдаютъ въ наемъ принадлежащія имъ орудія для труда, но сами не принимаютъ никакого личнаго участія въ предпріятіи. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Смитъ признавалъ за ними право на опредѣленную часть дохода. Законность такого участія ихъ опредѣляется какъ справедливостью, такъ и соціальнымъ интересомъ, и Смитъ не могъ впасть въ этомъ никакого зла.—**Жозефъ Гарнье**.

VII.

О заработной платѣ.

Что̀ составляетъ естественное вознагражденіе за трудъ, его заработную плату, это—произведеніе труда.

Въ первобытномъ состояніи общества, предшествовавшемъ образованію частной земельной собственности и капиталовъ, все произведеніе труда въ полномъ составѣ принадлежало рабочему. Тутъ нѣтъ ни собственника, ни хозяина, съ которыми онъ долженъ былъ дѣлиться.

Если бы продолжалось такое состояніе, то заработная плата возрастала бы вмѣстѣ съ увеличеніемъ производительной силы труда, которое вызывается раздѣленіемъ труда. Всѣ предметы становились бы постепенно все дешевле и дешевле. Они производились бы все меньшими количествами труда и, слѣдовательно, покупались бы все меньшимъ количествомъ другихъ произведеній, потому что при этихъ условіяхъ товары, произведенные одинаковыми количествами труда, свободно мѣнялись бы другъ на друга.

Но хотя въ дѣйствительности всѣ предметы и стали бы дешевле, однако многіе изъ нихъ, на первый взглядъ, какъ будто вздорожали бы противъ

прежняго и при обмѣнѣ стоили бы гораздо бо́льшаго количества другихъ товаровъ. Предположимъ, напримѣръ, что въ большей части производствъ производительная сила труда увеличилась въ десять разъ, то есть, что трудъ одного дня сталъ производить въ десять разъ больше произведеній, чѣмъ прежде; предположимъ также, что въ какомъ нибудь отдѣльномъ производствѣ эта производительная сила труда увеличилась только вдвое, то есть, что трудъ одного дня сталъ производить только вдвое больше, чѣмъ прежде. При обмѣнѣ произведеній однодневнаго труда, въ большей части производствъ, на произведенія однодневнаго труда этого отдѣльнаго производства, за двойное въ сравненіи съ прежнимъ количество произведеній этого послѣдняго пришлось бы заплатить увеличившееся въ десять разъ, въ сравненіи съ прежнимъ, количество произведеній всѣхъ прочихъ производствъ. Такимъ образомъ какое нибудь опредѣленное количество перваго изъ этихъ произведеній, напримѣръ фунтъ, стоилъ бы повидимому впятеро дороже прежняго, на самомъ же дѣлѣ онъ будетъ стоить вдвое дешевле прежняго. И вотъ почему. Хотя при покупкѣ такого товара пришлось бы заплатить за него впятеро большее количество другихъ товаровъ, однако для того, чтобы купить или произвести его теперь, потребовалось бы вдвое меньше труда, чѣмъ сколько требовалось его прежде, а, стало быть, и пріобрѣсть его стало вдвое легче прежняго.

Но это первоначальное состояніе общества, когда рабочій одинъ пользовался сполна произведеніемъ своего труда, не могло продолжаться долѣе той поры, какъ образовалась частная земельная соб-

ственность и накопленіе капиталовъ. Это состояніе прекратилось еще за долго до того времени, когда производительная сила труда достигла значительной степени совершенства, и теперь безполезно было бы изслѣдовать, въ чемъ состояло въ болѣе раннее время вліяніе такого положенія вещей на вознагражденіе за трудъ или на заработную плату.

Какъ только совершилось обращеніе земли въ частную собственность, землевладѣлецъ сталъ требовать въ свою пользу почти все, что рабочій могъ воздѣлать и собрать съ этой земли. И вотъ первое, что пришлось ему вычитать изъ произведеній своего труда, въ примѣненіи его къ землѣ, была рента.

Рѣдко бываетъ, чтобы человѣкъ, обрабатывающій землю, имѣлъ въ запасѣ, чѣмъ прокормиться до сбора жатвы. Вообще же, онъ получаетъ свое содержаніе на счетъ капитала хозяина, или нанимающаго его фермера, который, конечно, не нашелъ бы для себя выгоднымъ взяться за это дѣло, если бы не былъ увѣренъ, что получитъ въ свою пользу часть труда своего рабочаго, или что затраченный имъ капиталъ возвратится къ нему съ прибылью. Эта прибыль составляетъ второй вычетъ изъ произведеній труда, употребленнаго на обработку земли.

Точно такой же вычетъ въ пользу прибыли съ капитала дѣлается изъ произведеній и всякаго другого труда. Во всѣхъ ремеслахъ, на всѣхъ фабрикахъ большая часть рабочихъ нуждается въ хозяинѣ, который снабжаетъ ихъ матеріалами для работы, платитъ имъ впередъ заработную плату и содержитъ ихъ до поры полнаго окончанія работы. Хозяинъ беретъ себѣ часть произведеній

труда, или тѣхъ цѣнностей, которыя послѣдній прибавляетъ къ обрабатываемому имъ матеріалу; эта-то часть и составляетъ прибыль хозяина.

Правда, бываютъ случаи, когда рабочій, живущій одиноко и независимо, имѣетъ достаточно средствъ, чтобы самому купить матеріалы для своей работы и прокормиться до времени ея окончанія. Въ такихъ случаяхъ онъ является въ одно время и хозяиномъ и рабочимъ и пользуется одинъ всѣмъ, что произвелъ своимъ трудомъ, или пользуется всею тою цѣнностью, которую прибавилъ къ сырому матеріалу имъ обработанному. Такое произведеніе содержитъ въ себѣ обыкновенно два различные дохода, принадлежащіе двумъ разнымъ лицамъ—прибыль съ капитала и заработную плату.

Но такіе случаи повторяются не часто, и во всѣхъ странахъ Европы на одного не зависимаго рабочаго приходится двадцать такихъ, которые работаютъ на хозяина, и потому вездѣ *заработная плата* является тамъ, гдѣ обыкновенно рабочій и владѣлецъ капитала, употребляющій его въ дѣло, бываютъ два разныя лица.

Величина заработной платы установляется обыкновенно взаимнымъ соглашеніемъ этихъ двухъ лицъ, интересы которыхъ прямо противоположны другъ другу. Рабочимъ хочется получить какъ можно больше, а хозяину—заплатить какъ можно меньше. Первые стараются сговориться, чтобы поднять заработную плату, а послѣдній—чтобы уменьшить ее.

Не трудно предвидѣть, которая изъ этихъ двухъ сторонъ, при обычномъ ходѣ дѣлъ, должна взять верхъ въ этомъ спорѣ и насильно предпишетъ другой свои условія. Такъ какъ число хозяевъ всегда

меньше, то имъ гораздо легче сговориться между собою; къ тому же и законъ дозволяетъ имъ входить во всякія соглашенія, или по крайней мѣрѣ не запрещаетъ имъ это дѣлать, тогда какъ рабочимъ онъ воспрещаетъ стачки. Въ Англіи нѣтъ ни одного парламентскаго акта противъ стачки хозяевъ для пониженія платы за трудъ, за-то есть много актовъ противъ стачекъ рабочихъ для ея повышенія. Въ каждой такой борьбѣ хозяева могутъ твердо держаться гораздо дольше, чѣмъ рабочіе. Каждый землевладѣлецъ, фермеръ, фабрикантъ или купецъ могутъ вообще, не нанимая ни одного рабочаго, свободно прожить годъ или два на тѣ средства, которыя припасли себѣ; тогда какъ рабочіе, большею частью, не просуществуютъ безъ хозяйской работы и одной недѣли, въ не многихъ случаяхъ они пробьются развѣ въ теченіе мѣсяца, и едва ли найдется одинъ рабочій, который бы продержался цѣлый годъ.

Вообще, хозяинъ также нуждается въ рабочемъ, какъ и рабочій—въ хозяинѣ; но дѣло въ томъ, что нужда перваго не такъ настоятельна, какъ послѣдняго.

Обыкновенно возражаютъ, что о стачкахъ между хозяевами почти не слышно, тогда какъ ежедневно толкуютъ о стачкахъ между рабочими. Но воображать, что хозяева сговариваются между собою только въ рѣдкихъ случаяхъ, значило бы не знать ни жизни, ни предмета, о которомъ идетъ рѣчь. Хозяева во всякое время и на всякомъ мѣстѣ находятся въ своего рода молчаливой, но постоянной стачкѣ, съ цѣлью не подымать заработной платы выше ея обыкновеннаго уровня. Нарушеніе этого правила считается вездѣ предательствомъ со сторо-

ны не вѣрнаго собрата и подняло бы противъ него жалобы со стороны его сосѣдей и другихъ хозяевъ. Если же никогда не говорятъ о такой стачкѣ, то лишь потому, что это—дѣло самое обыкновенное и, такъ сказать, естественное положеніе вещей, на которое никто не обращаетъ никакого вниманія. Но иногда хозяева заключаютъ между собою особыя стачки, съ цѣлью понизить заработную плату ниже ея обыкновеннаго уровня. Такіе заговоры ведутся всегда въ большомъ молчаніи и держатся въ величайшей тайнѣ до послѣдней минуты, когда они приводятся въ исполненіе, и если въ такихъ случаяхъ рабочіе, какъ это иногда бываетъ, уступаютъ безъ всякаго сопротивленія, хотя и очень чувствуютъ всю жестокость нанесеннаго имъ удара, то объ этомъ никакихъ разговоровъ не бываетъ. Часто однако противъ такихъ особыхъ заговоровъ рабочіе выставляютъ свои оборонительныя стачки, иногда же и сами рабочіе, безъ всякаго вызова со стороны хозяевъ, устраиваютъ стачку по собственному побужденію, съ цѣлью поднять цѣну на свой трудъ. Обыкновеннымъ поводомъ къ такому соглашенію служитъ или дороговизна съѣстныхъ припасовъ, или слишкомъ высокая прибыль, получаемая хозяиномъ съ ихъ труда. Но бываютъ ли стачки оборонительныя или наступательныя, онѣ всегда сопровождаются большимъ гвалтомъ. Заботясь о томъ, чтобы привести свое дѣло къ скорѣйшему рѣшенію, рабочіе обыкновенно горячатся и шумятъ очень сильно, а иногда доходятъ даже до буйства и крайняго насилія. Они—въ отчаяніи и дѣйствуютъ съ безразсудствомъ и яростью людей, доведенныхъ до крайности — или умереть съ голоду, или путемъ

устрашенія, вырвать у своихъ хозяевъ, какъ можно скорѣе, согласіе на свои требованія.

Въ такихъ случаяхъ хозяева шумятъ и кричатъ не меньше рабочихъ и изо всѣхъ силъ требуютъ вмѣшательства администраціи и самаго строгаго примѣненія строжайшихъ законовъ противъ стачекъ рабочихъ, прислуги и поденщиковъ. Въ концѣ-концовъ лишь очень рѣдко удается рабочимъ извлечь какую нибудь выгоду изъ этихъ насильственныхъ и буйныхъ попытокъ, которыя обыкновенно, какъ вслѣдствіе вмѣшательства правительственной власти, такъ въ особенности вслѣдствіе большей выдержанности хозяевъ и необходимости для большинства рабочихъ—уступить имъ, чтобы совсѣмъ не лишиться послѣдняго куска хлѣба, приводятъ только къ наказанію или разоренію зачинщиковъ возстанія *).

*) Хотя это описаніе и вѣрно, однако съ тѣхъ поръ рабочіе сдѣлали большіе успѣхи въ способахъ веденія своего дѣла. Теперь они уже не обращаются къ хозяевамъ за средствами существованія во время своей борьбы съ ними за увеличеніе заработной платы, а образуютъ, въ годы процвѣтанія промышленности, общій запасъ средствъ, къ которому и обращаются во время нужды. Правда, законъ бываетъ противъ нихъ, но поведеніе ихъ, затрогивающее такіе, тревожные вопросы, не вызываетъ никакого вмѣшательства власти. Отношенія рабочихъ къ хозяину есть дѣло добровольнаго соглашенія, и если бы законъ вмѣшался, чтобъ принудить одну сторону подчиниться другой, то нарушилъ бы свободу договора. Взаимное соглашеніе, составляющее основу всякой сдѣлки, было бы разрушено и одинъ оказался бы обобраннымъ въ пользу другого. Для законодателя нѣтъ никакой положительной выгоды насильственно вмѣшиваться въ такія сдѣлки частныхъ лицъ. Рабочіе соединяются, чтобы требовать, въ ущербъ своимъ хозяевамъ, увеличенія заработной платы. И почему же нѣтъ? Какое дѣло обществу, кто въ концѣ всего выгадаетъ - рабочіе или хозяинъ? Если общество даетъ за товаръ хорошую цѣну, то въ немъ не будетъ недостатка на рынкѣ; что же касается непосредственно самого общества, то ему все равно, сколько изъ цѣны

Хотя хозяева почти всегда берутъ верхъ въ своихъ спорахъ съ рабочими, однако есть извѣстный предѣлъ, ниже котораго нельзя уменьшить, на время сколько нибудь продолжительное, обыкновенную заработную плату даже для самаго низкаго разбора труда.

Дѣло безусловной необходимости, чтобы человѣкъ могъ жить своимъ трудомъ и чтобы заработная плата его была достаточна по крайней мѣрѣ для его пропитанія; въ большинствѣ же случаевъ требуется нѣсколько больше этого, ибо иначе рабочій не будетъ въ состояніи воспитывать семью, да и самый разрядъ такихъ рабочихъ не могъ бы продолжаться болѣе одного поколѣнія *). По этому поводу Кантильонъ **) признаетъ, что самый послѣдній раз-

---

товара придется на долю *заработной платы* и *прибыли съ капитала*. Цѣна товара опредѣляется на рынкѣ и двѣ заинтересованныя въ ней стороны спорятъ о раздѣлѣ добычи. Но какое дѣло обществу до всего этого? И зачѣмъ становиться ему на защиту одной стороны противъ другой? Правда состоитъ здѣсь въ томъ, что стачки хозяевъ и рабочихъ вызываются или недостаткомъ *труда*, т. е. рабочихъ, или недостаткомъ *работы* для нихъ. Все это—естественныя послѣдствія одной общей причины. И пока законъ не выяснитъ этой общей причины, пока онъ не создастъ или новаго *труда* или новыхъ *работъ*, всякое вмѣшательство его поведетъ только ко вреду частныхъ лицъ.—**Бухананъ**.

*) Заработная плата не есть только одно вознагражденіе за трудъ, разсчитанное по столько-то за опредѣленное время работы, она есть доходъ бѣдняка. А потому эта плата должна быть достаточна на его содержаніе не только во время работы, но и на время безработицы; она должна служить обезпеченіемъ какъ дѣтства и старости, такъ и зрѣлаго возраста, болѣзни и здоровья, какъ на случай отдыха, необходимаго для поддержанія силъ и установленнаго закономъ и религіей, такъ и во все продолженіе рабочаго времени.

) **Cantillon: Essai sur la nature du commerce.

рядъ простыхъ поденщиковъ долженъ въ день вырабатывать по крайней мѣрѣ вдвое болѣе противъ своего пропитанія, дабы каждый рабочій могъ воспитывать по двое дѣтей. Что касается женщины, то предполагаютъ, что работа ея можетъ быть признана достаточной, если ея хватаетъ на ея личные расходы, потому что на ней лежатъ заботы о воспитаніи дѣтей. При этомъ высчитываютъ, что половина родившихся дѣтей обыкновенно умираетъ до наступленія зрѣлаго возраста. Поэтому необходимо, чтобы самые бѣдные рабочіе и работницы старались воспитать по крайней мѣрѣ четверыхъ дѣтей, дабы хоть двоимъ изъ нихъ посчастливилось достигнуть такого возраста. Обыкновенно предполагаютъ, что содержаніе четверыхъ дѣтей почти равняется содержанію одного взрослаго человѣка. Тотъ же писатель прибавляетъ, что трудъ одного крѣпкаго невольника цѣнится вдвое дороже, чѣмъ сколько стоитъ его содержаніе, и думаетъ, что трудъ самаго слабаго, но свободнаго рабочаго не можетъ стоить дешевле труда крѣпкаго невольника. Какъ бы то ни было, но не подлежитъ, кажется, сомнѣнію, что для того, чтобы воспитать семью, даже въ самомъ низкомъ классѣ простыхъ поденщиковъ, безусловно необходимо, чтобы трудъ мужа и жены могъ давать имъ нѣсколько больше того, что безусловно необходимо для ихъ собственнаго содержанія. Но въ какомъ размѣрѣ? Вотъ въ чемъ вопросъ. Въ томъ ли размѣрѣ, о которомъ я сказалъ сейчасъ, или въ какомъ нибудь другомъ? Я не возьму на себя рѣшенія этого вопроса. Вообще, въ такой постановкѣ дѣла мало утѣшительнаго для людей, которые не имѣютъ другихъ средствъ существованія, кромѣ собственнаго труда.

Впрочемъ, бываютъ обстоятельства, иногда на столько благопріятныя для рабочихъ, что они могутъ поднять заработную плату гораздо выше этого размѣра, составляющаго однако самый крайній предѣлъ, какой допускается простымъ человѣколюбіемъ *).

Когда въ какой нибудь странѣ постоянно возрастаетъ спросъ на людей, живущихъ заработной

*) Вообще думаютъ, что для благоденствія народа сдѣлано было кое-что, когда нашли средство пользоваться трудомъ дѣтей и употреблять ихъ съ самаго ранняго возраста на фабрикахъ, вмѣстѣ съ ихъ родителями. Однако результатомъ борьбы между рабочимъ классомъ и хозяевами бываетъ то, что рабочіе за получаемую ими плату отдаютъ все, что только могутъ отдать своимъ трудомъ, лишь бы самимъ не погибнуть. Если бы дѣти не работали вмѣстѣ съ родителями, то послѣдніе должны были бы зарабатывать столько, чтобы было на что содержать ихъ вплоть до того времени, когда разовьются ихъ силы; иначе дѣти перемерли бы въ самомъ нѣжномъ возрастѣ и самый трудъ скоро превратился бы. Но съ тѣхъ поръ, какъ дѣти сами стали зарабатывать кое-что для жизни, заработная плата родителей могла быть уменьшена. Такимъ образомъ дѣтскій трудъ нисколько не содѣйствовалъ увеличенію заработка бѣднаго класса, а только увеличилъ самый трудъ, который по прежнему отдается въ обмѣнъ за ту же и даже меньшую поденную плату, и такимъ образомъ общая цѣна народнаго труда осталась безъ измѣненія. Слѣдовательно, народъ ничего не выгадалъ отъ того, что дѣти бѣдняковъ лишились единственнаго счастья наслажденій своего возраста, когда ихъ физическія и умственныя силы развиваются на свободѣ, среди веселыхъ игръ. Ничего также не выиграли ни народное богатство, ни промышленность отъ того, что заперли дѣтей, съ шести до восьми лѣтъ, въ мастерскихъ бумагопрядильныхъ фабрикъ, гдѣ они работаютъ по двѣнадцати и четырнадцати часовъ въ атмосферѣ, зараженной пылью, и послѣдовательно гибнутъ отъ истощенія силъ, не достигнувъ и двадцатилѣтняго возраста.

Позорно было бы высчитывать выгоды, которыми можно было бы оправдать принесеніе въ жертву стольнихъ человѣческихъ жизней. Къ несчастью, такое преступленіе совершается ежедневно и притомъ безъ всякой выгоды для рабочихъ. — Сисмонди.

платой, на рабочихъ, поденщикозъ, прислугу всякаго рода,—когда съ каждымъ новымъ годомъ число работъ становится все больше, сравнительно съ предыдущимъ, то рабочимъ нѣтъ надобности устраивать стачки для возвышенія ихъ заработной платы. Въ такихъ случаяхъ, недостатокъ рабочихъ рукъ самъ собою вызываетъ конкурренцію между хозяевами, которые другъ у друга перебиваютъ рабочихъ, и такимъ образомъ самъ собою уничтожается обычный заговоръ ихъ противъ возвышенія заработной платы.

Очевидно, что спросъ на людей, живущихъ заработною платой, можетъ усиливаться не иначе, какъ въ соотвѣтствіи съ увеличеніемъ запасовъ, назначенныхъ на выдачу заработной платы. Запасы эти бываютъ двоякаго рода: одни состоятъ въ избыткѣ дохода хозяевъ надъ ихъ потребностями, другія въ избыткѣ самаго капитала, необходимаго для того, чтобы дать занятіе рабочимъ.

Когда землевладѣлецъ, рантье, капиталистъ получаютъ больше дохода, чѣмъ сколько по ихъ разсчету нужно имъ для содержанія ихъ семействъ, то на весь такой излишекъ, или на какую нибудь часть его они содержатъ одного или нѣсколькихъ лишнихъ слугъ. Увеличьте этотъ излишекъ и они, конечно, умножатъ число своихъ рабочихъ *).

---

*) Ошибка Адама Смита состоитъ здѣсь въ томъ, что онъ предполагаетъ, будто всякое увеличеніе дохода и капитала въ обществѣ всегда сопровождается увеличеніемъ запаса, назначеннаго на содержаніе труда. Правда, человѣкъ, пользующійся этимъ излишкомъ капитала или дохода, будетъ смотрѣть на него какъ на добавочный запасъ, позволяющій ему содержать больше рабочихъ Но пока хоть какая нибудь часть этого излишка не обратится дѣйствительно въ

Точно также если не зависимый рабочій, напримѣръ ткачъ или сапожникъ, скопилъ больше средствъ, чѣмъ сколько нужно ему, чтобы закупить сырой матеріалъ для его личной работы и прожить самому до времени продажи произведенія своего труда, то на излишекъ этихъ средствъ онъ непремѣнно найметъ одного или нѣсколькихъ поденщиковъ, чтобы извлечь выгоду изъ ихъ труда. Увеличьте ему этотъ излишекъ и онъ умножитъ число своихъ рабочихъ.

такой запасъ, онъ не будетъ служить для страны такимъ фондомъ, на который можно было бы содержать добавочное число рабочихъ, и тамъ, гдѣ увеличеніе дохода и капитала послѣдуетъ не отъ произведеній земли, а отъ произведеній труда, такое обращеніе этого излишка на содержаніе рабочихъ невозможно. Въ такомъ случаѣ можетъ возникнуть различіе между числомъ рукъ, которое капиталъ могъ бы употреблять на работу, и тѣмъ числомъ рабочихъ, которое могла бы вынести территорія.

Смитъ утверждаетъ, что богатство страны есть *годовое произведеніе ея территоріи и труда*. Очевидно, что это опредѣленіе обнимаетъ собою, какъ произведенія фабрикъ, такъ и произведенія земли.

Теперь представимъ себѣ, что все, что народъ, въ теченіе извѣстнаго числа лѣтъ, сберегъ изъ своего годового дохода, онъ отчислилъ только въ одинъ капиталъ, назначенный на содержаніе фабрики, и не удѣлилъ ничего капиталу, назначенному на земледѣліе. Очевидно, что, на основаніи приведеннаго опредѣленія, богатство народа умножится, но при этомъ нисколько не увеличится возможность содержать больше рабочихъ и нисколько не увеличится фондъ, назначенный на ихъ содержаніе. Тѣмъ не менѣе расширеніе фабричнаго капитала вызвало бы усиленное требованіе на трудъ, которое, въ свою очередь, подняло бы цѣну заработной платы. Но такъ какъ годовая сумма средствъ пропитанія въ странѣ не увеличилась, то и это возвышеніе заработной платы вскорѣ оказалось бы совершенно номинальнымъ, потому что вмѣстѣ съ нею поднялась бы и цѣна на средства пропитанія.—Мальтусъ.

Такимъ образомъ въ каждой странѣ спросъ на людей, живущихъ заработною платой, непремѣнно усиливается вмѣстѣ съ возрастаніемъ доходовъ и умноженіемъ капиталовъ, безъ чего этотъ спросъ увеличиться не можетъ. А такъ какъ возростаніе доходовъ и капиталовъ есть умноженіе народнаго богатства, то слѣдовательно и спросъ на людей, живущихъ заработною платой, непремѣнно усиливается вмѣстѣ съ этимъ умноженіемъ народнаго богатства, и невозможно, чтобы безъ этого онъ могъ усилиться *).

---

*) Заработная плата не бываетъ одинакова во всѣхъ отрасляхъ труда; напротивъ, она измѣняется смотря по свойству работъ. Чтобы установить основаніе, или *нормальную величину* наименьшей заработной платы для всѣхъ занятій, надо прежде всего отыскать наименьшую цѣну на такой простой трудъ, для котораго требовались бы отъ рабочаго самыя обыкновенныя природныя способности и самое умѣренное напряженіе силъ,—на такой трудъ, который не сопровождался бы никакимъ особымъ не пріятнымъ ощущеніемъ и никакою явною опасностью для жизни рабочаго, и который, наконецъ, могъ бы непрерывно продолжаться ежедневно въ теченіе цѣлаго года. Таковъ, напримѣръ, трудъ поденщика на какой нибудь фермѣ. Такъ какъ работа его—самая обыкновенная и во всѣхъ отношеніяхъ наименѣе тяжелая, то она будетъ и самою дешевою: необходимая плата за нее сведется лишь на *самое необходимое содержаніе* рабочаго. Какъ бы ничтожно однако ни было это содержаніе, необходимо все-таки, чтобы на него могли жить рабочіе. Но при этомъ разсчетѣ надо имѣть въ виду не только отдѣльныхъ лицъ, трудъ которыхъ находится въ спросѣ въ данное время, но и весь рабочій классъ, который долженъ быть сохраненъ, иначе онъ станетъ убывать, а неизбѣжнымъ слѣдствіемъ этой убыли будетъ увеличеніе цѣны на трудъ гораздо выше ея нормальной величины. Такимъ образомъ эта величина обнимаетъ собою не только то, что безусловно необходимо для существованія самого рабочаго, но и пропитанія его дѣтей до того времени, когда они могли бы работать такъ же, какъ онъ самъ. При такомъ основаніи разсчитывает-

Возвышеніе заработной платы зависитъ не отъ объема народнаго богатства въ данное время, но

ся обыкновенно, что нормальная величина заработной платы должна давать рабочему *вдвое больше того, что стоитъ его личное содержаніе*, при предположеніи, что трудъ женщины достаточенъ только на ея собственное содержаніе. Въ дѣйствительности необходимое содержаніе двоихъ дѣтей стоитъ дешевле содержанія ихъ отца; но при этомъ предполагается, что половина дѣтей умираетъ ранѣе наступленія зрѣлаго возраста. Такимъ образомъ по разсчету Адама Смита выходитъ, что рабочіе должны стараться воспитать по крайней мѣрѣ четверыхъ дѣтей, дабы хоть двое изъ нихъ могли достигнуть такого возраста. Предполагается, что необходимое содержаніе четырехъ дѣтей почти равняется содержанію одного взрослаго рабочаго. Но это не единственное соображеніе, которымъ можно руководствоваться при оцѣнкѣ нормальной величины заработной платы. Рабочій, зарабатывающій лишь самое необходимое для жизни, не можетъ потерять ни одного дня работы, не лишившись куска хлѣба на этотъ день. А между тѣмъ болѣзни и разныя неизбѣжныя обстоятельства отымаютъ у него много такихъ дней въ теченіе года, и потеря его въ этомъ случаѣ должна быть вознаграждена тѣмъ излишкомъ заработной платы, который онъ получаетъ за то время, когда работаетъ. Кромѣ того, расходы на содержаніе рабочаго бываютъ не одинаковы въ лѣтнее и зимнее время, такъ какъ зимою требуется ему и больше топлива и больше одежды. А слѣдовательно, для установленія нормальной величины заработной платы надо принимать въ соображеніе совокупное *потребленіе его въ теченіе цѣлаго года*. Впрочемъ, сколько бы ни старались какъ можно точнѣе опредѣлить эту величину, она всегда останется мѣрою измѣнчивою. Въ другомъ мѣстѣ было замѣчено, какъ сильно природа страны вліяетъ на объемъ потребностей рабочаго, а согласно съ этимъ и нормальная величина заработной платы бываетъ не одинакова не только въ двухъ различныхъ странахъ, но иногда и въ двухъ разныхъ мѣстностяхъ одной и той же страны. При холодномъ климатѣ возникаетъ много такихъ неизбѣжныхъ потребностей, которыя не извѣстны въ жаркомъ климатѣ, а въ этомъ послѣднемъ такія потребности, которыя неизвѣстны въ умѣренномъ климатѣ. Въ Россіи, напримѣръ, шубы, топливо, масло и свѣчи, употребляемыя въ долгія зимнія ночи, увеличиваютъ нормальную

отъ его постояннаго возрастанія. А потому самая высокая заработная плата бываетъ не въ странахъ самыхъ богатыхъ, а въ тѣхъ странахъ, которыя дѣлаютъ вообще наибольшіе успѣхи, или быстрѣе стремятся къ благосостоянію. Нѣтъ сомнѣнія, что въ настоящее время Англія гораздо богаче любой области Сѣверной Америки, а между тѣмъ заработная плата въ Сѣверной Америкѣ гораздо выше, чѣмъ въ какой бы то ни было области Англіи. Въ округѣ Нью-Іорка простой чернорабочій вырабатываетъ въ день 3 шиллинга и 6 денье, на мѣстную монету, стоющихъ 2 шиллинга стерлинга; судовой плотникъ—10 шиллинговъ и 6 денье стерлинга, на мѣстную монету, и пинту рома, стою-

---

заработную плату въ сравненіи съ Франціей и Италіей, гдѣ эти потребности не бываютъ такъ настоятельны. Въ жаркихъ областяхъ Мексики, для каждаго поденщика, чтобы только просуществовать ему съ семействомъ, необходимо въ годъ 72 піастра,—расходъ, который въ умѣренныхъ мѣстностяхъ той же страны бываетъ на 20 піастровъ меньше. Иногда живительный воздухъ, которымъ дышетъ народъ, возбуждаетъ аппетитъ и, слѣдовательно, увеличиваетъ расходъ на пропитаніе, тогда какъ при болѣе умѣренной температурѣ народъ бываетъ трезвѣе и воздержнѣе. Народы на сѣверѣ Европы ѣдятъ сравнительно больше, нежели на югѣ. Таковы общія основанія для опредѣленія необходимой заработной платы во всѣхъ промыслахъ, какъ бы они ни были различны. Отъ такой заработной платы, составляющей необходимую цѣну на самый обыкновенный и менѣе тяжелый трудъ, можно постепенно восходить къ заработной платѣ, составляющей вознагражденіе за трудъ наиболѣе благородный, наиболѣе тяжелый или наиболѣе не пріятный. Какъ не много найдется такихъ промысловъ, которые бы не представляли собою какихъ нибудь трудностей и неудобствъ, такъ не много и такихъ, въ которыхъ необходимая заработная плата была бы равна ея нормальной величинѣ; въ большей же части промысловъ, разныя трудности и неудобства самой работы поднимаютъ заработную плату выше ея нормальной величины.—**Шторхъ.**

щую 6 денье стерлинга, всего 6 шиллинговъ и 6 денье стерлинга; обыкновенный плотникъ и каменьщикъ—по 8 шиллинговъ, на ходячую монету страны, равныхъ 4 шиллингамъ и 6 денье стерлинга: портной—5 шиллинговъ, составляющихъ около 2 шиллинговъ и 10 денье стерлинга. Всѣ эти цѣны выше, чѣмъ въ Лондонѣ, а увѣряютъ еще, что и въ другихъ колоніяхъ заработная плата также велика, какъ и въ Нью-Іоркѣ *). При этомъ во всей Сѣверной Америкѣ съѣстные припасы гораздо дешевле, чѣмъ въ Англіи—тамъ не было ни одного голода. Въ самые не урожайные года сокращали только вывозъ хлѣба, но его оказывалось всегда достаточно для внутренняго потребленія. Такимъ образомъ, если въ Америкѣ цѣна на трудъ, въ деньгахъ, гораздо выше чѣмъ въ любой мѣстности метрополіи, то дѣйствительная цѣна его, то есть дѣйствительное количество предметовъ, получаемыхъ на нее рабочими для удовлетворенія ихъ потребностей, или для удобства жизни, бываетъ еще больше.

Если Сѣверная Америка еще не такъ богата, какъ Англія, за-то она гораздо сильнѣе развивается и съ несравненно большею быстротою стремится къ пріобрѣтенію новыхъ богатствъ. Самый явственный признакъ процвѣтанія всякой страны состоитъ въ увеличеніи числа ея жителей. Предполагаютъ обыкновенно, что въ Великобританіи и большей части другихъ странъ Европы, число жителей удвоивается только въ 500 лѣтъ: тогда какъ до-

---

*) Это было писано въ 1773 г., еще до начала послѣднихъ волненій.— **Прим. Адама Смита.**

знано, что въ англійскихъ колоніяхъ Сѣверной Америки оно удвоивалось въ 20 или 25 лѣтъ, и такое умноженіе происходитъ не столько отъ постоянно усиливающихся переселеній туда новыхъ жителей, сколько отъ быстраго размноженія мѣстнаго населенія. Говорятъ, что тамъ лица, достигающія преклоннаго возраста, часто насчитываютъ отъ 50 до 100, а иногда и болѣе, прямыхъ потомковъ. Съ другой стороны, трудъ вознаграждается такъ хорошо, что большое число дѣтей служитъ для родителей не бременемъ, а источникомъ богатства и благополучія. Считаютъ, что трудъ каждаго подростка. прежде чѣмъ оставитъ онъ родительскій домъ, приноситъ до 100 фунтовъ чистаго заработка въ годъ. За молодой вдовой, съ четырьмя или пятью дѣтьми, для которой было бы такъ трудно найти себѣ второго мужа въ среднихъ и низшихъ классахъ народа въ Европѣ, очень часто ухаживаютъ тамъ, какъ за выгодной партіей. Надежда имѣть дѣтей служитъ самымъ сильнымъ поощреніемъ къ вступленію въ бракъ, а потому и нечего удивляться, что въ Сѣверной Америкѣ вообще женятся очень рано. И все-таки тамъ, не смотря на большое увеличеніе населенія, какъ прямое слѣдствіе столькихъ браковъ, заключаемыхъ между очень молодыми людьми, постоянно жалуются на недостатокъ рабочихъ рукъ. Спросъ на рабочихъ и назначаемые на ихъ содержаніе запасы растутъ въ этой странѣ, кажется, слишкомъ быстро, чтобы всегда найти наготовѣ столько народа, сколько его нужно бываетъ для дѣла.

Если бы богатство какой нибудь страны было и очень велико, но въ продолженіи долгаго времени

не двигалось впередъ, то нельзя ожидать, чтобы заработная плата въ такой странѣ была особенно высока. Доходы и капиталы ея жителей, назначенные на выдачу платы за трудъ, могутъ быть очень велики, но если они, въ теченіе многихъ столѣтій, оставались все въ одномъ и томъ же, или почти въ одномъ и томъ же размѣрѣ, то число рабочихъ, ежегодно употребляемыхъ въ дѣло, можетъ легко удовлетворить и даже превысить спросъ на нихъ въ слѣдующемъ году. Тогда рѣдко почувствуется недостатокъ въ рабочихъ рукахъ и хозяевамъ не придется переманивать ихъ другъ отъ друга. На-оборотъ, число рукъ будетъ въ такомъ случаѣ увеличиваться больше, чѣмъ сколько ихъ нужно; постоянно будетъ чувствоваться недостатокъ занятій для рабочихъ и послѣдніе принуждены будутъ, для полученія занятій, сбивать цѣну одинъ передъ другимъ *).

*) Единственнымъ средствомъ противъ общаго недостатка работы представляется увеличеніе запасовъ, предназначенныхъ на содержаніе труда и никакая иная мѣра не въ состояніи улучшить положеніе рабочаго Закономъ предписывается употреблять рабочихъ на работы въ Workhouses (рабочихъ домахъ); но это средство не создаетъ никакого новаго фонда для содержанія рабочихъ, а только даетъ новое направленіе одной части уже существующаго капитала. Кромѣ того, если бы такихъ заведеній не было вовсе, то обработываемые въ нихъ матеріалы, подъ управленіемъ какого нибудь предусмотрительнаго мануфактуриста, содѣйствовали бы большему оживленію промышленности. Такая система не ведетъ къ тому, чтобы увеличить средства промышленности, а только служитъ къ перемѣщенію ихъ: она отнимаетъ ихъ у тѣхъ, кто имѣетъ не посредственный интересъ выгодно распорядиться ими, и передаетъ въ руки тѣхъ, которые по своей нерадивости могутъ размотать ихъ или совсѣмъ уничтожить. Это положеніе очень хорошо выяснено въ одномъ старинномъ трактатѣ Даніеля де Фое: „Подаяніе милостыни не есть благотворительность“, на который ссылаются Мальтусъ и Мортонъ

Если бы въ такой странѣ заработная плата была выше того размѣра, который считался бы доста-

---

Эденъ. Въ этомъ трактатѣ вѣрно замѣчено, что каждый мотокъ шерсти, спряденный въ рабочемъ домѣ, представляетъ собою ровно столько матеріала, сколько отнято его у какого нибудь бѣднаго семейства, занимающагося пряденіемъ, и что если въ Лондонѣ сработана лишняя штука шерстяной матеріи, то, значитъ, на такую же штуку меньше сработано ея въ Кольчестерѣ, или въ какомъ нибудь другомъ мѣстѣ.

Вотъ почему авторъ названнаго трактата прибавляетъ, „что употребленіе мѣстныхъ рабочихъ въ рабочихъ домахъ только переноситъ мануфактуру изъ Кольчестера въ Лондонъ и вырываетъ кусокъ хлѣба изо рта какого нибудь бѣдняка въ Эссексѣ, чтобы положить его въ ротъ бѣднаку въ Мидльсексѣ."

Очевидно, что подобныя системы общественной благотворительности не совмѣстимы съ существующимъ порядкомъ человѣческихъ обществъ. Бѣдствія, поражающія рабочій классъ, вызываются причинами, которыхъ никакое законодательство устранить не можетъ, а потому ни одинъ государственный человѣкъ, сознающій объемъ своей власти, не станетъ принимать искусственныхъ мѣръ къ доставленію рабочему работы, или къ установленію размѣра заработной платы. Тѣмъ не менѣе законодатели прошлихъ временъ, повидимому, смотрѣли на законъ какъ на дѣйствительное средство противъ всѣхъ золъ и, вмѣсто того, чтобы предоставить рабочимъ свободу пользоваться своимъ трудомъ и талантами по личному ихъ усмотрѣнію, они пытались вообще руководить ихъ судьбою посредствомъ произвольныхъ постановленій.

Первоначально въ Шотландіи въ пользу бѣдныхъ былъ закономъ установленъ особый сборъ; но духъ народа, считавшаго подневольную бѣдность за безчестіе, отвергъ эту систему, и теперь для помощи бѣднякамъ существуютъ только добровольныя подаянія.

Въ Англіи законы о бѣдныхъ не только не брошены, но получили, на-оборотъ, большое развитіе чемъ прежде. По 43-му постановленію Елизаветы, на которомъ основывается нынѣшняя система, мировые судьи обязаны были употреблять въ работу бѣдныхъ дѣтей или всѣхъ тѣхъ, кто, будучи въ силахъ работать, не имѣетъ работы. Имъ же было предоставлено право установлять помочи, какія они признали бы необходимыми для помощи бѣднымъ, и самимъ рѣшать,

точнымъ для того, чтобы рабочіе могли существовать и воспитывать своихъ дѣтей, то конкурренція такихъ рабочихъ и выгоды хозяевъ скоро сбили бы заработную плату до наименьшаго размѣра, какой могло бы допустить простое человѣколюбіе. Китай, въ продолженіи долгаго времени, былъ одною изъ самыхъ богатыхъ, то есть одною изъ самыхъ плодородныхъ, самыхъ обработанныхъ, самыхъ промышленныхъ и самыхъ населенныхъ странъ въ свѣтѣ; но съ очень давнихъ поръ онъ находится, кажется, въ не подвижномъ состояніи. Марко Поло, наблюдавшій эту страну болѣе 500 лѣтъ тому назадъ, описываетъ ея земледѣліе, промышленность и населеніе почти тѣми же словами, какъ и путешественники, изучающіе ее теперь. Можетъ статься, что китайская имперія, еще задолго до этого путешественника, достигла полнаго благосостоянія, какого она только могла достигнуть по своимъ законамъ и учрежденіямъ. Всѣ описанія путешественниковъ разногласятъ между собою во многихъ отношеніяхъ, но всѣ они сходятся въ томъ, что тамъ заработная плата очень низка и что поэтому рабочему очень трудно содержать свое семейство: онъ

кто изъ нихъ имѣлъ право пользоваться благотворительностью. По мнѣнію сэра Эдена, этотъ законъ королевы Елизаветы совсѣмъ не касался всего тогдашняго рабочаго класса, а имѣлъ въ виду помочь только тѣмъ, кто не имѣлъ никакой работы, или былъ совсѣмъ не способенъ трудиться. Однако потомъ эта помощь была распространена на всѣ рабочіе классы, при чемъ размѣръ ея былъ сообразованъ съ высокими цѣнами жизненныхъ припасовъ. Но очевидно, что помогать рабочимъ въ случаѣ паденія заработной платы или вздорожанія средствъ пропитанія, въ дѣйствительности—тоже самое, что искусственно поднимать первую, или устачовлять высшую цѣну послѣднихъ.—**Бухананъ.**

бываетъ очень доволенъ, если за цѣлый день тяжелой работы надъ землею получитъ столько, что къ вечеру можетъ купить маленькую порцію риса. Положеніе ремесленниковъ бываетъ тамъ еще хуже, если только это возможно. Вмѣсто того, чтобы спокойно ожидать дома, когда позовутъ ихъ на работы, какъ это бываетъ въ Европѣ, они постоянно шныряютъ по улицамъ съ своими инструментами, навязываясь своими услугами и, такъ сказать, нищенски вымаливая себѣ работу. Нищета низшихъ классовъ населенія въ Китаѣ далеко превосходитъ нищету самыхъ несчастныхъ народовъ Европы. Въ окрестностяхъ Кантона многія сотни и, какъ говорятъ, даже цѣлыя тысячи семействъ не имѣютъ жилищъ на поверхности земли и живутъ обыкновенно въ маленькихъ рыбачьихъ лодкахъ, по каналамъ и рѣкамъ. Прокормленіе, которое они могутъ доставлять себѣ, такъ недостаточно, что они съ жадностью таскаютъ изъ воды самые отвратительные отбросы, выкидываемые въ море съ европейскихъ кораблей. Всякая падаль, дохлая кошка или собака, вонючая и на половину сгнившая, составляетъ для нихъ такую же лакомую пищу, какъ свѣжее мясо для жителей другихъ странъ. Браки поощряются въ Китаѣ не выгодами, получаемыми отъ труда дѣтей, но дозволеніемъ истреблять ихъ. Во всѣхъ большихъ городахъ не проходитъ почти, чтобы на улицѣ не оказалось убитыхъ дѣтей, или утопленныхъ въ рѣкѣ, какъ топятъ маленькихъ щенятъ. Разсказываютъ даже, что тамъ есть особаго рода люди, которые открыто занимаются этимъ отвратительнымъ дѣломъ и живутъ имъ какъ промысломъ.

Однако не замѣтно, чтобы Китай, можетъ быть, и оставался все въ одномъ и томъ же положеніи, двигался назадъ. Ни одинъ изъ городовъ его не обезлюдѣлъ, нигдѣ не заброшены земли, однажды обработанныя. А слѣдовательно, надо думать, что количество труда ежегодно остается все тоже, или почти тоже, а, стало быть, и средства, назначенныя на содержаніе рабочихъ, замѣтно не уменьшаются. Значитъ, самые низшіе классы рабочихъ, не смотря на всѣ тягости, которыя имъ приходится переживать, находятъ же́ тѣмъ или другимъ способомъ достаточныя средства по крайней мѣрѣ для того, чтобы сохраниться въ одномъ и томъ же числѣ.

Совсѣмъ не то было бы въ странѣ, гдѣ замѣтно уменьшались бы средства, назначенныя для содержанія труда. Въ такой странѣ спросъ на прислугу и рабочихъ, въ разныхъ отрасляхъ труда, ежегодно становился бы все меньше, сравнительно съ каждымъ предыдущимъ годомъ. Большое число рабочихъ, обученныхъ какимъ нибудь болѣе сложнымъ работамъ, за неимѣніемъ ихъ, по-неволѣ обратились бы къ занятіямъ низшаго разбора. А такъ какъ эти послѣднія отрасли труда были бы переполнены не только собственными рабочими, но еще и тѣми, которые обратились бы къ нимъ изъ другихъ отраслей, то, естественно, возникла бы между ними такая большая конкурренція, что заработная плата упала бы до такой дешевизны, при которой рабочіе влачили бы самое несчастное существованіе*). Многіе

*) Главное зло въ положеніи рабочихъ, это—*нищета*, порождаемая недостаткомъ пропитанія или труда, а потому во всѣхъ странахъ установлялись бесчисленные законы противъ этого зла. Но въ общественномъ строѣ бываютъ такія бѣдствія, съ которыми не мо-

изъ нихъ не могли бы найти себѣ работы, даже и при такихъ тяжкихъ условіяхъ; они принуждены были бы умереть съ голоду, или искать себѣ пропитанія въ нищенствѣ, а то, пожалуй, и въ преступленіи. Скоро нищета, голодъ и смертность опустошили бы рабочій классъ, а отъ него перешли бы и на другіе классы, пока количество населенія не достигло бы опять такого размѣра, при которомъ оно могло бы какъ нибудь существовать на доходы и капиталы, оставшіеся отъ расхищенія и всеобщаго бѣдствія. Таково, можетъ быть, теперь по-

---

жетъ бороться никакой законъ, и вотъ почему бываетъ полезно знать предѣлъ его вліянія, дабы въ погонѣ за тѣмъ, что находится внѣ нашей власти, не упустить и того добра, которое дѣйствительно можно было бы сдѣлать.

Вслѣдствіе размноженія населенія, не сопровождающагося увеличеніемъ средствъ пропитанія, наличное количество ихъ должно быть распредѣлено между большимъ числомъ потребителей, изъ которыхъ на каждаго придется меньшая порція. Тоже самое произойдетъ и отъ уменьшенія средствъ пропитанія, если при этомъ пропорціонально не уменьшится самое населеніе. Обыкновенно законъ вторгается въ эти отношенія или тѣмъ, что установляетъ величину заработной платы, или тѣмъ, что принуждаетъ богатыхъ платиться въ пользу бѣдныхъ. Но вѣдь зло кроется въ недостаткѣ средствъ пропитанія и нѣтъ другого лѣкарства противъ него кромѣ умноженія этихъ средствъ. Всякіе законы и пособія деньгами одинаково безсильны помочь горю, потому что тутъ нужны не деньги, а пропитаніе. Если бы заработная плата каждаго рабочаго и была удвоена или утроена, нужда все-таки продолжала бы существовать, потому что во время общаго голода ни одинъ классъ не могъ бы получить облегченія безъ ущерба другому. Кромѣ того, такъ какъ всякое общество состоитъ по преимуществу изъ рабочихъ, которыхъ замѣнить другими людьми нельзя, то исправить нарушенное снабженіе ихъ средствами пропитанья и возстановить его въ томъ видѣ, въ какомъ оно существовало въ обыкновенное время, возможно только путемъ общихъ лишеній.— **Бухананъ.**

ложеніе Бенгала и нѣкоторыхъ другихъ англійскихъ поселеній въ Остъ-Индіи. Если въ какой нибудь плодородной странѣ, гдѣ населеніе до чрезвычайности уменьшилось и гдѣ поэтому добываніе средствъ пропитанія не должно быть особенно трудно, но гдѣ все-таки, не взирая на все это, въ теченіе одного года умираетъ съ голоду отъ трехъ до четырехъ сотъ тысячъ человѣкъ, то нѣтъ сомнѣнія, что въ такой странѣ запасы, назначенные на содержаніе бѣдняковъ рабочихъ сократятся очень быстро. Разница въ положеніи Сѣверной Америки и Остъ-Индіи представляетъ собою фактъ, на которомъ, можетъ быть, яснѣе всего видно различіе между британскою конституціей, подъ покровительствомъ и управленіемъ которой живетъ первая, и меркантильнымъ духомъ торговой компаніи, которая властвуетъ надъ второй и угнетаетъ ее.

Такимъ образомъ если заработная плата щедро вознаграждаетъ за трудъ, то это есть въ одно и тоже время необходимое слѣдствіе и естественный признакъ возрастанія народнаго богатства. Если заработная плата доставляетъ бѣдному рабочему средство лишь къ весьма скудному существованію, то это—прочное указаніе на не подвижное состояніе страны. Если же, наконецъ, она не даетъ ему даже средствъ къ существованію и грозитъ голодною смертью, то это значитъ, что богатства въ странѣ быстро идутъ къ истощенію.

Всѣ породы животныхъ размножаются въ зависимости отъ имѣющихся для нихъ на-лицо средствъ пропитанія, и нѣтъ такой породы, которая бы размножалась выше этихъ средствъ. Въ развитыхъ же обществахъ недостатокъ средствъ существованія

можетъ положить предѣлъ размноженію людей только среди самыхъ низшихъ классовъ народа, и такое явленіе возможно лишь при одномъ условіи—истребленія большой части дѣтей, рождающихся отъ плодовитыхъ браковъ въ этихъ самыхъ классахъ.

Щедрое вознагражденіе за трудъ, составляющее само по себѣ результатъ увеличенія народнаго богатства, становится, въ свою очередь, также причиною умноженія народонаселенія. Жаловаться на щедрость этого вознагражденія значитъ жаловаться на то, что составляетъ въ одно и тоже время слѣдствіе и причину наибольшаго общественнаго благосостоянія.

Здѣсь не безполезно, можетъ быть, замѣтить, что положеніе бѣднаго рабочаго и наибольшей массы народа становится дѣйствительно болѣе счастливымъ и благопріятнымъ при прогрессивномъ развитіи общества и притомъ когда оно послѣдовательно стремится достигнуть все бо́льшаго благосостоянія, а не тогда, когда оно дожило до полноты богатства, на которую только способно. Но положеніе рабочихъ бываетъ тяжко при не подвижномъ состояніи общества и несчастно, когда оно идетъ къ упадку. Прогрессирующее состояніе общества свидѣтельствуетъ о силѣ и полномъ здоровьѣ всѣхъ его классовъ; неподвижность общества есть состояніе отупѣнія и праздности, а движеніе назадъ есть состояніе безсилія и болѣзненности.

Какъ щедрое вознагражденіе за трудъ поощряетъ народъ къ размноженію, точно также оно усиливаетъ трудолюбіе низшихъ классовъ. Хорошая заработная плата служитъ поощреніемъ трудолюбія,

а трудолюбіе, какъ и всякое свойство человѣка, совершенствуется соотвѣтственно поощренію, какое оно получаетъ. Обильныя средства существованія увеличиваютъ физическія силы рабочаго, а сладкая надежда улучшить свое положеніе и окончить свои дни, можетъ быть, въ мирѣ и довольствѣ, побуждаетъ рабочаго къ тому, чтобы извлечь изъ своихъ силъ все, что только можно извлечь изъ нихъ. Вотъ почему болѣе дѣятельные, прилежные и смышленные рабочіе, встрѣчаются всегда тамъ, гдѣ заработанная плата высока, а не тамъ, гдѣ она низка.

VIII.

О заработной платѣ и прибыляхъ при различныхъ употребленіяхъ труда и капитала.

Какъ бы ни были различны помѣщенія труда и капитала въ какой нибудь мѣстности, но въ каждомъ изъ нихъ непремѣнно кроется равновѣсіе между выгодами и невыгодами, которое устанавливаетъ или постоянно стремится установить полное равенство между всѣми этими помѣщеніями. Такъ, если бы въ какой нибудь области одно помѣщеніе было безусловно или хотя бы отчасти выгоднѣе, чѣмъ всѣ остальныя, то въ одномъ случаѣ къ нему нахлынуло бы, а въ другомъ случаѣ отъ него отхлынуло бы столько предпринимателей, что выгоды этого помѣщенія быстро пришли бы въ равновѣсіе съ выгодами всѣхъ другихъ помѣщеній. По крайней мѣрѣ такъ было бы въ обществѣ, гдѣ господствовалъ бы естественный порядокъ вещей, гдѣ всѣ пользовались бы полною свободою дѣйствій и гдѣ каждый могъ бы выбирать себѣ занятіе, которое ему больше по вкусу, и перемѣнять его на другое такъ часто, какъ ему вздумалось бы. Личная выгода побуждала бы каждаго искать себѣ выгодныхъ занятій и отказываться отъ тѣхъ, которыя онъ считалъ бы для себя не выгодными.

Въ дѣйствительности заработная плата и денежная прибыль бываютъ во всѣхъ государствахъ Европы чрезвычайно различны, смотря по различнымъ помѣщеніямъ труда и капитала. Но это различіе зависитъ отчасти и отъ нѣкоторыхъ сторонннхъ обстоятельствъ, связанныхъ съ этими помѣщеніями, которыя въ дѣйствительности, или только въ воображеніи людей, восполняютъ недостаточность денежной выгоды въ однихъ и уравновѣшиваютъ слишкомъ большое вознагражденіе въ другихъ. Иногда же это различіе заработной платы и прибылей съ капиталовъ происходитъ прямо отъ вмѣшательства правительствъ, которыя нигдѣ въ Европѣ не допускаютъ вполнѣ свободнаго движенія жизни.

Чтобы разсмотрѣть ближе вліяніе этихъ обстоятельствъ и вмѣшательства правительствъ, я раздѣлю эту главу на два отдѣла.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Неравенство, проистекающее изъ самаго свойства занятій.

Сколько я могъ замѣтить, главныя обстоятельства, восполняющія недостатокъ денежной выгоды въ однихъ промыслахъ и уравновѣшивающія слишкомъ большое вознагражденіе въ другихъ, бываютъ пяти родовъ: 1) удовольствіе или неудовольствіе, доставляемое самыми занятіями: 2) легкость и доступность обученія имъ, или трудность и величина расходовъ для этого необходимыхъ; 3) большая или меньшая продолжительность занятія промысломъ, или перерывы, которыхъ онъ требуетъ: 4) большее или меньшее довѣріе, требуемое отъ лица, занима-

ющагося промысломъ; 5) вѣроятность или невѣроятность достиженія цѣли.

Во-первыхъ, заработная плата измѣняется, смотря потому, легко или трудно, опрятно или неопрятно, почетно или презрѣнно самое занятіе.

Такъ, почти вездѣ въ среднемъ годовомъ выводѣ рабочій портной получаетъ меньше, нежели ткачъ, ибо работа его легче; ткачъ получаетъ меньше, чѣмъ кузнецъ, хотя работа перваго не всегда легче, но за-то она гораздо опрятнѣе. Кузнецъ, хотя онъ и ремесленникъ, рѣдко зарабатываетъ за 12-ти часовой трудъ столько, сколько зарабатываетъ въ теченіе 8 часовъ, рудокопъ въ шахтахъ, не смотря на то, что онъ простой поденщикъ. Работа кузнеца все-таки не такъ не опрятна; но она менѣе опасна и не производится подъ землею, далеко отъ дневного свѣта. Уваженіе, которымъ пользуются болѣе почетныя занятія, имѣетъ большое вліяніе на высоту заработной платы. Что же касается до денежнаго вознагражденія, то эти занятія, при всѣхъ другихъ равныхъ условіяхъ, оплачиваются, какъ я сейчасъ объясню, слишкомъ мало, тогда какъ неуваженіе оказываемое нѣкоторымъ занятіямъ, вызываетъ противоположное дѣйствіе. Работа мясника-бойца представляетъ собою что-то жестокое, отталкивающее, а между тѣмъ во многихъ мѣстахъ это—самый прибыльный почти изъ всѣхъ обыкновенныхъ промысловъ. Самое отвратительное изъ всѣхъ занятій—промыселъ палача, а по отношенію къ количеству употребляемаго имъ труда, онъ оплачивается лучше, чѣмъ какое бы то ни было занятіе.

Охота и рыбная ловля, когда-то самые важные

промыслы человѣка въ первобытномъ состояніи общества, становятся пріятнѣйшими занятіями при господствѣ цивилизаціи: человѣкъ отдается теперь съ особымъ удовольствіемъ тому, что прежде дѣлалъ вслѣдствіе горькой необходимости. Итакъ, въ цивилизованномъ обществѣ только самые бѣдные люди занимаются, какъ промысломъ, тѣмъ, что для другихъ служитъ пріятнымъ препровожденіемъ времени. Таково стало положеніе рыбаковъ со времени Ѳеокрита *). Въ Великобританіи браконьеръ, который безъ разрѣшенія охотится въ чужихъ лѣсахъ, всегда очень бѣденъ. Въ странѣ, гдѣ строгость закона преслѣдуетъ такую охоту, положеніе человѣка, занимающагося ею съ надлежащаго разрѣшенія, какъ промысломъ, не бываетъ лучше. Естественная склонность къ такому занятію привлекаетъ къ нему гораздо больше охотниковъ, чѣмъ сколько могутъ прожить имъ въ нѣкоторомъ довольствѣ, а добыча такой охоты, сравнительно съ количествомъ ея, продается всегда слишкомъ дешево для того, чтобы промышленникъ могъ выйти изъ самаго горемычнаго состоянія.

Общественное отвращеніе и брезгливость производятъ точно такое же вліяніе и на прибыль съ капитала. Промыселъ трактирщика или содержателя харчевни и кабатчика, не имѣющаго никогда покоя и по-неволѣ выслушивающаго грубости отъ перваго пьянчуги, не можетъ считаться занятіемъ ни очень пріятнымъ, ни почетнымъ, а между тѣмъ не много найдется такихъ обыкновенныхъ занятій,

---

*) См. его 21 ю идиллію.

въ которыхъ ничтожный капиталъ давалъ бы такіе большіе барыши.

Во-вторыхъ, заработная плата измѣняется, смотря по легкости и дешевизнѣ *обученія* и по трудности и величинѣ расходовъ, требуемыхъ для изученія промысла или ремесла.

Когда заводится какая нибудь дорогая машина, то обыкновенно надѣются, что чрезвычайное количество работы, какое она исполнитъ, прежде чѣмъ сдѣлается не годной къ употребленію, возмѣститъ капиталъ, употребленный на ея постановку, съ обычными, конечно, процентами на него. Съ такою именно дорогою машиною можно сравнить человѣка, употребившаго много времени и труда, чтобы приладиться къ занятію, требующему чрезвычайной ловкости и опытности. Онъ надѣется, что занятіе, къ которому онъ готовится, дастъ ему, сверхъ заработной платы за простой трудъ, еще такое вознагражденіе, которымъ онъ возмѣститъ всѣ свои расходы по обученію, а сверхъ того получитъ еще обычную по крайней мѣрѣ прибыль на капиталъ такой же цѣнности. При этомъ необходимо еще, чтобы это вознагражденіе было получено въ скорѣйшій срокъ, соотвѣтствующій весьма не опредѣленной продолжительности человѣческой жизни, точно также, какъ это разсчитывается при болѣе опредѣленномъ срокѣ служенія машины.

На этомъ-то принципѣ основывается различіе заработной платы за трудъ обыкновенный и за трудъ, требующій большой ловкости и сноровки.

Въ Европѣ сложилось убѣжденіе, что трудъ фабричныхъ рабочихъ и мастеровъ требуетъ болѣе ловкости, нежели трудъ деревенскихъ рабочихъ.

При этомъ предполагаютъ, кажется, что работа первыхъ по самому свойству своему тоньше и сложнѣе, чѣмъ работа послѣднихъ. Можетъ быть, въ нѣкоторыхъ случаяхъ это и справедливо, но чаще всего, какъ я постараюсь сейчасъ объяснить, бываетъ иначе.

Такъ, по законамъ и обычаямъ Европы требуется, чтобы всякій, кто желалъ бы посвятить себя первому изъ этихъ двухъ разрядовъ труда, прошелъ искусъ обученія и притомъ при условіяхъ болѣе или менѣе стѣснительныхъ по различнымъ странамъ *); другой же родъ труда, въ деревнѣ, свободно открытъ для всѣхъ и каждаго безъ ограниченія. Пока идетъ обученіе мастерству, трудъ учащагося принадлежитъ его хозяину; часто бываетъ, что въ теченіе того же срока отецъ или мать, или кто нибудь изъ родныхъ ученика платятъ за его прокормленіе, и почти всегда требуется, чтобы они по крайней мѣрѣ одѣвали его. Бываетъ также, что хозяину еще платятъ деньги, чтобы онъ обучилъ мальчика своему ремеслу. Съ другой стороны, ученики, которые не въ состояніи платить деньги, отдаютъ хозяину свое время или же заподряжаются у него на гораздо большее число лѣтъ, чѣмъ сколько нужно для обученія,—условіе, всегда тягостное для ученика, но въ тоже время, вслѣдствіе обычной лѣности его, не всегда выгодное для хозяина. Въ деревняхъ, напротивъ, рабочій приготовляетъ себя къ самымъ труднымъ сельскимъ работамъ лишь постепенно, занимаясь исподволь сначала наиболѣе легкими изъ нихъ, при чемъ трудъ его, какъ бы ни

*) Такихъ стѣснительныхъ законовъ теперь не существуетъ.

были различны степени его, всегда доставляетъ ему достаточныя средства существованія. Вотъ почему въ Европѣ заработная плата ремесленниковъ, мастеровыхъ и фабричныхъ рабочихъ бываетъ нѣсколько выше, чѣмъ простыхъ рабочихъ; она бываетъ выше еще и потому, что ремесленники, мастеровые причисляются почти вездѣ къ классу нѣсколько болѣе высокому. Впрочемъ, это преимущество ихъ заработной платы все-таки очень не значительно: средній заработокъ поденнаго рабочаго на самыхъ обыкновенныхъ фабрикахъ, какъ, напримѣръ, на суконныхъ или полотняныхъ, въ большей части случаевъ, пожалуй, и не выше ежедневнаго заработка простого поденщика. Правда, ремесленникъ, мастеровой бываетъ занятъ постояннѣе одною и тою же работой и потому заработокъ его, въ совокупности цѣлаго года, окажется нѣсколько выше. Но этотъ излишекъ заработной платы не превышаетъ все-таки того, что могло бы вознаградить за гораздо бо̀льшіе расходы по обученію *).

Обученіе бываетъ гораздо продолжительнѣе и дороже въ искусствахъ, требующихъ большой ловкости, а также въ такъ-называемыхъ свободныхъ профессіяхъ. Денежное вознагражденіе живописцевъ, скульпторовъ, юристовъ и врачей должно быть еще гораздо выше; да оно такъ и бываетъ на самомъ дѣлѣ.

Въ-третьихъ, заработная плата измѣняется по разнымъ занятіямъ, смотря по тому, на сколько постоянна и *непрерывна* работа.

---

*) Все это могло имѣть мѣсто только въ Англіи въ то время, когда жилъ Ад. Смитъ.

Въ однихъ промыслахъ работа бываетъ болѣе постоянна, чѣмъ въ другихъ. Въ большей части мануфактуръ поденщикъ почти увѣренъ, что будетъ занятъ каждый день въ теченіе цѣлаго года, если только онъ самъ будетъ въ силахъ работать. На-оборотъ, каменьщикъ или кирпичникъ не можетъ работать въ сильный морозъ или въ очень дурную погоду, да и во всякое другое время онъ можетъ разсчитывать на работу лишь на столько, на сколько подрядчикъ будетъ нуждаться въ немъ, а слѣдовательно онъ можетъ по-неволѣ остаться иногда и безъ работы. Вотъ почему необходимо, чтобы за время, когда онъ бываетъ занятъ, заработка его не только доставало на его содержаніе во все время, когда приходится ему сидѣть безъ всякой работы, но и на то, чтобы еще вознаградить его за тѣ заботы и безпокойства, которыя вызываются неустойчивостью его положенія. Отсюда понятно, почему тамъ, гдѣ заработокъ большей части фабричныхъ рабочихъ бываетъ почти одинаковъ съ дневнымъ заработкомъ простыхъ черноработочихъ, каменьщики получаютъ вообще въ полтора или вдвое больше ихъ. Когда простые черноработніе вырабатываютъ по 4 и по 5 шиллинговъ въ недѣлю, каменьщикъ вырабатываетъ часто по 7 и по 8 шиллинговъ; когда первые вырабатываютъ 6, то послѣдніе часто 9 и 10, а когда тѣ получаютъ по 9 и 10, какъ, напримѣръ, въ Лондонѣ, то эти—по 15 и 18 шиллинговъ. А между тѣмъ нѣтъ, кажется, другого мастерства, которому легче было бы выучиться, какъ мастерство каменьщика. Говорятъ, что въ Лондонѣ, въ лѣтнюю пору, вмѣсто кирпичниковъ пускаютъ иногда въ дѣло про-

стыхъ носильщиковъ. Стало быть, высокая заработная плата этихъ рабочихъ представляетъ собою вознагражденіе не столько за ихъ искусство и ловкость, сколько за перерывы въ занятіи ихъ промысломъ.

Мастерство плотника требуетъ повидимому болѣе умѣнья и ловкости, нежели мастерство каменьщика. А между тѣмъ во многихъ мѣстахъ (конечно, не вездѣ одинаково) поденная плата плотника бываетъ нѣсколько ниже. Хотя работа его и зависитъ много отъ случайнаго запроса на нее подрядчиковъ или заказщиковъ, однако не на столько, какъ работа каменьщика, а главное—она не прерывается такъ часто дурною погодой.

Если бываетъ, что гдѣ нибудь рабочій не занятъ постоянно однимъ и тѣмъ же мастерствомъ, какъ въ другихъ мѣстахъ, то заработная плата его повышается гораздо выше обыкновенной платы за простой грубый трудъ. Въ Лондонѣ почти всѣ мастеровые то и дѣло должны прерывать свою работу и обыкновенно разсчитываются хозяевами поденно или по-недѣльно точно также, какъ простые поденщики во всѣхъ другихъ мѣстахъ. Поэтому самый низшій классъ мастеровыхъ, портные, вырабатываютъ тамъ по полукронѣ (около 3 хъ франковъ) въ день, тогда какъ обыкновенною платою за самый простой трудъ можетъ считаться только 18 деньe (1 франкъ 80 сант.). Напротивъ, въ маленькихъ городахъ и деревняхъ заработокъ такихъ портныхъ часто едва достигаетъ заработка простыхъ чернорабочихъ. Происходитъ же это оттого, что въ Лондонѣ они часто по нѣскольку недѣль сидятъ безъ работы, въ особенности въ лѣтнее время.

Когда при непостоянствѣ какого нибудь занятія самая работа бываетъ еще и тяжела, не пріятна и не чистоплотна, то плата за самый грубый трудъ подымается иногда гораздо выше, чѣмъ плата за работу очень тонкую. Рудокопъ, работающій поштучно, вырабатываетъ обыкновенно въ Ньюкестлѣ почти вдвое, а въ очень многихъ мѣстахъ Шотландіи почти втрое больше, чѣмъ простой чернорабочій. Этотъ высокій размѣръ зависитъ вполнѣ отъ тягости, непріятности и нечистоплотности работы. Въ большей части случаевъ этотъ рабочій можетъ всегда имѣть работу, сколько захочетъ. Трудъ рабочихъ, сваливающихъ уголь въ Лондонѣ, почти также утомителенъ, не пріятенъ, и не опрятенъ, за-то занятіе большинства этихъ рабочихъ по необходимости бываетъ очень непостоянно, вслѣдствіе не правильнаго прихода судовъ съ углемъ.

Если поэтому рудокопъ вырабатываетъ обыкновенно вдвое и втрое больше простого чернорабочаго, то не должно казаться не правильнымъ, что рабочій, сваливающій уголь, получаетъ вчетверо и впятеро больше его. По изслѣдованіямъ, которыя нѣсколько лѣтъ тому назадъ были сдѣланы о положеніи этихъ рабочихъ, оказалось, что по тогдашнимъ цѣнамъ они могли заработать отъ 6 до 10 шиллинговъ въ день; эти 6 шиллинговъ составляютъ почти вчетверо больше, чѣмъ сколько платятъ въ Лондонѣ за простой грубый трудъ, а извѣстно, что въ каждомъ отдѣльномъ промыслѣ наибольшая часть рабочихъ довольствуется всегда самою низкою заработною платою. Какъ бы ни казались велики эти заработки, но если бы они были больше того, чѣмъ сколько нужно для вознагражденія ра-

бочаго за всѣ непріятности, сопровождающія его работу, то скоро набросились бы на этотъ промыселъ, не обставленный никакими исключительными привилегіями, столько охотниковъ, что заработокъ быстро упалъ бы до самаго низкаго размѣра.

Въ-четвертыхъ, заработная плата можетъ измѣняться, смотря по большему или меньшему довѣрію, которымъ пользуется рабочій.

Золотыхъ дѣлъ мастера и ювелиры, вслѣдствіе того, что довѣряются имъ драгоцѣнные матеріалы, получаютъ вездѣ заработную плату выше многихъ другихъ рабочихъ, хотя трудъ послѣднихъ и требуетъ такого же, а, можетъ быть, еще и бо̀льшаго искусства.

Мы ввѣряемъ врачу наше здоровье, адвокату и прокурору наше благосостояніе, а иногда нашу жизнь и доброе имя: такіе драгоцѣнные предметы не могутъ же быть ввѣрены людямъ бѣднымъ и не пользующимся уваженіемъ. Необходимо, стало быть, чтобы получаемое ими вознагражденіе могло дать имъ возможность занять въ обществѣ мѣсто, отвѣчающее столь важному довѣрію. Если же присоединить къ этому продолжительное время и большіе расходы, употребленные на ихъ воспитаніе, то станетъ ясно, что вознагражденіе за трудъ такихъ людей подымется гораздо выше.

Когда человѣкъ употребляетъ, на какое нибудь предпріятіе только собственные капиталы, то тутъ не можетъ быть рѣчи ни о чьемъ довѣріи, и кредитъ, который онъ можетъ пріобрѣсть въ публикѣ, будетъ зависѣть не отъ свойства его предпріятія, а отъ мнѣнія, которое составилось бы въ обществѣ о его состояніи, честности и благоразуміи. Поэтому

разная величина прибыли въ разныхъ отрасляхъ промышленности не можетъ зависѣть отъ разныхъ степеней довѣрія, оказываемаго тому, кто занимается ею.

Въ-пятыхъ, заработная плата въ разныхъ занятіяхъ измѣняется смотря по вѣроятности успѣха ихъ.

Болѣе или менѣе вѣроятно, что въ разныхъ занятіяхъ ученикъ пріобрѣтетъ ловкость, необходмую для исполненія того, на что онъ предназначается. Въ большей части промысла, успѣхъ бываетъ почти несомнѣненъ; но онъ далеко не обезпеченъ въ свободныхъ профессіяхъ. Отдайте вашего сына въ ученье къ сапожнику и вы можете быть вполнѣ увѣрены, что онъ выучится сшить пару сапогъ. Но пошлите его въ какую нибудь юридическую школу,—можно держать пари одинъ противъ двадцати, что онъ не сдѣлаетъ такихъ успѣховъ, чтобы потомъ могъ жить этой профессіей. Кто въ лотереѣ съ равнымъ числомъ выигрышей и проигрышей вынимаетъ выигрышные билеты, долженъ выиграть все, что теряетъ другой, вынувшій пустые билеты. Въ предпріятіи, гдѣ двадцать человѣкъ проигрываютъ, а выигрываетъ только одинъ, этотъ одинъ долженъ выиграть все, что могло бы быть выиграно двадцатью проигравшими. Адвокатъ, начинающій, можетъ быть, только въ сорокъ лѣтъ извлекать выгоду изъ своей профессіи, долженъ получить вознагражденіе не только за свое продолжительное и дорого стоившее образованіе, но и за образованіе болѣе чѣмъ двадцати своихъ товарищей, которымъ оно, вѣроятно, никогда не принесетъ никакой выгоды. Какъ ни огромно кажется намъ

иногда вознагражденіе адвокатовъ, а въ дѣйствительности оно никогда не совпадаетъ съ достигнутыми ими результатами. Подсчитайте вѣроятную сумму ежегоднаго заработка всѣхъ рабочихъ какого нибудь обыкновеннаго мастерства въ данномъ мѣстѣ, какъ, напримѣръ, сапожниковъ или ткачей, а также вѣроятную сумму ихъ ежегодныхъ расходовъ, и вы найдете, что въ общемъ первая изъ этихъ суммъ превзойдетъ вторую. Но сдѣлайте такой же разсчетъ для адвокатовъ и студентовъ-юристовъ въ разныхъ юридическихъ школахъ, и вы найдете, что сумма ихъ ежегоднаго заработка будетъ меньше ихъ ежегодныхъ расходовъ, если даже вы оцѣните первую слишкомъ высоко, а вторую слишкомъ низко. Слѣдовательно, лотерея права далеко не справедлива, и юридическая профессія, какъ и большая часть свободныхъ профессій, въ смыслѣ денежнаго заработка, очевидно, вознаграждается очень дурно.

А между тѣмъ эти профессіи находятъ себѣ столько же охотниковъ, какъ и другія, и, не смотря на причины, могущія охладить ихъ рвеніе, множество высоко талантливыхъ и благородныхъ людей спѣшатъ вступить на эти поприща. Двумя различными причинами можно объяснить себѣ это движеніе: первая, это—желаніе пріобрѣсть извѣстность, составляющую удѣлъ тѣхъ, кто отличается на этомъ поприщѣ; вторая, это—врожденная всякому человѣку въ большей или меньшей степени вѣра не только въ свои таланты, но и въ свою путеводную звѣзду.

Блистать на поприщѣ, гдѣ лишь весьма не многіе достигаютъ только посредственности, есть самый

рѣшительный признакъ того, что называется *геніемъ* или *высшею способностью*. Общіе восторги, окружающіе такіе рѣдкіе таланты, всегда составляютъ часть ихъ вознагражденія, бо́льшую или меньшую, смотря по силѣ возбуждаемыхъ восторговъ. Они составляютъ значительную часть вознагражденія для врача, можетъ быть еще бо́льшую часть—для адвоката, и почти единственное вознагражденіе тѣхъ, кто посвящаетъ себя поэзіи и философіи.

Есть очень блестящіе и очень пріятные таланты, которые вызываютъ своего рода удивленіе къ тому, кто обладаетъ ими; но зарабатывать этими талантами деньги признается, справедливо или только вслѣдствіе предразсудка, чѣмъ-то нарушающимъ общественную нравственность. Слѣдовательно, денежная плата тѣхъ, кто обладаетъ этими дарованіями, должна быть достаточна для того, чтобы вознаградить не только за время, труды и расходы по обработкѣ такихъ талантовъ, но еще и за общественное порицаніе, поражающее тѣхъ, кто обратилъ ихъ въ средства для своего существованія. Непомѣрныя вознагражденія, получаемыя актерами, пѣвцами, танцовщиками и пр. объясняются такими двумя причинами: 1) рѣдкостью и красотою талантовъ; 2) общественнымъ неодобреніемъ корыстному употребленію, которое изъ нихъ дѣлается. Съ перваго взгляда кажется нелѣпымъ—презирать людей, дѣлающихъ изъ своихъ талантовъ такое употребленіе, и въ тоже время вознаграждать ихъ за это съ чрезмѣрною щедростью. Однако же мы дѣлаемъ первое, а потому принуждены дѣлать и второе. Если бы общественное мнѣніе или предразсудокъ когда нибудъ измѣнились по отношенію

къ этимъ профессіямъ, то денежное вознагражденіе ихъ скоро понизилось бы. Къ нимъ обратились бы очень многіе и конкурренція очень скоро сбавила бы цѣну за этотъ трудъ. Хотя эти таланты и не особенно распространены, однако они и не такъ рѣдки, какъ обыкновенно думаютъ. Есть много людей, которые обладаютъ ими въ совершенствѣ, но которые почли бы для себя унизительнымъ извлекать изъ нихъ денежную выгоду; но еще больше найдется такихъ, которые съумѣли бы пріобрѣсть ихъ, если бы они находились въ большемъ уваженіи.

Высокое мнѣніе, какое большая часть людей составляютъ о собственныхъ талантахъ, есть старое зло, наблюдавшееся во всѣ времена философами и моралистами. Но безумная вѣра людей въ свою счастливую звѣзду замѣчалась рѣже, хотя она и составляетъ еще болѣе общее зло, если только это возможно. Нѣтъ такого человѣка на землѣ, который бы не былъ причастенъ этому грѣху, если только онъ здоровъ и нѣсколько возбужденъ. Каждый болѣе или менѣе преувеличиваетъ вѣроятность получить барышъ. Что же касается до потери, то большая часть людей представляетъ ее себѣ всегда меньше той, какая бываетъ на самомъ дѣлѣ, и, можетъ быть, не найдется ни одного человѣка, здороваго тѣломъ и духомъ, который представлялъ бы ее себѣ больше, чѣмъ она обыкновенно бываетъ.

Общій успѣхъ *лотерей* достаточно доказываетъ, какъ обыкновенно преувеличивается вѣроятность выигрыша. Еще никогда не было, да и не будетъ такой вполнѣ справедливой лотереи, въ которой по крайней мѣрѣ сумма выигрышей была бы равна

суммѣ проигрышей, ибо въ такомъ случаѣ не было бы никакой выгоды устраивать ее. Въ лотереяхъ, устраиваемыхъ правительствами, билеты не стоютъ, въ дѣйствительности, той цѣны, какую платятъ за нихъ первые подписщики, а между тѣмъ эти билеты обыкновенно перепродаются на мѣстѣ съ барышомъ въ 20, 30, а иногда и 40 процентовъ. Напрасная надежда выиграть какой нибудь крупный кушъ бываетъ единственной причиной спроса на такіе билеты. Самые даже благоразумные люди не считаютъ глупостью заплатить маленькую сумму, чтобы купить за нее вѣроятность выиграть 10 или 20.000 фунтовъ, хотя они хорошо понимаютъ, что эта маленькая сумма на 20 или на 30 процентовъ дороже вѣроятности выигрыша. Въ лотереѣ, въ которой не было бы выигрыша дороже 20 фун., но которая болѣе всѣхъ другихъ обыкновенныхъ лотерей приближалась бы къ полной справедливости, билеты не раскупались бы такъ сильно. Чтобы обезпечить себѣ наибольшій шансъ выигрыша какого нибудь крупнаго куша, охотники покупаютъ много билетовъ, а другіе соединяются вмѣстѣ, чтобы участвовать малыми долями какъ можно въ большемъ числѣ билетовъ. А между тѣмъ одно изъ наиболѣе доказанныхъ положеній математики состоитъ въ томъ, что чѣмъ больше берешь, тѣмъ больше имѣешь противъ себя шансовъ потери. Захватите всѣ билеты какой нибудь лотереи и вы навѣрное проиграете. Слѣдовательно, чѣмъ больше будетъ взято билетовъ, тѣмъ вѣрнѣе потеря.

Возрастъ, въ который молодые люди избираютъ себѣ какую нибудь дѣятельность, изъ всѣхъ другихъ возрастовъ жизни бываетъ именно такимъ,

когда презрѣніе къ опасности и надменная увѣренность—непремѣнно достигнуть успѣха дѣйствуютъ сильнѣе всего. Тогда-то можно наблюдать, какъ мало опасеніе какого нибудь несчастнаго случая способно пошатнуть надежду на лучшій успѣхъ. Подтвержденіемъ этого можетъ служить увлеченіе, съ которымъ обыкновенно бросаются на свободныя профессіи, а еще болѣе горячность, съ которою простой народъ спѣшитъ записываться въ солдаты или матросы.

Различіе между кажущеюся прибылью отъ розничной и оптовой продажи не такъ велико въ столицѣ, какъ въ маленькомъ городѣ или деревнѣ. Если употребить капиталъ въ 10.000 фун. на какую нибудь мелкую торговлю бакалеей, то заработная плата за трудъ такого мелочника сама по себѣ составитъ совершенную бездѣлицу въ придатокъ къ дѣйствительной прибыли съ такого большого капитала. Такимъ образомъ кажущіяся прибыли сильнаго по своимъ средствамъ мелочника въ большомъ городѣ подходятъ ближе всего къ прибылямъ оптового торговца, а потому и товары, продающіеся въ розницу, вообще бываютъ дешевле, а часто гораздо дешевле въ столицѣ, чѣмъ въ маленькихъ городахъ или деревняхъ. Бакалейный товаръ, напримѣръ, продается въ ней гораздо дешевле, а хлѣбъ и мясо иногда также дешевы какъ и въ деревнѣ. Перевозка бакалеи въ столицу обходится также дешево, какъ и въ деревнѣ, но перевозка туда хлѣба и мяса стоитъ гораздо дороже, потому что большая часть ихъ привозится издалека. Первоначальная цѣна бакалеи бываетъ одна и таже въ обоихъ мѣстахъ, а потому она и будетъ дешевле

тамъ, гдѣ довольствуются меньшею прибылью. А первоначальная цѣна хлѣба и мяса гораздо дороже въ большомъ городѣ, нежели въ деревнѣ; хотя прибыль при продажѣ ихъ и бываетъ меньше, однако они не всегда дешевы, иногда же продаются по той же цѣнѣ, что̀ и въ деревнѣ. Въ такихъ товарахъ, какъ хлѣбъ и мясо, одна и таже причина, уменьшая кажущуюся прибыль, возвышаетъ расходы по первой покупкѣ ихъ.

Рѣшительное вліяніе имѣетъ здѣсь *объемъ рынка*. Доставляя помѣщеніе самымъ крупнымъ капиталамъ, онъ понижаетъ ихъ кажущуюся прибыль; за-то, побуждая снабжать его товарами изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстъ, онъ возвышаетъ цѣну ихъ. Это сбавка съ одной стороны и возвышеніе съ другой, повидимому, во многихъ случаяхъ взаимно почти уровновѣшиваются. Въ этомъ, вѣроятно, и заключается причина, по которой цѣны на хлѣбъ и мясо бываютъ вообще почти одинаковы въ большей части королевства, тогда какъ въ разныхъ мѣстахъ его оказывается обыкновенно большая разница въ цѣнѣ зерна и скота.

Хотя прибыли съ капиталовъ, какъ въ розничной, такъ и въ оптовой торговлѣ, бываютъ вообще въ столицѣ меньше, чѣмъ въ маленькихъ городахъ и деревняхъ: однако очень часто можно видѣть, какъ въ столицѣ составляются крупныя богатства при небольшихъ первоначальныхъ затратахъ, чего почти никогда не увидишь въ деревняхъ. Въ маленькихъ городахъ и деревняхъ недостаточный *объемъ рынка* не позволяетъ торговлѣ расшириться въ той мѣрѣ, какъ ростетъ капиталъ; въ такихъ мѣстахъ хотя размѣръ прибыли отдѣльнаго человѣка можетъ быть

и очень великъ, однако совокупность или общая сумма всѣхъ прибылей, а слѣдовательно и ежегодное накопленіе ихъ, не можетъ быть очень значительно. На-оборотъ, въ большихъ городахъ торговля можетъ расширяться по мѣрѣ возрастанія капитала, и кредитъ человѣка бережливаго и богатѣющаго увеличивается еще быстрѣе, чѣмъ его капиталъ. По мѣрѣ увеличенія того и другого, расширяется и область его операцій: общая сумма его прибылей соотвѣтствуетъ обширности его торговли, а что ежегодно накопляетъ онъ—соотвѣтствуетъ общей суммѣ его прибылей. Не смотря на это, рѣдко бываетъ, чтобы даже въ большихъ городахъ составлялись значительныя состоянія въ какой нибудь правильно поставленной и хорошо извѣстной промышленности, иначе какъ послѣ долгихъ годовъ трудовой и бережливой жизни. Правда, въ такихъ мѣстахъ составляются иногда внезапно состоянія, благодаря такъ-называемому торгашеству или *спекуляціи*. Но торговецъ, посвятившій себя такимъ дѣламъ, не занимается никакой установившеюся, правильною, хорошо извѣстною промышленностью. Въ нынѣшнемъ году онъ торгуетъ хлѣбомъ, въ будущемъ—виномъ, потомъ сахаромъ, табакомъ или чаемъ. Онъ хватается за какую хотите «коммерцію», если только надѣется, что она дастъ ему какую нибудь чрезвычайную прибыль, и такъ же скоро бросаетъ ее, если замѣчаетъ, что прибыли съ нея могутъ упасть до уровня прибылей съ другихъ операцій. Слѣдовательно, прибыли и убытки не могутъ находиться ни въ какомъ правильномъ соотвѣтствіи съ прибылями и убытками отъ всякой другой отрасли торговли, установившейся и хоро-

шо извѣстной. Кто не боится запутаться, можетъ иногда составить значительное богатство, благодаря двумъ или тремъ счастливымъ спекуляціямъ; также вѣроятно, что онъ столько же потеряетъ на двухъ или трехъ несчастныхъ оборотахъ. Такимъ дѣломъ можно заниматься только въ большихъ городахъ: только тамъ, гдѣ торговыя дѣла и сношенія получили широкое распространеніе, можно имѣть всѣ необходимыя для того свѣдѣнія.

Подробно изложенныя здѣсь пять условій вызываютъ весьма сильныя неравенства въ величинѣ заработной платы; но они не имѣютъ никакого вліянія на общую сумму дѣйствительныхъ или воображаемыхъ выгодъ и невыгодъ каждаго изъ разнообразныхъ помѣщеній труда; они способны только восполнить недостаточность денежнаго заработка въ однихъ помѣщеніяхъ и умѣрить слишкомъ высокое вознагражденіе въ другихъ.

Однако для соблюденія такого равновѣсія въ общей суммѣ выгодъ и невыгодъ, представляемыхъ разными помѣщеніями труда, необходимы, даже при самой полной свободѣ дѣйствій, слѣдующія три условія: во-первыхъ, чтобы данная отрасль труда была хорошо всѣмъ извѣстна и съ давнихъ поръ водворилась въ какой нибудь мѣстности; во-вторыхъ, чтобы она находилась въ своемъ обычномъ, такъ сказать, *естественномъ* состояніи и, въ-третьихъ, чтобы она была единственнымъ или главнымъ занятіемъ тѣхъ, кто ей посвящаетъ себя.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Неравенства, происходящія отъ правительственнаго вмѣшательства.

Таковы неравенства, существующія въ общей суммѣ выгодъ или невыгодъ въ различныхъ помѣщеніяхъ труда и капиталовъ, даже въ такихъ странахъ, гдѣ господствуетъ полнѣйшая свобода,—неравенства, происходящія отъ отсутствія какого нибудь одного изъ трехъ объясненныхъ выше условій, или всѣхъ трехъ вмѣстѣ. Но господствующій въ Европѣ духъ регламентаціи, стѣсняя полную свободу дѣйствій, порождаетъ еще другія неравенства, имѣющія еще болѣе значенія.

Регламентація дѣйствуетъ здѣсь главнымъ образомъ тремя способами: во-первыхъ, ограничивая въ нѣкоторыхъ промыслахъ конкурренцію меньшимъ числомъ лицъ, чѣмъ сколько обратились бы къ нимъ безъ ея вмѣшательства;—во-вторыхъ, увеличивая въ другихъ промыслахъ число конкурентовъ болѣе, чѣмъ сколько требуется ихъ естественнымъ положеніемъ вещей;—въ-третьихъ, стѣсняя свободное обращеніе труда и капиталовъ какъ отъ одного помѣщенія къ другому, такъ и съ одного мѣста на другое.

Итакъ, прежде всего администрація, господствующая въ Европѣ, порождаетъ значительное неравенство въ общей суммѣ выгодъ и невыгодъ въ разныхъ помѣщеніяхъ труда и капиталовъ тѣмъ, что ограничиваетъ въ нѣкоторыхъ промыслахъ конкурренцію гораздо меньшимъ числомъ лицъ, чѣмъ

сколько обратились бы къ этимъ промысламъ, безъ этого стѣсненія.

Важнѣйшія средства, которыя она употребляетъ для этого—*исключительныя привилегіи цеховыхъ корпорацій.*

Исключительная привилегія какого нибудь цеха непремѣнно стѣсняетъ въ томъ городѣ, гдѣ онъ водворяется, конкурренцію тѣхъ, которые имѣютъ право вступить въ этотъ цехъ. Обыкновенно, непремѣнное условіе для полученія этого права состоитъ въ обученіи ремеслу у какого нибудь признаннаго закономъ мастера. Цеховыми постановленіями опредѣляется иногда, какое число учениковъ дозволяется имѣть мастеру и почти всегда—сколько лѣтъ должно продолжаться ученье. Цѣль этихъ постановленій—ограничить конкурренцію гораздо меньшимъ числомъ лицъ, чѣмъ сколько безъ этого ограниченія явилось бы охотниковъ занятся этимъ мастерствомъ. Назначеніе числа учениковъ ограничиваетъ кокурренцію, а долгій срокъ обученія ограничиваетъ ее болѣе косвеннымъ. хотя и не менѣе дѣйствительнымъ образомъ, увеличивая расходы обученія мастерству.

Въ Шеффильдѣ постановленіемъ ножеваго цеха воспрещается мастеру содержать за-разъ болѣе одного ученика. Въ Норичѣ и Норфолькѣ ни одинъ мастеръ ткачъ *) не можетъ имѣть болѣе двухъ учениковъ, подъ страхомъ пени въ 5 фунтовъ въ мѣсяцъ въ пользу короля. Ни въ одной части Англіи, или англійскихъ колоній, мастеръ-шляпникъ не можетъ имѣть болѣе двухъ учениковъ, подъ страхомъ также 5 фунтовъ пени въ мѣсяцъ, при чемъ

*) Шерстяного цеха, приготовляющаго сукно.

одна половина ея идетъ королю, а другая до нощику. Хотя эти два послѣднія постановленія были утверждены закономъ королевства, однако они были, очевидно, продиктованы тѣмъ же духомъ корпораціи, подъ внушеніемъ котораго былъ выдуманъ шеффильдскій статутъ. Едва только фабриканты шелковыхъ издѣлій въ Лондонѣ устроили цехъ, какъ на другой же годъ было составлено постановленіе, которымъ было воспрещено каждому мастеру держать болѣе двухъ учениковъ за-разъ, и это постановленіе могло быть отмѣнено только особымъ актомъ парламента.

Обыкновеннымъ срокомъ для обученья въ большей части цеховъ съ давнихъ поръ, кажется, было назначено во всей Европѣ семь лѣтъ. Эти корпораціи назывались нѣкогда *университетами* – отъ латинскаго слова, означавшаго корпорацію вообще. Въ граматахъ старыхъ городовъ часто встрѣчаются такія выраженія: *университетъ кузнецовъ, университетъ портныхъ* и т. д. Съ перваго же учрежденія этихъ спеціальныхъ корпорацій, называемыхъ теперь особымъ именемъ *университетовъ*, срокъ продолжительности обученія, установленный для полученія степени *мастера*, былъ, кажется, опредѣленъ примѣнительно къ срокамъ обученія въ тѣхъ ремеслахъ, корпораціи которыхъ были гораздо древнѣе. Какъ необходимо было семь лѣтъ работать у патентованнаго мастера, чтобы получить право самому сдѣлаться мастеромъ обыкновеннаго цеха и держать тамъ учениковъ; точно также требовалось семь лѣтъ проучиться у какого нибудь мастера, прежде чѣмъ самому сдѣлаться, въ какой нибудь свободной профессіи, *учителемъ, профессоромъ*

или *докторомъ* (названія эти были синонимами) и получить право держать у себя *студентовъ* или *учениковъ* (тогда это были также синонимы).

Постановленіемъ пятаго года правленія Елизаветы, которое называлось *уставомъ объ ученикахъ*, было установлено, что впредь въ Англіи никто не имѣлъ права заниматься какимъ нибудь ремесломъ или художествомъ, не пробывъ напередъ по крайней мѣрѣ семи лѣтъ въ ученьѣ. Такимъ образомъ то, что прежде было постановленіемъ лишь для нѣкоторыхъ отдѣльныхъ корпорацій, сдѣлалось теперь общимъ закономъ для всѣхъ ремеслъ въ *торговыхъ городахъ* Англіи. Хотя дѣйствіе этого закона было очень обширно и повидимому распространялось безъ различія на все королевство, однако, при дальнѣйшемъ толкованіи этого закона, дѣйствіе его было ограничено только *торговыми городами* при чемъ въ деревняхъ разрѣшалось одному и тому же лицу заниматься различными ремеслами, не подвергаясь необходимости тратить семь лѣтъ на обученье каждому изъ нихъ *).

Сверхъ того, по строгому толкованію текста этого закона, дѣйствіе его было ограничено только тѣми ремеслами, которыя были учреждены въ Англіи до пятаго года правленія Елизаветы, и никогда не распространялось на тѣ которыя были введены послѣ этого времени.

Это ограниченіе подало поводъ ко многимъ различеніямъ, которыя, если смотрѣть на нихъ какъ на полицейскія правила, представляются въ выс

---

*) Уставъ объ ученикахъ отмѣненъ въ 1814 г. 54 постановленіемъ Георга III, гл. 96.—**Макъ-Коллохъ.**

шей степени нелѣпыми. Напримѣръ: было установлено, что *каретникъ* не имѣлъ права ни самъ, ни черезъ рабочихъ-поденщиковъ работать колеса для своихъ экипажей, а долженъ былъ покупать ихъ у особаго мастера *колеснаго дѣла*, такъ какъ это послѣднее мастерство существовало въ Англіи за долго до пятаго года правленія Елизаветы. Съ другой стороны, *колесный мастеръ*, не бывши никогда въ ученьѣ у *каретнаго мастера*, имѣлъ однако право работать кареты какъ самъ лично, такъ и черезъ своихъ рабочихъ-поденщиковъ, потому что *каретное мастерство* не было введено въ уставъ, какъ не существовавшее до того времени въ Англіи. По той же причинѣ было много такихъ ремеслъ въ Манчестерѣ, Бирмингамѣ и Вольвергамптонѣ, которыя не были введены въ уставъ только потому, что ихъ не было въ Англіи ранѣе пятаго года правленія Елизаветы.

Въ Франціи срокъ ученья—различенъ по разнымъ городамъ и мастерствамъ. Въ Парижѣ для большаго числа ихъ назначено пять лѣтъ. Но прежде чѣмъ рабочій могъ получить право работать какъ мастеръ, онъ долженъ былъ еще проработать въ качествѣ поденнаго рабочаго: въ продолженіе этого срока онъ называется товарищемъ мастера, или *подмастерьемъ*, а самое время искуса—*товариществомъ* (compagnonnage) *).

Самое священное и не прикосновенное право собственности есть право на собственный трудъ, потому что оно есть первоначальный источникъ всѣхъ

---

*) Нечего прибавлять, что всѣ эти ограниченія теперь не существуютъ.—**Жерменъ Гарнье**.

другихъ правъ собственности. Все достояніе бѣдняка заключается въ силѣ и ловкости его рукъ, и мѣшать ему пользоваться этою силою и этою ловкостью такъ, какъ онъ самъ считаетъ для себя удобнымъ, если только онъ никому не причиняетъ этимъ никакого вреда, было бы явнымъ насиліемъ надъ этою первоначальною собственностью. Такое насиліе было возмутительнымъ посягательствомъ на законную свободу какъ самого рабочаго, такъ и тѣхъ, кто хотѣлъ бы дать ему какую нибудь работу; это значитъ въ одно время мѣшать—одному работать, какъ онъ находитъ для себя выгоднымъ, а другому употреблять его въ работу, какъ ему заблагоразсудится. Въ этомъ случаѣ можно вполнѣ положиться на благоразуміе того, кто нанимаетъ рабочаго; только его собственный интересъ можетъ правильно рѣшить—заслуживаетъ ли рабочій того, что ему даютъ. Заботливость законодателя о томъ, чтобы не употреблялись въ дѣло люди не способные, очевидно, также нелѣпа, какъ и стѣснительна.

Въ установленіи срока обученья нѣтъ никакой надобности. Искусство работать карманные и стѣнные часы, конечно, гораздо выше обыкновеннаго мастерства, однако и въ немъ нѣтъ такихъ секретовъ, которые требовали бы долгаго курса ученія. Правда, первое изобрѣтеніе этихъ прекрасныхъ снарядовъ, а также и инструментовъ, которыми они работаются, требовало много времени и глубокихъ соображеній и по праву можетъ считаться однимъ изъ самыхъ счастливыхъ изобрѣтеній человѣческой промышленности. Но разъ они изобрѣтены и всѣмъ хорошо извѣстны, то объяснить молодому рабочему, до мельчайшихъ подробностей, какъ надо примѣнять

инструменты, чтобы сработать эти машины, можно въ нѣсколько недѣль, а, можетъ быть, для этого было бы достаточно и нѣсколькихъ дней. Въ простыхъ механическихъ ремеслахъ для такого обученія было бы, конечно, достаточно нѣсколькихъ дней. Правда, что даже въ самыхъ простыхъ производствахъ, ловкость руки пріобрѣтается лишь долгою практикой и опытомъ. Но молодой человѣкъ работалъ бы съ бо́льшимъ усердіемъ и вниманіемъ, если бы съ самаго начала былъ поставленъ къ дѣлу, какъ самостоятельный рабочій и не только получалъ бы плату соразмѣрно тому, что успѣлъ сработать, но, въ свою очередь, платилъ бы за матеріалы, испорченные имъ по неловкости или непривычкѣ къ дѣлу. При такомъ порядкѣ воспитаніе его было бы вообще видиѣе и притомъ менѣе продолжительно и не такъ дорого. Конечно, при этомъ потерпѣлъ бы самъ хозяинъ: онъ потерялъ бы весь заработокъ ученика, который теперь остается въ его рукахъ въ продолженіи цѣлыхъ семи лѣтъ. Можетъ быть, потерялъ бы нѣсколько и самъ ученикъ, потому что при полной доступности изученія мастерства, явилось бы и больше конкуррентовъ, а къ тому времени когда ученикъ сдѣлался бы полнымъ рабочимъ, заработная плата его была бы гораздо меньше, чѣмъ теперь. Тоже увеличеніе конкурренціи понизило бы и прибыли хозяевъ, какъ она понизила бы заработокъ рабочихъ. Тутъ потеряли бы мастеровые и ремесленники всякаго рода, въ особенности тѣ изъ нихъ, которые знаютъ какіе нибудь секреты производства, а въ выигрышѣ оказались бы потребители, потому что всѣ ручныя произведенія продавались бы на рынкѣ гораздо дешевле.

Цеховыя корпораціи и большая часть законовъ, ихъ охраняющихъ, были установлены именно съ тою цѣлью, чтобы предупредить упадокъ цѣнъ, а слѣдовательно и заработной платы и прибылей, а средствомъ для этого послужило ограниченіе свободной конкурренціи.

Вотъ какимъ образомъ въ Европѣ администрація, ограничивая въ разныхъ мѣстахъ конкурренцію меньшимъ числомъ лицъ, чѣмъ сколько обратилось бы ихъ безъ этого запрещенія къ занятію промыслами, вызываетъ очень большое неравенство въ общей суммѣ выгодъ и невыгодъ въ разныхъ помѣщеніяхъ труда и капиталовъ.

Хорошо содержимыя большія дороги, каналы и судоходныя рѣки, уменьшая расходы перевозки, приводятъ къ одному общему уровню какъ отдаленныя деревни, такъ и ближайшія къ городу мѣстности. А потому съ этими путями сообщенія связаны самыя важныя улучшенія, которыя поощряютъ обработку самыхъ отдаленныхъ земель, обыкновенно занимающихъ наибольшую часть поверхности страны. Эти улучшенія выгодны городу, сокрушая монополію деревень, расположенныхъ по сосѣдству съ нимъ. Онѣ выгодны даже и этимъ деревнямъ, потому что если вводятъ на старый рынокъ новые товары, какъ бы въ подрывъ произведеніямъ сосѣднихъ деревень, то они же и открываютъ для этихъ товаровъ много новыхъ рынковъ. Притомъ всякая монополія—большой врагъ всякому хорошему дѣлу, которое можетъ упрочиться въ странѣ только тогда, когда всякій найдетъ въ свободной и общей конкурренціи защиту собственныхъ интересовъ. Не болѣе пятидесяти лѣтъ тому назадъ нѣкоторыя со-

сѣднія съ Лондономъ графства подали въ парламентъ жалобу противъ проекта распространенія такъ-называемыхъ *заставныхъ дорогъ* *) въ графствахъ, отдаленныхъ отъ столицы. Эти отдаленныя графства, доказывали они, вслѣдствіе низкихъ цѣнъ на трудъ, будутъ продавать въ Лондонѣ свой хлѣбъ и фуражъ дешевле насъ и тѣмъ подорвутъ наши фермы и раззорятъ земледѣліе. Однако потомъ тѣже жалобщики сами увидѣли, какъ увеличились ихъ доходы и какъ улучшилось ихъ земледѣліе.

---

*) Это—дороги, на которыхъ устроены заставы (turnpikes), гдѣ берутся деньги на содержаніе дороги.

Заключеніе.

О земельной рентѣ или доходѣ съ земли *)

Я окончу эту главу замѣчаніемъ, что всякое улучшеніе въ состояніи общества прямо или косвенно подымаетъ дѣйствительную земельную ренту и увеличиваетъ дѣйствительное богатство землевладѣльца, т. е. даетъ ему бо́льшую возможность покупать чужой трудъ или произведенія чужого труда.

Улучшеніе земель и ихъ обработка дѣйствуютъ на это непосредственно: чѣмъ болѣе увеличивается количество земельныхъ продуктовъ, тѣмъ непремѣнно больше возрастаетъ и доля землевладѣльца.

Возвышеніе дѣйствительной цѣны этихъ сырыхъ продуктовъ, сначала какъ послѣдствіе улучшенія земли и ея обработки, а потомъ какъ причина послѣдующихъ успѣховъ, какъ напримѣръ возвышенія цѣны на скотъ, также непосредственно подымаетъ, и при томъ еще въ бо́льшихъ размѣрахъ, ренту землевладѣльца. Съ возрастаніемъ дѣйствительной цѣнности земледѣльческихъ продуктовъ увеличивается не только дѣйствительный размѣръ дохода, который приходится на долю землевладѣльца, или возможность для него располагать трудомъ другого, но и величина этой части дохода по отношенію къ общему количеству добытыхъ продук-

*) Этотъ отрывокъ представляетъ собою «заключеніе» обширной XI гл. главы въ подлинникѣ—о рентѣ.

товъ. Хотя дѣйствительная цѣна этого количества и поднялась, однако для того, чтобы собрать его, не требуется труда больше, чѣмъ прежде. А слѣдовательно, употребленный въ дѣло капиталъ, вмѣстѣ съ обычными прибылями его, можетъ быть возмѣщенъ сравнительно меньшимъ количествомъ продуктовъ, полученныхъ съ земли. При этомъ увеличится сравнительно съ прежнимъ и часть этихъ продуктовъ, составляющая долю землевладѣльца, по отношенію къ ихъ общему количеству.

Всякій успѣхъ въ производительной силѣ труда, непосредственно дѣйствующій на пониженіе дѣйствительной цѣны фабричныхъ товаровъ, косвенно увеличиваетъ дѣйствительную земельную ренту. На нихъ, т. е. на фабричные товары, обмѣниваетъ землевладѣлецъ ту часть своихъ сырыхъ продуктовъ, которая остается у него отъ личнаго потребленія или, что тоже самое, обмѣниваетъ на нихъ цѣну этой части. Все, что понижаетъ дѣйствительную цѣну первыхъ, увеличиваетъ дѣйствительную цѣну послѣднихъ; при этомъ тоже количество сырыхъ продуктовъ съ земли соотвѣтствуетъ уже большему количеству подешевѣвшихъ фабричныхъ издѣлій, и землевладѣлецъ получаетъ возможность купить больше предметовъ для удобства или роскоши своей жизни *).

---

*) Успѣхи мануфактурной промышленности и низкая цѣна фабричныхъ произведеній способствуютъ повышенію земельной ренты, не больше, чѣмъ повышенію прибылей и заработной платы. Въ сущности же они не увеличиваютъ ни одной изъ этихъ частей. Если эти товары подешевѣютъ, то на ту же работу можно будетъ купить ихъ въ большемъ количествѣ и такимъ образомъ положеніе землевладѣльца улучшится. Но развѣ на два другіе разряда доходовъ

Всякое увеличеніе дѣйствительнаго богатства общества, всякое увеличеніе количества полезнаго труда, на него употребленнаго, косвенно подымаетъ дѣйствительную ренту съ земли. Нѣкоторая часть этого излишка новаго труда естественно идетъ на культуру земли. При этомъ условіи на нее употребляется большее число рабочихъ рукъ и скота; количество добытыхъ продуктовъ возрастаетъ по мѣрѣ того, какъ увеличивается употребленный на культуру земли капиталъ, а съ этимъ вмѣстѣ ростетъ и самая рента.

Противоположныя обстоятельства, то есть недостатокъ улучшеній земли, плохая культура, упадокъ дѣйствительной цѣны сырыхъ продуктовъ, съ другой стороны вздорожаніе фабричныхъ издѣлій, вызванное упадкомъ промышленности и искусства фабрикантовъ, и, наконецъ, сокращеніе дѣйствительнаго богатства общества,—все это дѣйствуетъ на уменьшеніе дѣйствительной ренты съ земли, на сокращеніе дѣйствительнаго благосостоянія землевладѣльца, т. е. сокращаетъ для него возможность располагать трудомъ другого или произведеніями этого труда.

т. е. на прибыль и заработную плату, нельзя точно такимъ образомъ при брѣсть больше, чѣмъ прежде мануфактурныхъ товаровъ, если только послѣдніе подешевѣютъ, и развѣ тогда не улучшится положеніе купца и рабочаго въ такомъ же размѣрѣ, какъ и положеніе землевладѣльца? Но все-таки было бы неправильно утверждать, что рента, прибыль и заработная плата увеличились только вслѣдствіе того, что на нихъ возможно стало купить *больше чѣмъ прежде дешевыхъ товаровъ*. Указывать на подобныя обмолвки тѣмъ болѣе необходимо, что онѣ могутъ повести къ важнымъ недоразумѣніямъ. —**Бухананъ.**

Общая масса ежегодныхъ продуктовъ земли и труда въ странѣ, или, что̀ тоже самое, общая сумма цѣны этихъ годовыхъ продуктовъ, естественно распадается, какъ было объяснено выше, на три части: *ренту* съ земли, *заработную плату* и *прибыль* съ капитала, и каждая изъ этихъ трехъ частей составляетъ доходъ трехъ различныхъ классовъ народа: тѣхъ, кто живетъ *рентою*, тѣхъ, кто живетъ *заработною платою*, и тѣхъ, кто живетъ *прибылью* съ капитала. Эти три большія группы составляютъ первоначальныя составныя части каждаго развитаго общества; изъ доходовъ ихъ въ концѣ-концовъ получаютъ свою долю остальные классы народа.

Изъ того, что было сказано выше, видно, что интересъ первого изъ этихъ трехъ классовъ тѣсно, неразрывно связанъ съ интересомъ цѣлаго общества. Все что полезно или вредно одному изъ этихъ интересовъ, непремѣнно полезно или вредно другому. Когда принимаются какія нибудь мѣры въ отношеніи торговли или администраціи, то землевладѣльцы никогда не могутъ сбить общество съ толку, даже и въ томъ случаѣ, если бы оно прислушивалось только къ голосу личныхъ интересовъ этого класса, конечно, при предположеніи, что ему доступно самое элементарное пониманіе того, въ чемъ состоитъ его личный интересъ *).

---

*) Землевладѣльцы естественно всегда будутъ стараться запутать общество своимъ горячимъ желаніемъ получать какъ можно больше доходовъ посредствомъ общаго возвышенія цѣнъ; замѣчательный примѣръ этого мы видѣли въ 1813 г. Въ то именно время, когда всѣ труждающіеся классы населенія и вся страна, на большомъ протяженіи, въ теченіе уже многихъ лѣтъ, терпѣли великую нужду:

Надо признаться, что обыкновенно имъ недостаетъ даже этого простого пониманія. Изъ всѣхъ трехъ классовъ общества это — единственный, которому получаемый имъ доходъ не стоитъ ни труда, ни хлопотъ и которому онъ достается, такъ сказать, даромъ, не требуя отъ него никакого предварительнаго плана и программы дѣятельности. Вслѣдствіе этой беззаботности, составляющей естественный результатъ всегда спокойнаго и удобнаго положенія землевладѣльцевъ, господа эти часто не только пребываютъ въ совершенномъ непониманіи послѣдствій, къ которымъ можетъ привести какое нибудь предпринимаемое общее преобразованіе, но даже теряютъ способность поразмыслить надъ нимъ, что однако необходимо, чтобы понять и предусмотрѣть его послѣдствія *).

вслѣдствіе дороговизны съѣстныхъ припасовъ, и когда было дознано, что Англія уже давно не производитъ сама достаточно хлѣба для внутренняго потребленія, землевладѣльцы пользовались всѣмъ своимъ вліяніемъ, чтобы воспретить привозъ хлѣба въ страну и такимъ образомъ, единственно ради своихъ личныхъ интересовъ, возложить на общество чрезвычайныя тягости. — **Бухананъ.**

Этому злоупотребленію былъ положенъ конецъ въ 1846 г. торговымъ преобразованіемъ, проведеннымъ въ парламентѣ Робертомъ Пилемъ, и переворотомъ въ общественномъ мнѣніи, совершеннымъ благородными усиліями манчестерской ассоціаціи — Anti-corn-Law-League („лига противъ хлѣбныхъ законовъ"), такъ искусно руководимой Р. Кобденомъ, Дж. Брайтомъ, Дж. Вильсономъ, Томсономъ и др. — **Жозефъ Гарнье.**

*) Когда Адамъ Смитъ писалъ эти строки, онъ, вѣроятно, забылъ о преміи за вывозъ хлѣба и о постановленіи, запретившемъ ввозъ скота въ Англію. Эти факты, независимо отъ хлѣбныхъ законовъ 1814 и 1815 гг., достаточно доказываютъ, что духъ монополіи былъ также силенъ въ средѣ землевладѣльцевъ, какъ и фабрикантовъ и купцовъ. — **Манъ-Коллохъ.**"

Выгоды второго класса, живущаго заработною платой, также тѣсно какъ и перваго связаны съ общимъ интересомъ народа. Выше было объяснено, что самая высокая заработная плата бываетъ тогда, когда спросъ на рабочихъ постоянно усиливается, и когда, съ другой стороны, годъ отъ году сильно увеличивается количество труда, употребляемаго въ производство. Когда же дѣйствительное богатство общества находится въ застоѣ, то заработная плата скоро достигаетъ того размѣра, который можетъ быть достаточенъ для рабочихъ развѣ только для того, чтобы вырастить дѣтей и поддержать свой родъ. Когда же, наконецъ, общество клонится къ упадку, заработная плата падаетъ даже ниже этого размѣра. При благосостояніи общества классъ землевладѣльцевъ можетъ выиграть, пожалуй, и больше, чѣмъ рабочіе, но ни одинъ классъ не испытываетъ такихъ жестокихъ бѣдствій при упадкѣ общества, какъ именно классъ рабочихъ. Хотя интересъ рабочаго также тѣсно связанъ съ интересомъ цѣлаго общества, однако онъ не способенъ ни понять этого общаго интереса, ни уразумѣть связи его съ своимъ собственнымъ. Положеніе его таково, что не даетъ ему достаточно времени пріобрѣсти необходимыя для этого свѣдѣнія, да если даже и предположить, что онъ вполнѣ располагаетъ ими, то его воспитаніе и привычки все-таки не дадутъ ему возможности вѣрно судить о своемъ положеніи. Вотъ почему въ общественныхъ собраніяхъ, при обсужденіи общихъ вопросовъ, обыкновенно не справляются съ его мнѣніемъ и еще менѣе обращаютъ на него какое нибудь вниманіе, за исключеніемъ развѣ обстоятельствъ, совершенно исклю-

чительныхъ, когда его жалобы вызваны и поддерживаются людьми, которые пользуются его трудомъ и, оказывая ему свою поддержку, руководствуются скорѣе собственными, нежели его выгодами.

Тѣ, которые пользуются рабочимъ, составляютъ третій классъ — людей, живущихъ *прибылью*. Во всякомъ обществѣ наибольшая часть полезнаго труда приводится въ движеніе капиталомъ, который употребляется въ дѣло съ цѣлью получить съ него какую-нибудь прибыль. Всѣ самыя важныя работы, возлагаемыя на рабочихъ, предпринимаются и направляются по планамъ и разсчетамъ тѣхъ, кто употребляетъ въ дѣло капиталы, при чемъ единственная цѣль всѣхъ такихъ плановъ и разсчетовъ состоитъ въ томъ, чтобы получить прибыль съ этихъ капиталовъ. Но величина прибылей не возрастаетъ, какъ величина ренты или заработной платы, вмѣстѣ съ благосостояніемъ общества, но оно и не понижается, какъ они, вмѣстѣ съ его упадкомъ. Напротивъ, прибыли естественно бываютъ низки въ странахъ богатыхъ и высоки въ странахъ бѣдныхъ, и, наконецъ, нигдѣ не бываютъ онѣ такъ велики какъ въ странахъ, которыя быстро идутъ къ разоренію. Слѣдовательно, интересъ этого третьяго класса совсѣмъ не связанъ такъ тѣсно съ общимъ интересомъ страны, какъ интересъ двухъ первыхъ классовъ*). Купцы и фабриканты

*) Здѣсь Адамъ Смитъ, увлеченный своей теоріей, очевидно, впалъ въ ошибку. Не ясно ли само по себѣ, что когда страна падаетъ, то непремѣнно разрушаются и ея капиталы и не должно ли это зло обрушиться и на тѣхъ, кто обладаетъ этими капиталами? Прав-

составляютъ въ этомъ классѣ два разряда людей, которые обыкновенно употребляютъ въ дѣло самые крупные капиталы и пользуются, по своему богатству, наибольшимъ уваженіемъ. Такъ какъ они всю свою жизнь заняты разсчетами и спекуляціями, то и отличаются вообще болѣе тонкою сообразительностью, чѣмъ большая часть землевладѣльцевъ въ деревнѣ. Но постоянно изощряя свой умъ на томъ, что составляетъ главный интересъ ихъ спеціальныхъ занятій, а не на томъ, что относится къ общему благу общественному, они всегда будутъ, даже при полномъ своемъ безпристрастіи (которое однако не всегда встрѣчается), склонны руководствоваться скорѣе первымъ, нежели вторымъ изъ этихъ интересовъ. Ихъ превосходство передъ землевладѣльцами, живущими въ деревнѣ, состоитъ не въ томъ, что они лучше ихъ сознаютъ общественное благо, а въ томъ, что они гораздо точнѣе землевладѣльцевъ понимаютъ свои собственные интересы. На это высшее пониманіе собственныхъ интересовъ такъ часто и попадались землевладѣльцы съ своимъ великодушіемъ, кото-

---

да, что при этомъ изъ остающагося капитала можно извлечь иногда самыя большія прибыли; но это былъ бы только одинъ изъ тѣхъ частныхъ случаевъ, которые встрѣчаются во время самыхъ ужасныхъ общественныхъ бѣдствій.

Не легко понять, почему землевладѣлецъ долженъ быть болѣе великодушенъ, чѣмъ всякій другой человѣкъ. Кто знаетъ, какъ они обыкновенно стараются поднять цѣны на хлѣбъ, а слѣдовательно и земельную ренту, посредствомъ запрещеній ввозить его, не смотря на бѣдствія народа, страдающаго отъ недостатка средствъ пропитанія, тотъ, конечно, не поторопится признать, за ними какое нибудь особенное великодушіе.—**Бухананъ**.

рыхъ капиталисты заставляли иногда отказываться какъ отъ ихъ личныхъ, такъ и общественныхъ интересовъ и успѣвали, пользуясь ихъ легкомыслiемъ, убѣдить ихъ, что общественное благо заключается именно въ благосостоянiи капиталистовъ, а не землевладѣльцевъ.

Въ дѣйствительности же частный интересъ тѣхъ, кто исключительно занимается какою-нибудь отдѣльною отраслью торговли или мануфактурной промышленности, въ нѣкоторыхъ отношенiяхъ не только не имѣетъ ничего общаго съ общественнымъ благомъ, но и прямо противоположенъ ему. Такъ, интересъ торговца состоитъ всегда въ расширенiи рынка и сокращенiи конкурренцiи между продавцами. Если это расширенiе часто и можетъ совпадать съ требованiями общественнаго блага, то сокращенiе конкурренцiи между продавцами всегда прямо противоположно ему и можетъ только дать торговцамъ возможность поднять свою прибыль гораздо выше ея естественнаго размѣра и, стало быть, наложитъ въ свою пользу не справедливый налогъ на своихъ согражданъ. Всякое, дѣлаемое этимъ классомъ людей, предложенiе о введенiи какого-нибудь новаго закона или торговаго устава должно быть принимаемо съ величайшимъ недовѣрiемъ и лишь послѣ продолжительнаго и тщательнаго разсмотрѣнiя его.

Не надо забывать, что такое предложенiе идетъ отъ того класса людей, интересъ котораго никогда не можетъ совпадать съ интересомъ цѣлаго общества и который вообще находитъ свою выгоду въ томъ, чтобы обманывать публику и налагать на

вее въ свою собственную пользу бремя налоговъ, что́ они не разъ и дѣлали во многихъ случаяхъ*).

---

*) Не можетъ ли это замѣчаніе съ одинаковой силой примѣниться къ землевладѣльцамъ, которые изъ опасенія, чтобы хлѣбъ не продавался на внутреннемъ рынкѣ за недостаточно высокую цѣну—ихъ прямая выгода, какъ можно больше раздувать ее—добивались установленія путемъ закона премій въ пользу тѣхъ, кто вывозилъ его, и которые, не смотря на бѣдствія, испытываемыя страною отъ установившейся вслѣдствіе этого дороговизны средствъ пропитанія, старались задержать всякій подвозъ хлѣба извнѣ? И все это дѣлали они съ единственною цѣлью извлечь, благодаря высокимъ цѣнамъ на хлѣбъ, свои выгоды изъ страданій общества, ими же причиненныхъ. Въ дѣйствительности всѣ различные классы общества одинаково грѣшатъ тѣмъ, что подчиняются своимъ частнымъ интересамъ и рѣдко задумываются отдать имъ предпочтеніе въ тѣхъ случаяхъ, когда они противорѣчатъ общественному благу.—**Бухананъ**.

КНИГА ВТОРАЯ.

О природѣ капиталовъ, ихъ накопленіи и употребленіи.

Введеніе.

Пока общество находится въ младенческомъ состояніи, когда еще нѣтъ никакого разлѣленія труда, когда не происходитъ почти никакой мѣны и каждый принужденъ самъ промышлять о всемъ, что ему нужно, тогда для обычнаго хода дѣлъ нѣтъ надобности ни въ какихъ заранѣе накопленныхъ запасахъ. Каждый находитъ въ своемъ собственномъ трудѣ средства для удовлетворенія своихъ потребностей по мѣрѣ того, какъ онѣ даютъ себя чувствовать ему. Если онъ чувствуетъ голодъ, то идетъ въ лѣсъ на охоту; если износилось его платье, то одѣвается въ шкуру перваго убитаго имъ звѣря, а если начинаетъ разваливаться его хижина, то онъ самъ исправляетъ ее, какъ умѣетъ, при помощи древесныхъ вѣтвей и земли, которыя у него всегда подъ рукой.

Но какъ только вошло въ общее употребленіе раздѣленіе труда, человѣкъ можетъ своимъ личнымъ трудомъ удовлетворить лишь самую малую часть своихъ потребностей, а наибольшую часть онъ удовлетворяетъ произведеніями чужого труда, которыя покупаетъ на то, что произвелъ собственными ру-

ками, или, что̀ тоже самое, на цѣну произведеній своего труда. Но такая покупка не можетъ состояться иначе, какъ если онъ будетъ имѣть достаточно времени для того, чтобы не только вполнѣ окончить начатую работу, но и продать ее. Необходимо, слѣдовательно, чтобы на это время были гдѣ нибудь на-готовѣ заранѣе накопленные запасы разныхъ предметовъ, на которые онъ могъ бы не только самъ просуществовать, но и пріобрѣсть матеріалы и орудія, необходимыя ему для работы. Ткачъ, напримѣръ, не можетъ вполнѣ заняться своимъ спеціальнымъ дѣломъ, если нѣтъ на готовѣ, въ его ли собственномъ распоряженіи, или у третьяго лица, запаса предметовъ, на которые онъ могъ бы существовать и пріобрѣсть орудія и матеріалы, необходимые для его работы на все то время, пока онъ успѣетъ не только сработать, но еще и продать свое полотно. Очевидно, стало быть, что такіе запасы разныхъ предметовъ должны быть заготовлены раньше, чѣмъ онъ могъ бы приняться за свою работу и въ данный срокъ окончить ее.

Далѣе, такъ какъ, по естественному ходу вещей, накопленіе *капитала* непремѣнно предшествуетъ раздѣленію труда, то и дальнѣйшее подраздѣленіе послѣдняя его на отдѣльныя отрасли можетъ происходить лишь пропорціонально все усиливающемуся накопленію капиталовъ. По мѣрѣ того, какъ усиливается раздѣленіе труда, въ значительной степени увеличивается и количество матеріаловъ, обрабатываемыхъ тѣмъ же числомъ рабочихъ, а такъ какъ работа каждаго изъ нихъ постепенно сводится къ наипростѣйшимъ операціямъ, то и выходитъ, что изобрѣтается множество новыхъ машинъ для об-

легченія и упрощенія этихъ операцій. Слѣдовательно, для того, чтобы по мѣрѣ усиливающагося раздѣленія труда, тоже число рабочихъ могло постоянно находить себѣ работу, необходимо, чтобы заранѣе были заготовлены въ прежнемъ количествѣ средства пропитанія, а необходимые для работы матеріалы и орудія—еще въ большемъ количествѣ, чѣмъ сколько ихъ нужно было при прежнихъ условіяхъ труда. Съ другой стороны, число рабочихъ увеличивается вообще въ каждой отрасли промышленности по мѣрѣ того, какъ въ то же время усиливается раздѣленіе труда, или, вѣрнѣе сказать, это самое увеличеніе числа рабочихъ даетъ имъ возможность распредѣлиться соотвѣтственно установившемуся раздѣленію труда.

Какъ производительная сила труда не можетъ значительно расшириться безъ помощи заранѣе накопленныхъ капиталовъ, точно также и накопленіе капиталовъ, въ свою очередь, естественно вызываетъ такое же расширеніе. Человѣкъ, употребляющій свой капиталъ на то, чтобы заставить работать другихъ, непремѣнно старается расположить его такъ, чтобы на него исполнялось какъ можно больше работы: онъ старается, слѣдовательно, въ одно и тоже время какъ можно удобнѣе распредѣлить занятія между рабочими и снабдить ихъ наилучшими машинами, какія только можетъ придумать или пріобрѣсть. Способы для успѣшнаго достиженія той и другой цѣли вообще зависятъ отъ размѣровъ его капитала или отъ числа людей, которыхъ онъ можетъ занять работою. Такимъ образомъ въ каждой странѣ, соотвѣтственно умноженію капиталовъ, не только увеличивается количество

промысловъ, которые содержатся на нихъ, но вслѣдствіе этого умноженія тоже количество промысловъ вызываетъ гораздо большее чѣмъ прежде количество отдѣльныхъ отраслей труда.

Вотъ въ чемъ состоитъ вообще вліяніе умноженія капиталовъ на промышленность и производительную силу труда.

Въ слѣдующей книгѣ я старался объяснить природу запасовъ, вліяніе, которое имѣетъ накопленіе ихъ въ формѣ *капиталовъ* *) разнаго рода и результаты разнообразнаго примѣненія этихъ капиталовъ. Книга эта раздѣлена на пять главъ.

Въ первой главѣ я старался объяснить отдѣльныя части, на которыя естественно дѣлятся *накопленные запасы* какъ отдѣльнаго лица, такъ и цѣлаго общества.

Во второй главѣ я разсматриваю свойство и обращеніе *денегъ*, какъ особой части совокупнаго капитала общества.

Запасы, накопленные для того, чтобы обратить ихъ въ капиталъ, могутъ быть употреблены въ дѣло тѣмъ самымъ лицомъ, которому они принадлежатъ, или отданы имъ въ ссуду другому лицу: способы ихъ обращенія въ томъ и другомъ случаѣ разсмотрѣны въ третьей и четвертой главѣ.

Въ пятой и послѣдней главѣ объясняется, какъ различно бываетъ вліяніе разныхъ помѣщеній ка-

---

*) По Смиту запасы (stock) получаютъ названіе капиталовъ (capital), когда они приносятъ владѣльцу какую нибудь прибыль.—**Жозефъ Гарнье.**

Различіе между *запасомъ* и *капиталомъ*, установленное Адамомъ Смитомъ, теперь не имѣетъ силы въ наукѣ: что называетъ онъ stock и capital принято теперь безразлично называть капиталомъ.—**А. Бланки.**

питаловъ непосредственно какъ на количество вызываемыхъ ими промысловъ въ странѣ, такъ и на количество ежегодныхъ продуктовъ земли и труда въ обществѣ.

I.

О различныхъ частяхъ, на которыя дѣлятся капиталы.

Когда накопленнаго запаса, которымъ владѣетъ человѣкъ, достаетъ ему только на то, чтобы просуществовать лишь нѣсколько дней или недѣль, то онъ, конечно, только въ очень рѣдкихъ случаяхъ станетъ думать о томъ, какъ получить съ него какой нибудь доходъ. Тогда онъ просто употребляетъ его какъ можно бережливѣе на собственныя нужды, при чемъ старается собственнымъ трудомъ восполнить его прежде, чѣмъ онъ совершенно истощится. Въ этомъ случаѣ весь доходъ свой онъ получаетъ только съ своего труда; въ такомъ положеніи находится наибольшая часть бѣдныхъ рабочихъ въ каждой странѣ.

Если же кто нибудь обладаетъ такимъ запасомъ накопленныхъ произведеній, котораго достаточно ему для того, чтобы прожить мѣсяцы или даже годы, то онъ, конечно, старается извлечь какой нибудь доходъ изъ большей части своего запаса, оставляя для своего обыкновеннаго потребленія лишь столько, сколько ему нужно, чтобы прожить самому до тѣхъ поръ, пока начнетъ получаться этотъ доходъ. Поэтому всѣ такіе запасы можно раздѣлить на двѣ части: одна часть, съ которой владѣлецъ разсчитываетъ получить доходъ, называется его капиталомъ, а другая часть идетъ не-

посредственно на его собственное потребленіе и состоитъ: во первыхъ, изъ той части накопленнаго запаса, которая была первоначально назначена на это потребленіе; во вторыхъ, изъ его дохода, по мѣрѣ его поступленія изъ какого бы источника онъ ни былъ полученъ; въ третьихъ, наконецъ, изъ предметовъ, купленныхъ имъ въ предшествовавшіе годы на ту или другую часть его запаса, но еще не потребленныхъ владѣльцемъ окончательно, какъ напримѣръ, изъ платья, домашней утвари и подобныхъ имъ предметовъ. Каждая, изъ этихъ трехъ частей, или всѣ три части вмѣстѣ, составляютъ всегда тотъ запасъ предметовъ, который обыкновенно сохраняется людьми для ихъ не посредственнаго личнаго потребленія.

Есть два различные способа помѣщенія капитала, назначеннаго владѣльцемъ для полученія съ него дохода или прибыли. Прежде всего капиталъ можно употребить на производство средствъ пропитанія, на ихъ переработку или на покупку ихъ съ цѣлью перепродажи съ барышомъ. Капиталъ, употребленный такимъ способомъ, не можетъ приносить своему владѣльцу какой-нибудь доходъ или прибыль иначе, какъ оставаясь въ его обладаніи и сохраняя свою прежнюю форму. Товары какого-нибудь торговца не дадутъ ему никакого дохода или прибыли. пока онъ не обратитъ ихъ въ деньги; даже деньги не дадутъ ему никакого барыша, пока онъ опять не обмѣняетъ ихъ на товары. Такой капиталъ постоянно выходитъ изъ рукъ своего владѣльца въ одной формѣ и возвращается къ нему въ другой формѣ, и, если онъ можетъ доставить ему какую-нибудь прибыль, то лишь при помощи

такого постояннаго обращенія, или такихъ послѣдовательныхъ обмѣновъ. Капиталы такого рода по всей справедливости могутъ быть названы *оборотными капиталами*. Но капиталъ можетъ быть употребленъ также и на улучшеніе земли, на покупку полезныхъ машинъ и инструментовъ для мануфактурной промышленности, или для другихъ подобныхъ имъ предметовъ, могущихъ дать доходъ или прибыль, не уходя изъ рукъ своего владѣльца и не нуждаясь ни въ какомъ дальнѣйшемъ обращеніи изъ рукъ въ руки. Такіе капиталы могутъ быть вполнѣ названы *капиталами постоянными*.

Въ различныхъ промыслахъ и производствахъ соотношенія между постояннымъ и оборотнымъ капиталомъ, на нихъ употребляемымъ, бываютъ весьма разнообразны.

Такъ, напримѣръ, весь капиталъ купца состоитъ исключительно изъ оборотнаго капитала. Для купца совсѣмъ не нужны ни машины, ни какія-нибудь орудія производства, если не причислять къ нимъ его лавки или магазина.

Но для хозяина-ремесленника или мануфактуриста необходимо всегда, чтобы нѣкоторая часть постояннаго капитала состояла изъ орудій его промысла. Въ однихъ ремеслахъ эта часть капитала бываетъ весьма не значительна, тогда какъ въ другихъ она бываетъ очень велика. Орудія производства какого-нибудь портного заключаются только въ нѣсколькихъ иголкахъ; орудія сапожника стоютъ нѣсколько дороже, орудія же ткача — еще дороже, чѣмъ сапожника. Но все-таки наибольшая часть капитала этихъ ремесленниковъ находится въ постоянномъ оборотѣ—то въ заработной платѣ

рабочихъ, то въ цѣнѣ первопачальныхъ матеріаловъ, и въ концѣ-концовъ возвращается съ прибылью въ цѣнѣ проданныхъ предметовъ ремесла.

Но есть другія производства, требующія гораздо бо́льшаго постояннаго капитала. На желѣзномъ заводѣ, напримѣръ, печь для плавки руды, горнъ и другія литейныя машины представляютъ собою такія орудія производства, которыя стоютъ очень дорого. Въ каменно-угольныхъ копяхъ и вообще въ рудникахъ всякаго рода машины для откачиванія воды и для другихъ операцій часто стоютъ несравненно дороже.

Та часть капитала, которую фермеръ употребляетъ на земледѣльческія орудія, составляетъ постоянный капиталъ, а та часть, которую онъ употребляетъ на заработную плату и средства существованія рабочихъ — капиталъ оборотный. Съ перваго онъ получаетъ прибыль, не выпуская капитала изъ рукъ своихъ, а со второго онъ получаетъ эту прибыль вслѣдствіе постояннаго обращенія его. Цѣна или стоимость скота, употребляемаго въ работы, есть такой же постоянный капиталъ, какъ и земледѣльческія орудія, а кормъ для скота — такой же оборотный капиталъ, какъ и продовольствіе рабочихъ. Хозяинъ получаетъ прибыль со своего скота и инвентаря, сохраняя ихъ въ своихъ рукахъ, а съ корма для скота постоянно выпуская его изъ рукъ. Что же касается до скота, который онъ покупаетъ и откармливаетъ не для того, чтобы имъ работать, а для того чтобы потомъ только перепродать его, то стоимость и кормъ этого скота составляетъ оборотный капиталъ, ибо онъ получаетъ съ нихъ прибыль, не сохраняя ихъ въ своихъ рукахъ.

Въ странахъ съ обширными пастбищами стадо овецъ или крупнаго рогатаго скота, которое покупается не для работъ и не для перепродажи, а для полученія прибыли съ шерсти, молока и приплода, составляетъ постоянный капиталъ. Доходъ съ этихъ животныхъ фермеръ получаетъ, сохраняя ихъ въ своихъ рукахъ; кормъ же этого скота есть капиталъ оборотный: доходъ съ этого корма получается вслѣдствіе его обращенія, при чемъ представляемый имъ капиталъ возвращается потомъ съ прибылью съ него самого и со стоимости цѣлаго стада, въ цѣнѣ проданной шерсти, молока и приплода. Полная стоимость сѣмянъ, строго говоря, составляетъ также постоянный капиталъ. Хотя они безпрестанно то поступаютъ съ поля въ амбаръ, то опять выходятъ изъ него, однако они никогда не мѣняютъ своего хозяина, а потому и нельзя сказать, чтобы онъ получалъ доходъ отъ продажи ихъ, а не отъ размноженія зерна.

Въ общей массѣ накопленный запасъ произведеній, которымъ обладаетъ страна или общество, представляетъ собою тоже, что и запасъ всѣхъ жителей этой страны или членовъ этого общества, а потому онъ естественно раздѣляется на тѣ же три части, изъ которыхъ каждая имѣетъ свое особое назначеніе.

Первая часть — та, *которая предназначена непосредственно для потребленія*, и отличительное свойство ея состоитъ въ томъ, что она не приноситъ дохода или прибыли. Она состоитъ изъ запаса продовольствія, платья, мебели, домашней утвари и пр., изъ всего, что было только закуплено, но не было еще совсѣмъ прожито ихъ потребителями.

Въ составъ этой первой части запаса входятъ еще всѣ существующія въ странѣ зданія, назначенныя собственно для жилища. Если домъ назначенъ подъ квартиру владѣльца его, то съ этого самаго времени капиталъ, употребленный на постройку дома, перестаетъ быть капиталомъ и приноситъ доходъ своему владѣльцу. Въ этомъ отношеніи домъ, служащій квартирой, рѣшительно ничѣмъ не содѣйствуетъ полученію дохода тому, кто его занимаетъ, и хотя неоспоримо, что такой домъ чрезвычайно полезенъ своему владѣльцу, однако въ этомъ случаѣ онъ представляетъ тоже, что его платье, мебель, домашняя утварь, которыя хотя также очень полезны ему, однако составляютъ только часть его расхода, а не дохода. Положимъ, что домъ предназначенъ къ отдачѣ въ наемъ; такъ какъ самъ по себѣ онъ ничего произвести не можетъ, то очевидно, что наемщикъ долженъ оплатить наемную плату за свою квартиру изъ какого-нибудь другого дохода, получаемаго имъ съ труда, капитала или земли. Слѣдовательно, хотя домъ и можетъ давать доходъ своему владѣльцу и тѣмъ самымъ служить ему капиталомъ, однако онъ не можетъ давать никакой прибыли цѣлому обществу, ни исполнять по отношенію къ послѣднему роли капитала, ибо онъ никогда не можетъ прибавить даже самой ничтожной частицы къ совокупному доходу народа. Одежда, мебель, домашняя утварь также приносятъ иногда доходъ своимъ владѣльцамъ, для которыхъ имѣютъ значеніе капитала. Такъ, въ странахъ, гдѣ въ большомъ ходу маскарады, отдача на прокатъ костюмовъ на одну ночь составляетъ своего рода промыселъ. Обойщики очень часто отдаютъ внай-

мы мебель помѣсячно и на годъ. Гробовщики отдаютъ на прокатъ поденно или понедѣльно всѣ принадлежности похоронныхъ процессій. Многіе отдаютъ внаймы меблированныя комнаты и получаютъ доходъ не отъ найма только квартиръ, но и отъ всей ихъ обстановки. Какъ бы то ни было, а доходъ, получаемый со всѣхъ подобныхъ предметовъ, въ концѣ-концовъ вытекаетъ изъ какого-нибудь посторонняго источника. Изъ всѣхъ частей накопленнаго запаса, назначаемаго отдѣльнымъ лицомъ или обществомъ для его непосредственнаго потребленія, та часть, которая находится въ домѣ, потребляется медленнѣе всего; запасъ гардероба можетъ прослужить нѣсколько лѣтъ; запасъ мебели и домашней утвари—полстолѣтіе или цѣлое столѣтіе, а запасъ изъ домовъ, прочно выстроенныхъ и хорошо содержимыхъ, можетъ просуществовать даже и нѣсколько столѣтій. Какъ бы то ни было, хотя срокъ полнаго потребленія домовъ и слишкомъ далекъ, однако въ дѣйствительности они представляютъ собою такіе же предметы не посредственнаго потребленія, какъ одежда, мебель и пр.

Вторую изъ трехъ частей, на которыя дѣлится совокупный запасъ общества, составляетъ *постоянный капиталъ*, отличительное свойство котораго заключается въ томъ, что онъ приноситъ доходъ или прибыль, не выходя изъ рукъ своего владѣльца. Онъ состоитъ главнымъ образомъ изъ слѣдующихъ четырехъ статей:

1. Всѣхъ полезныхъ машинъ и орудій промышленности, облегчающихъ и сокращающихъ трудъ.

2. Всѣхъ построекъ, служащихъ полезнымъ цѣлямъ; онѣ приносятъ доходъ не только владѣльцу,

получающему плату за отдачу ихъ въ наемъ, но и тому, кто ихъ занимаетъ и платитъ наемную плату. Таковы: лавки, магазины, мастерскія, сельско-хозяйственныя постройки со всѣми ихъ принадлежностями, конюшнями, ригами и пр. Эти постройки рѣзко отличаются отъ домовъ, назначенныхъ только для жилья: они—своего рода орудія производства, и на нихъ можно смотрѣть съ той же точки зрѣнія, какъ и на эти послѣднія.

3. Улучшеній земли. Здѣсь разумѣется все, что было производительно израсходовано на орошеніе, осушеніе, огорожу, искусственное удобреніе, унавоженіе и вообще на приведеніе земель въ состояніе удобное для культуры. На помѣстье, такимъ образомъ улучшенное, можно съ полнымъ правомъ смотрѣть какъ на полезныя машины, облегчающія и сокращающія трудъ и при помощи которыхъ одинъ и тотъ же оборотный капиталъ можетъ дать своему владѣльцу гораздо бо̀льшій доходъ. Благоустроенное помѣстье также выгодно, какъ и эти машины, и притомъ гораздо долговѣчнѣе каждой изъ нихъ: очень часто единственныя, требуемыя имъ, улучшенія и поправки состоятъ только въ томъ, что владѣлецъ или арендаторъ старается самымъ выгоднымъ образомъ примѣнить къ дѣлу капиталъ, назначенный на его содержаніе.

4. Полезныхъ талантовъ, пріобрѣтенныхъ жителями страны или членами общества. Для пріобрѣтенія этихъ талантовъ требуются всегда не малые расходы на содержаніе того, кто старается пріобрѣсть ихъ, во все время его воспитанія, обученія и дальнѣйшаго образованія, и всѣ эти расходы составляютъ постоянный капиталъ, реализованный, такъ

сказать, въ личности учащагося. Если эти дарованія составляютъ часть его личнаго богатства, то они въ тоже время составляютъ и часть богатства цѣлаго общества, къ которому онъ принадлежитъ. На ловкость, пріобрѣтенную рабочимъ, можно смотрѣть точно также, какъ на машину или всякое орудіе производства, которыя облегчаютъ и сокращаютъ трудъ и возвращаютъ владѣльцу съ прибылью всѣ употребленные на нихъ расходы.

Послѣднюю изъ трехъ частей, на которыя естественно дѣлится совокупный запасъ, принадлежащій обществу, это—*оборотный капиталъ*, отличительное свойство котораго состоитъ въ томъ, что онъ даетъ доходъ постоянно переходя изъ рукъ въ руки и мѣняя хозяина. Этотъ капиталъ состоитъ также изъ четырехъ статей:

1. Денегъ *), при помощи которыхъ остальныя три статьи обращаются и распредѣляются между людьми, пользующимися ими.

2. Изъ запасовъ продовольствія, которые находятся въ распоряженіи мясниковъ, скотопромышленниковъ, фермеровъ, хлѣбныхъ торговцевъ, пивоваровъ и др. и отъ продажи которыхъ они надѣются получить прибыль.

3. Изъ запасовъ первоначальныхъ матеріаловъ въ сыромъ видѣ, или такихъ болѣе или менѣе обработанныхъ предметовъ, назначенныхъ на приготовленіе одежды, меблировку и постройку домовъ, которыя однако еще ни въ одной изъ этихъ формъ не поступили въ дѣло и находятся въ рукахъ перво-

---

*) Это слово понимается здѣсь въ самомъ обыкновенномъ смыслѣ и выражаетъ всю находящуюся въ обращеніи монету.—**Жозефъ Гарнье.**

начальныхъ производителей, мануфактуристовъ, швецовъ, суконныхъ торговцевъ, оптовыхъ лѣсопромышленниковъ, плотниковъ, столяровъ, каменьщиковъ и пр.

4. Наконецъ, изъ такихъ издѣлій, готовыхъ и вполнѣ оконченныхъ, которыя находятся еще въ рукахъ купцовъ и мануфактуристовъ и не поступили въ распоряженіе потребителей, т. е. не проданы. Таковы всѣ товары, которые выставляются на-показъ въ лавкахъ слесарей, мебельщиковъ, золотыхъ дѣлъ мастеровъ, брилліантщиковъ, фабрикантовъ фарфора и др.

И такъ, оборотный капиталъ состоитъ изъ продовольствія, первоначальныхъ матеріаловъ и всякаго рода издѣлій, пока они не вышли изъ рукъ купцовъ, и, наконецъ, изъ денегъ, которыя необходимы для обращенія всѣхъ этихъ предметовъ и для доставленія ихъ въ распоряженіе тѣхъ, кто въ концѣ всего долженъ воспользоваться ими для своего потребленія.

Изъ этихъ четырехъ статей три, съѣстные припасы, матеріалы и издѣлія, обыкновенно въ теченіе года, или въ срокъ болѣе или менѣе продолжительный, извлекаются изъ оборотнаго капитала и поступаютъ или въ капиталъ постоянный или въ запасъ, назначенный для не посредственнаго потребленія.

Всякій постоянный капиталъ первоначально происходитъ отъ капитала оборотнаго и постоянно долженъ быть пополняемъ на его счетъ. Всѣ полезныя машины и орудія производства въ сущности пріобрѣтаются на оборотный капиталъ, доставляющій какъ матеріалъ для ихъ устройства, такъ и средства существованія для рабочихъ, ихъ приготовля-

ющихъ. Чтобы постоянно содержать ихъ въ порядкѣ, опять нужно обращаться къ помощи того же капитала.

Никакой постоянный капиталъ не можетъ давать дохода иначе, какъ при помощи оборотнаго капитала. Самыя полезныя машины и орудія производства сами по себѣ не могутъ произвести ничего безъ помощи оборотнаго капитала, который доставляетъ имъ матеріалъ для обработки и средства для содержанія рабочихъ, на нихъ работающихъ. Какъ бы хорошо ни была обработана земля, но и она не даетъ дохода безъ оборотнаго капитала, на который содержатся рабочіе, ее воздѣлывающіе и снимающіе съ нея жатву.

Какъ постоянные, такъ и оборотные капиталы не имѣютъ иной цѣли и иного назначенія, какъ содержаніе и умноженіе запасовъ потребленія. На счетъ этихъ запасовъ народъ кормится, одѣвается и имѣетъ помѣщеніе. Люди бываютъ богаты или бѣдны, смотря по тому, обильно или скудно снабжены этими двумя капиталами запасы, назначенные для ихъ не посредственнаго потребленія.

Такъ какъ постоянно весьма большая часть оборотнаго капитала поступаетъ въ ту или другую часть совокупнаго запаса общества, то этотъ капиталъ долженъ, въ свою очередь, возобновляться новыми въ него поступленіями, иначе онъ изсякнетъ очень скоро. Эти поступленія притекаютъ къ нему изъ трехъ главныхъ источниковъ, изъ того, что даютъ земля, рудники и рыболовство. Эти источники доставляютъ постоянно все новые запасы съѣстныхъ припасовъ и первоначальныхъ матеріаловъ, часть которыхъ обращается потомъ въ об-

работанныя издѣлія, и такимъ образомъ восполняется въ оборотномъ капиталѣ то, что постоянно извлекается изъ него потребленіемъ съѣстныхъ припасовъ, первоначальныхъ матеріаловъ и обработанныхъ издѣлій. Изъ рудниковъ добывается все, что необходимо для сохраненія и увеличенія той части оборотнаго капитала, которая состоитъ изъ такъ-называемыхъ денегъ. Хотя при обычномъ ходѣ вещей, эта послѣдняя часть и не извлекается непремѣнно изъ оборотнаго капитала, чтобы поступить въ составъ двухъ отдѣльныхъ частей совокупнаго запаса общества, однако она раздѣляетъ общую судьбу всѣхъ предметовъ—постепенно изнашиваться и, наконецъ, совсѣмъ разрушиться. Кромѣ того она можетъ просто затеряться, а иногда пересылается за предѣлы страны, и, слѣдовательно, должна постоянно восполняться, хотя безспорно въ гораздо меньшей степени.

Земля, рудники и рыболовство—всѣ они нуждаются для своей разработки въ постоянномъ и оборотномъ капиталѣ и доставляемые ими продукты съ избыткомъ восполняютъ какъ эти, такъ и всѣ другіе капиталы общества. Такимъ образомъ фермеръ ежегодно возстановляетъ фабриканту затраченные имъ съѣстные припасы и обращенные имъ въ предыдущемъ году въ дѣло первоначальные матеріалы, а фабрикантъ, въ свою очередь, снабжаетъ фермера новыми издѣліями взамѣнъ тѣхъ, которыя износились у него или совсѣмъ разрушились за тотъ же срокъ. Такъ, въ дѣйствительности совершается ежегодно взаимный обмѣнъ между этими двумя классами производителей, хотя и рѣдко бываетъ, чтобы сырой продуктъ перваго изъ нихъ и мануфактурный

товаръ второго прямо мѣнялись одинъ на другой, потому что трудно представить себѣ, чтобы фермеръ продалъ свой хлѣбъ или свой скотъ, свой ленъ или свою шерсть именно тому самому фабриканту, у котораго ему пришлось купить нужные ему платье, мебель или домашнюю утварь. Вѣдь онъ продаетъ свои сырые продукты на деньги, а съ помощью денегъ онъ можетъ купить себѣ нужные ему мануфактурные товары вездѣ, гдѣ только пожелаетъ. Сама же земля восполняетъ, по крайней мѣрѣ отчасти капиталы, служащіе для разработки рудниковъ и для рыболовства. При помощи продуктовъ земли извлекается рыба изъ воды, а при помощи продуктовъ, получаемыхъ съ поверхности земли, изъ нѣдръ ея извлекаются минералы.

При одинаковой производительности земель, рудниковъ и рыболовства, количество доставляемыхъ ими продуктовъ всегда пропорціонально размѣру капиталовъ, употребляемыхъ на ихъ обработку и эксплоатацію и болѣе или менѣе разумному примѣненію къ нимъ этихъ капиталовъ. И на-оборотъ, при одинаковыхъ капиталахъ и при одинаково разумномъ примѣненіи, ихъ количество получаемыхъ продуктовъ прямо пропорціонально естественному плодородію земель и богатству рудниковъ и рыболовства.

Во всякой странѣ, гдѣ личность и собственность хоть сколько-нибудь обезпечены, каждый человѣкъ, обладающій такъ-называемымъ здравымъ смысломъ, старается употребить находящійся въ его распоряженіи запасъ накопленныхъ произведеній, въ чемъ бы они ни заключались, такъ, чтобы извлечь изъ него или какое нибудь удовольствіе въ настоящемъ,

или какую нибудь прибыль для будущаго. Если онъ пользуется этимъ запасомъ, чтобы получить на него временное удовольствіе, то значитъ, что этотъ запасъ назначенъ для непосредственнаго потребленія. Если же онъ употребляетъ этотъ запасъ съ цѣлью получить съ него какую нибудь прибыль въ будущемъ, то онъ можетъ получить ее только двумя способами: или сохраняя этотъ запасъ въ своемъ распоряженіи, или отдавая его въ чужія руки. Въ первомъ случаѣ это—капиталъ постоянный, во второмъ—оборотный. Въ странѣ, пользующейся хоть какою нибудь обезпеченностью, надо быть человѣкомъ, лишеннымъ всякаго здраваго смысла, чтобы не воспользоваться однимъ изъ этихъ трехъ способовъ употребленія находящагося въ его распоряженіи запаса—все равно будетъ ли онъ принадлежать лично ему, или занятъ имъ у стороняго лица.

Правда, въ такихъ несчастныхъ странахъ, гдѣ постоянно ожидается какое нибудь насиліе со стороны начальства, по-неволѣ приходится часто зарывать или скрывать большую часть накопленныхъ запасовъ, дабы во всякое время имѣть ихъ у себя подъ рукою и унести съ собою въ какое нибудь безопасное мѣсто въ ту минуту, когда одно изъ такихъ постоянныхъ злополучій разразится надъ жизнію владѣльца.

Говорятъ, что такое положеніе очень обыкновенно въ Турціи, въ Индустанѣ и, безъ сомнѣнія, въ большей части другихъ государствъ Азіи. По-видимому оно было очень обыкновенно и у нашихъ предковъ при господствѣ феодальныхъ безпорядковъ. Открывавшіеся въ то время клады составляли не маловажную часть дохода даже для самыхъ мо-

ществennыхъ государей Европы. Подъ именемъ «кладовъ» разумѣлись въ то время сокровища, которыя откапывались въ землѣ и на которыя никто не могъ предъявить своего права. Они составляли на столько важную статью дохода, что право на нее признавалось всегда принадлежащимъ государю, а не тому, кто открылъ такой кладъ, и не тому, кому принадлежала земля, гдѣ онъ былъ открытъ, если только особою статьею государственной грамоты на владѣніе землею, это верховное право не было уступлено владѣльцу послѣдней. Открытіе кладовъ было приравнено открытію золотыхъ и серебряныхъ рудниковъ, которые вообще не могли быть отчуждаемы вмѣстѣ съ землею, если только объ этомъ не было оговорено въ грамотѣ; тогда какъ рудники свинцовые, мѣдные и оловянные, а также каменно-угольныя копи, какъ менѣе важныя, входили въ составъ отчуждаемыхъ земель *).

---

*) Эта глава столь замѣчательная по своей точности, составляетъ настоящее открытіе. Установленное здѣсь различіе между постоянными и оборотными капиталами имѣло огромное вліяніе на развитіе промышленности.—**А. Бланки.**

Это различіе особенно важно еще потому, что оно пролило свѣтъ на многія экономическія явленія.—**Жозефъ Гарнье.**

II.

О деньгахъ, какъ объ особой части общаго капитала.

Деньги составляютъ единственную часть оборотнаго капитала общества, содержаніе которой можетъ вызвать нѣкоторое уменьшеніе въ чистомъ доходѣ страны.

Постоянный капиталъ и часть оборотнаго капитала, заключающаяся въ деньгахъ, очень сходны между собою по тому вліянію, какое они имѣютъ на совокупный доходъ общества.

Во-первыхъ, какъ машины и орудія производства и пр. требуютъ извѣстныхъ расходовъ сначала на свое приготовленіе, а потомъ на содержаніе,—расходовъ, которые, хотя и относятся на счетъ валового дохода общества, однако должны быть покрыты изъ его чистаго дохода; точно также и запасъ монеты, обращающейся въ странѣ. требуетъ извѣстныхъ расходовъ сначала на свое приготовленіе, а потомъ на свое содержаніе,— расходовъ, которые должны быть покрыты также изъ чистаго дохода общества, хотя они и дѣлаются изъ его валового дохода. Для приготовленія монеты требуется извѣстное количество драгоцѣнныхъ металловъ, золота и серебра, а также извѣстное количество труда, и притомъ весьма тонкаго. Эти металлы и трудъ, вмѣсто того чтобы содѣйствовать увеличенію запаса предме-

товъ потребленія, умноженію средствъ существованія, удобствъ и удовольствій отдѣльныхъ лицъ, употребляются на содержаніе этого великаго, но дорого стоющаго орудія обращенія, при помощи котораго средства существованія, удобства и удовольствія отдѣльныхъ лицъ въ обществѣ правильно распредѣляются между ними соотвѣтственно тому, на что каждое изъ нихъ имѣетъ право.

Во вторыхъ, какъ машины и орудія производства и пр., образующія постоянный капиталъ отдѣльнаго лица или цѣлаго общества, не составляютъ части ни валового, ни чистаго дохода, ими получаемаго, точно также не составляютъ сами по себѣ части дохода и деньги, при помощи которыхъ весь доходъ общества правильно распредѣляется между его различными членами. Въ этомъ отношеніи великій двигатель обращенія совсѣмъ не похожъ на товары, которые онъ приводитъ въ движеніе. Доходъ общества образуется единственно изъ этихъ товаровъ, а никакъ не изъ денегъ, которыя приводятъ ихъ въ движеніе. При опредѣленіи валового и чистаго дохода общества, должно всегда вычитать изъ общей массы денегъ и товаровъ, образующихъ его ежегодное обращеніе, полную стоимость денегъ, изъ которыхъ ни одна копѣйка никогда не можетъ входить въ составъ ни того, ни другого дохода.

Это положеніе можетъ показаться сомнительнымъ или парадоксальнымъ развѣ только по одной сбивчивости выраженія; если же правильно развить это положеніе и хорошенько вдуматься въ него, то оно само собою станетъ до очевидности яснымъ.

Когда говорится о какой нибудь опредѣленной суммѣ денегъ, то при этомъ разумѣется иногда

только количество металла, ихъ составляющее; иногда же подъ этимъ словомъ—*деньги*—разумѣется сбивчивое понятіе объ отношеніи ихъ къ предметамъ, которые могутъ быть пріобрѣтены на эту сумму, или о доставляемой ею возможности что нибудь купить на нее. Напримѣръ, когда мы говоримъ, что въ Англіи обращается денегъ на 18 мил. фун. ст., то этимъ хотимъ только обозначить число металлическихъ монетъ, которое по вычисленіямъ, или скорѣе по предположенію нѣкоторыхъ писателей обращается въ странѣ. Но когда мы говоримъ, что такой-то получаетъ отъ 50 до 100 фун. дохода, то обыкновенно хотимъ выразить этимъ не только количество металлической монеты, которое ему ежегодно выплачивается, но и цѣнность предметовъ, которые онъ ежегодно можетъ купить или потребить на эту сумму. При этомъ обыкновенно мы даемъ понять, какъ онъ живетъ, или какъ онъ можетъ жить, или какъ велико количество и качество предметовъ, способныхъ удовлетворить его потребностямъ и удобствамъ, которыя] онъ можетъ доставить себѣ.

Когда, называя какую нибудь опредѣленную сумму денегъ, мы не только хотимъ выразить количество металлической монеты, составляющее эту сумму, что и думаемъ еще указать на содержащееся въ этомъ словѣ смутное отношеніе монеты къ предметамъ, которые могутъ быть пріобрѣтены на нее, то богатство или доходъ, которые обозначаются этою суммою, равняется только одной изъ двухъ цѣнностей, разумѣемыхъ по сбивчивости выраженія подъ однимъ и тѣмъ же словомъ, и притомъ второй цѣнности собственно болѣе чѣмъ первой, т. е.

цѣнности денегъ болѣе, чѣмъ самимъ деньгамъ, какъ металлу.

Поэтому, если кто-нибудь получаетъ по гинеѣ въ недѣлю, то онъ можетъ, въ продолженіе этой недѣли, купить себѣ извѣстное количество предметовъ первой необходимости, удобства или удовольствія. Его дѣйствительное богатство, его дѣйствительный доходъ за эту недѣлю будетъ великъ или малъ, смотря по тому, велико или мало количество пріобрѣтенныхъ на гинею предметовъ. Само собою разумѣется, что недѣльный доходъ такого лица не можетъ быть равенъ въ одно и тоже время и гинеѣ и тому, что можетъ быть пріобрѣтено на нее; но онъ будетъ равенъ или той или другой изъ этихъ двухъ равныхъ цѣнностей и скорѣе послѣдней, нежели первой, т. е. скорѣе тому, чего стоитъ гинея, нежели самой гинеѣ.

Если бы содержаніе этого лица выплачивалось ему не золотомъ, а билетомъ стоимостью въ гинею, съ платежомъ черезъ недѣлю, то, конечно, не этотъ клочекъ бумаги составлялъ бы собственно его доходъ. На гинею можно смотрѣть какъ на билетъ, предъявителю котораго мѣстные купцы выплачиваютъ извѣстное количество товаровъ, могущихъ удовлетворить потребностямъ и удобствамъ жизни этого лица. Собственно говоря, доходъ получающаго эту гинею состоитъ не столько въ кускѣ золота, сколько въ томъ, что можно купить или получить въ обмѣнъ на него. Если бы ничего нельзя было получить въ обмѣнъ на такую гинею, то она стоила бы столько же, сколько билетъ, выданный на банкрота, и какъ простой лоскутокъ бумаги не имѣла бы ровно никакой цѣны.

Точно также хотя всѣ жители страны могутъ получать или въ дѣйствительности чаще всего и получаютъ свой недѣльный или годовой доходъ деньгами, однако ихъ дѣйствительное богатство, ихъ дѣйствительный недѣльный или годовой доходъ, взятый въ совокупности, будетъ всегда великъ или малъ, смотря по количеству предметовъ потребленія, которые можно купить на эти деньги. Доходъ всѣхъ жителей, взятый въ совокупности, очевидно, равенъ не деньгамъ и предметамъ потребленія въ одно время, но какой нибудь одной изъ этихъ двухъ цѣнностей и послѣдней собственно больше, чѣмъ первой.

Такимъ образомъ если мы часто выражаемъ чей нибудь доходъ металлической монетой, которою онъ ежегодно выплачивается, то потому только, что количествомъ этой монеты опредѣляется степень возможности для такого лица купить нужные ему предметы, или цѣнность товаровъ, которые онъ можетъ ежегодно потреблять. Тѣмъ не менѣе мы признаемъ, что доходъ его заключается именно въ этой способности купить или потребить, а не въ монетѣ, которая служитъ только средствомъ осуществленія этой способности.

Если это положеніе достаточно ясно по отношенію къ одному человѣку, то оно еще очевиднѣе по отношенію къ цѣлому обществу. Количество металлической монеты, ежегодно выплачиваемой отдѣльному лицу, часто бываетъ совершенно равно его доходу, и въ такомъ случаѣ оно служитъ самымъ простымъ и наилучшимъ выраженіемъ цѣнности этого дохода. Что же касается до цѣлаго общества, то количество обращающейся въ немъ монеты никогда не можетъ равняться совокупному доходу

всѣхъ его членовъ. Такъ какъ одною и тою же гинеей оплачивается сегодня недѣльное содержаніе одного лица, завтра же—другого, а послѣ завтра—третьяго, то очевидно, что количество металлическихъ монетъ, ежегодно обращающихся въ странѣ, всегда будетъ представлять собою гораздо меньшую цѣнность, чѣмъ совокупность всѣхъ содержаній, ежегодно выплачиваемыхъ этими монетами. Но способность купить, равно какъ и совокупность предметовъ, которые могутъ быть куплены одни вслѣдъ за другими на общую сумму содержаній въ деньгахъ, по мѣрѣ того какъ они выплачиваются послѣдовательно одни за другими, должны быть всегда безусловно одинаковой цѣнности, какъ со всѣми этими содержаніями вмѣстѣ взятыми, такъ и съ совокупнымъ доходомъ тѣхъ лицъ, которымъ эти содержанія выплачиваются. А слѣдовательно, этотъ совокупный доходъ общества заключается не въ кускахъ монеты, количество которой всегда меньше цѣнности этого дохода, а въ способности купить, то-есть въ тѣхъ предметахъ потребленія, которые могутъ быть куплены одни вслѣдъ за другими на эти деньги, по мѣрѣ того какъ послѣднія переходятъ изъ рукъ въ руки.

Такимъ образомъ хотя деньги, этотъ великій двигатель обращенія, это великое орудіе торговли, и составляютъ, подобно всѣмъ другимъ орудіямъ производства, часть и притомъ очень цѣнную часть капитала общества, которому онъ принадлежитъ, однако сами безусловно ни одною іотою не входятъ въ составъ его дохода. Хотя куски металла, образующіе монету, ежегодно обращаясь въ странѣ, вѣрно распредѣляютъ доходы, доставляя каждому

то, что ему должно принадлежать, однако сами по себѣ не образуютъ никакой части этого дохода.

Наконецъ, въ-третьихъ, эта часть оборотнаго капитала, заключающаяся въ деньгахъ, имѣетъ еще и другое сходство съ машинами, орудіями производства и пр., составляющими постоянный капиталъ. Это сходство заключается въ томъ, что какъ всякое сбереженіе въ расходахъ по заготовкѣ и содержанію этихъ машинъ, если только оно не уменьшаетъ производительной силы труда, увеличиваетъ чистый доходъ общества, точно также и всякое сбереженіе въ расходахъ на заготовку и содержаніе части оборотнаго капитала, заключающейся въ деньгахъ, вызываетъ такое же увеличеніе.

Достаточно ясно (впрочемъ, это уже было объяснено выше), что всякое сбереженіе въ расходахъ по содержанію постояннаго капитала увеличиваетъ чистый доходъ общества. Общій капиталъ всякаго предпринимателя непремѣнно дѣлится на капиталъ постоянный и оборотный. Пока этотъ общій капиталъ остается въ одномъ и томъ же размѣрѣ, одна изъ этихъ двухъ частей его всегда уменьшается, соотвѣтственно тому, какъ увеличивается другая. Назначеніе оборотнаго капитала состоитъ въ томъ, чтобы доставлять первоначальный матеріалъ для производства, оплачивать вознагражденіе рабочихъ и пускать въ ходъ самое производство. А потому всякое сбереженіе расходовъ по содержанію постояннаго капитала, если только оно не уменьшаетъ производительности труда, должно увеличивать средства, на которыя содержится производство, а слѣдовательно увеличивать и годовой продуктъ земли и труда, т. е. *дѣйствительный доходъ* всего общества.

Бумажныя деньги, введенныя вмѣсто золотой и серебряной монеты, замѣнили одно чрезвычайное дорогое орудіе торговли другимъ, несравненно болѣе дешевымъ, а иногда и не менѣе удобнымъ. Такимъ образомъ было введено новое орудіе обращенія, приготовленіе и содержаніе котораго стало обходиться гораздо дешевле прежняго. Но какъ вообще совершается эта операція и чѣмъ именно содѣйствуетъ она увеличенію валового или чистаго дохода общества? Вотъ вопросъ, который на первый взглядъ совсѣмъ не такъ ясенъ и потому заслуживаетъ болѣе подробнаго объясненія.

Есть много разныхъ родовъ *бумажныхъ денегъ*, но изъ нихъ болѣе извѣстны билеты, которые выдаются банками и банкирами и, кажется, лучше другихъ достигаютъ указанной цѣли.

Когда страна достаточно вѣритъ въ богатство, честность и благоразуміе какого нибудь банкира и вполнѣ увѣрена, что онъ всегда оплатитъ наличными деньгами свои билеты и обязательства, въ какомъ бы количествѣ они за-разъ ни были предъявлены къ нему, то эти билеты начинаютъ ходить также свободно, какъ золотая и серебряная монета, въ силу общей увѣренности, что на нихъ во всякое время можно получить наличныя деньги.

Положимъ, что какой-нибудь банкиръ роздалъ своими билетами по рукамъ знакомыхъ сумму въ 100 тыс. фун. Такъ какъ эти билеты исполняютъ всюду назначеніе денегъ, то заемщики платятъ банкиру тотъ же процентъ, какой они заплатили бы ему за наличныя деньги. Этотъ-то процентъ и есть источникъ его барыша. Хотя одна часть этихъ билетовъ постоянно возвращается къ банкиру для упла-

ты по нимъ денегъ, однако другая часть ихъ продолжаетъ свободно обращаться въ продолженіе многихъ мѣсяцевъ и годовъ. Поэтому хотя вообще такихъ билетовъ находится въ обращеніи на сумму до 100 тыс. фун., однако часто бываетъ достаточно имѣть на готовѣ и 20 тыс. фун. золотой и серебряной монетой для удовлетворенія всѣхъ требованій, которыя могли бы быть предъявлены банкиру. Слѣдовательно, благодаря такой операціи, 20 тыс. фун. золотой и серебряной монетой безусловно исполняютъ тоже назначеніе, что и 100 тыс. фун. На выпущенные этимъ банкиромъ билеты на 100 тыс. фун. могутъ совершаться точно такіе же обмѣны, и можетъ обращаться на рынкѣ и распредѣляться между потребителями точно такое же количество предметовъ потребленія, какое обращалось прежде на ту же сумму золотой и серебряной монетой. Стало быть, при такой замѣнѣ звонкой монеты билетами, можно сберечь 80 тыс. фун. на обращающейся въ странѣ звонкой монетѣ, а если бы въ то же время такія же операціи были предприняты разными другими банками и банкирами, то общая сумма всего обращенія могла бы быть исполнена на какую-нибудь пятую часть того количества золота и серебра, которое было необходимо прежде, до введенія бумажныхъ денегъ.

Предположимъ, напримѣръ, что общая сумма денегъ, обращающихся въ странѣ въ данное время, достигаетъ 1 мил. фун. ст., суммы, достаточной для обращенія всѣхъ годовыхъ продуктовъ земли и труда. Предположимъ еще, что черезъ нѣсколько времени разные банки и банкиры выпустили на тотъ же 1 мил. своихъ билетовъ на предъявителя, при

чемъ припасли въ своихъ кассахъ наличную сумму въ 200 тыс. фун. собственно на удовлетвореніе требованій, которыя могутъ быть предъявлены имъ для уплаты по ихъ билетамъ. При этихъ двухъ условіяхъ въ обращеніи страны находилось бы 800 тыс. фун. золотомъ и серебромъ и на 1 милл. банковыхъ билетовъ, всего, стало быть, 1.800 тыс. фун., какъ звонкою монетою, такъ и билетами. Но вѣдь прежде, т. е. до выпуска билетовъ, одного милліона фун. было достаточно для обращенія и распредѣленія между потребителями всей суммы годовыхъ продуктовъ земли и труда и, конечно, эта послѣдняя сумма не могла же вдругъ увеличиться вслѣдствіе новыхъ банковыхъ операцій, и, стало быть, этого милліона будетъ достаточно для обращенія и послѣ введенія банковыхъ билетовъ. Такъ какъ количество товаровъ, подлежащихъ покупкѣ и продажѣ, остается прежнее, то для всѣхъ этихъ покупокъ и продажъ потребуется тоже количество денегъ. Каналъ обращенія, если позволительно такъ выразиться, останется совершенно тотъ же, что былъ и прежде, и такъ какъ по нашему предположенію одного милліона достаточно для его наполненія, то все, что вольется въ него сверхъ этой суммы, не потечетъ свободно по немъ, а выльется вонъ. По нашему предположенію въ этотъ каналъ влито 1.800 тыс. фун., и слѣдовательно 800 тыс. фун. непремѣнно выльются изъ него, потому что эта сумма составитъ излишекъ противъ того, что необходимо для всѣхъ оборотовъ страны. Но если эта сумма не можетъ найти себѣ употребленія дома, внутри страны, то она все-таки слишкомъ цѣнна, чтобы остаться безъ всякаго употребленія и вотъ ее перешлютъ

за границу, гдѣ она найдетъ себѣ выгодное помѣщеніе, котораго не оказалось для нея дома. Но этого нельзя сдѣлать съ бумажными деньгами, потому что они вдали отъ банковъ, которые ихъ выпустили, и вдали отъ страны, гдѣ въ случаѣ неуплаты можно обратиться къ защитѣ закона. не войдутъ въ общее употребленіе. Слѣдовательно золото и серебро уйдетъ за границу въ количествѣ до 800 тыс. фун., а каналъ внутренняго обращенія будетъ наполненъ на милліонъ фун. бумажными деньгами, вмѣсто прежняго милліона фун. металлическихъ *).

Но если такая большая сумма золота и серебра уходитъ за границу, то изъ этого еще не слѣдуетъ заключать, что она пересылается туда даромъ и что владѣльцы этихъ денегъ дѣлаютъ ими подарокъ иностранцамъ. Нѣтъ, они промѣниваютъ ее на разные иностранные товары, назначенные для потребленія какого нибудь другого народа или собственной страны.

---

*) Объясненіе автора—какъ бумажныя деньги замѣняютъ собою золото, не совсѣмъ точно. Каналъ обращенія, говоритъ онъ, вмѣщаетъ въ себѣ только 1 милл. и больше этого количества онъ вмѣстить не можетъ; но для него потребуется больше денегъ. если цѣнность ихъ будетъ меньше. Если эта цѣнность уменьшится вдвое, то 2 милл. будутъ обращаться въ немъ также свободно, какъ прежде обращался 1 милл. Если огромный наплывъ драгоцѣнныхъ металловъ изъ Америки могъ быть сдержанъ въ прежнихъ каналахъ обращенія, то благодаря лишь пропорціональному пониженію ихъ цѣнности, и новое пониженіе этой цѣнности могло бы сдержать въ прежнихъ границахъ и новый наплывъ этихъ металловъ. Вслѣдствіе увеличенія количества обращающихся въ странѣ металловъ на сумму выпущенныхъ бумажныхъ денегъ, цѣнность всѣхъ элементовъ этого обращенія вообще понизится. И тогда часть этихъ элементовъ, состоящая изъ золота и серебра, будетъ переслана за границу, гдѣ и возстановится ея прежняя цѣнность на всемірномъ рынкѣ, внутри же страны она замѣнится выпускомъ бумажныхъ денегъ. —Бухананъ.

Если владѣльцы этого количества звонкой монеты употребятъ его за границей на покупку товаровъ, назначенныхъ на потребленіе какого нибудь другого народа или на такъ-называемую *перевозочную* торговлю, то вся прибыль, какую они могутъ получить, увеличитъ собою чистый доходъ ихъ страны. Этимъ составится какъ бы новый фондъ, который послужитъ основаніемъ для новой торговли: всѣ домашніе обороты будутъ производиться на бумажныя деньги, а все бывшее прежде въ обращеніи золото и серебро будетъ превращено въ товары, составляющіе основаніе этой новой торговли.

Если же владѣльцы золота и серебра обратятъ его на покупку иностранныхъ товаровъ, назначенныхъ для внутренняго потребленія своей страны, то они или купятъ товары, служащіе предметами потребленія для людей праздныхъ, которые сами ничего не производятъ, какъ, напримѣръ, иностранныя вина, шелковыя издѣлія и пр., или же накупятъ новыхъ сырыхъ матеріаловъ, орудій производства и средствъ пропитанія для содержанія и доставленія занятій новому числу рабочихъ, которые съ избыткомъ возвратятъ цѣнность всего, что они потребили въ теченіе года.

Въ первомъ случаѣ эти деньги послужатъ только усиленію расточительности: они увеличатъ расходы и расширятъ потребленіе, но не усилятъ самого производства и не создадутъ никакого постояннаго запаса, изъ котораго могли бы покрываться эти новые расходы, а слѣдовательно во всѣхъ отношеніяхъ принесутъ одинъ только вредъ обществу.

Во второмъ случаѣ они въ той же мѣрѣ раздвинутъ предѣлы промышленности, и хотя также уве-

личатъ потребленіе общества, однако въ то же время откроютъ постоянный источникъ для его восполненія, потому что потребители съ избыткомъ возстановятъ все, что они потребили въ теченіе года. При этомъ валовой доходъ общества, ежегодный продуктъ его земель и труда увеличится на всю ту сумму цѣнностей, которую рабочіе своимъ трудомъ прибавятъ къ цѣнности первоначальныхъ матеріаловъ, ими переработанныхъ, а съ этимъ вмѣстѣ, увеличится и чистый доходъ общества на ту сумму, какая останется у него за вычетомъ расходовъ на содержаніе машинъ и орудій производства.

Мнѣ представляется не только вѣроятнымъ, но почти несомнѣннымъ, что бо̀льшая часть золота и серебра, вытѣсненная за границу банковыми операціями и назначенная на покупку иностранныхъ товаровъ для внутренняго потребленія страны, употребляется и должна быть употребляема на покупку товаровъ второго рода, т. е. такихъ, которые содѣйствуютъ развитію внутренняго производства. Хотя всегда есть люди, способные значительно усилить свои расходы, не увеличивая въ то же время ни на одну іоту своего дохода, однако можно быть увѣреннымъ, что не найдется все-таки цѣлаго класса людей, который сталъ бы такимъ способомъ вести свои дѣла, потому что если принципами обычнаго благоразумія не всегда руководствуются отдѣльныя лица, то эти принципы все-таки постоянно оказываютъ свое вліяніе на большинство людей, принадлежащихъ къ какому нибудь одному классу или разряду общества. Во всякомъ случаѣ доходъ праздныхъ людей, если смотрѣть на нихъ, какъ на отдѣльный классъ общества, ни на волосъ не увели-

чивается вслѣдствіе банковыхъ операцій. А потому эти операціи не могутъ значительно содѣйствовать увеличенію вообще ихъ расходовъ, хотя въ частности расходы нѣкоторыхъ изъ этихъ лицъ не только могутъ увеличиться, но иногда и дѣйствительно увеличиваются. Слѣдовательно, такъ какъ спросъ этихъ праздныхъ людей на товары остается въ томъ же, или почти въ томъ же размѣрѣ, какъ и прежде, то, вѣроятно, лишь очень малая часть денегъ, вытѣсненныхъ банками за границу и употребленныхъ тамъ на покупку иностранныхъ товаровъ для внутренняго потребленія, пойдетъ на покупку предметовъ, необходимыхъ этимъ людямъ. Большая же часть этихъ денегъ будетъ, безъ сомнѣнія, назначена на расширеніе труда и промышленности, а не на пріобрѣтеніе предметовъ только для праздныхъ удовольствій.

Когда вычисляется количество промысловъ, содержимыхъ на счетъ оборотнаго капитала общества, то необходимо всегда принимать во вниманіе только три части этого капитала, заключающіяся въ продовольствіи, первоначальныхъ матеріалахъ и фабричныхъ издѣліяхъ и исключать изъ счета четвертую часть, состоящую въ деньгахъ, такъ какъ онѣ служатъ только орудіемъ обращенія первыхъ трехъ частей. Чтобы основать какое нибудь производство необходимы: первоначальные матеріалы, которые обрабатываются, орудія и инструменты, которыми работаютъ и заработная плата изъ-за которой работаютъ. Деньги же не составляютъ ни матеріала, назначеннаго для обработки, ни орудій и инструментовъ, которыми можно работать, и хотя обыкновенно деньгами выплачивается заработная плата

рабочему, однако дѣйствительный доходъ его, какъ и всякаго другого, заключается собственно не въ деньгахъ, а въ томъ, чего стоютъ эти деньги, не въ кускахъ звонкой монеты, а въ томъ, что можно купить на нихъ.

Количество производствъ, которое можетъ быть основано на оборотный капиталъ, должно, очевидно, соотвѣтствовать числу рабочихъ, которымъ онъ можетъ доставить первоначальные матеріалы, орудія производства и приличное промыслу существованіе. Деньги могутъ быть необходимы для закупки матеріаловъ и орудій производства, а также продовольствія для рабочихъ. Но количество производствъ, которое можетъ быть заведено на общую сумму этого капитала, не можетъ равняться въ одно и то же время и деньгамъ, на которыя дѣлаются закупки, и матеріаламъ, орудіямъ производства и продовольствію, которыя покупаются на эти деньги; оно будетъ равняться всегда одной изъ этихъ двухъ цѣнностей и скорѣе цѣнности послѣднихъ, нежели первыхъ.

При замѣнѣ золотой и серебряной монеты бумажными деньгами, все количество матеріаловъ, орудій производства и продовольствія, доставляемое оборотнымъ капиталомъ, можетъ быть увеличено на всю сумму цѣнности золота и серебра, какая обыкновенно употреблялась на покупку ихъ. Полная цѣнность великаго двигателя обращенія и распредѣленія цѣнностей сама поступаетъ въ массу обращавшихся и распредѣлявшихся при его помощи товаровъ. Такую операцію можно сравнить съ тѣмъ, какъ если бы предприниматель большой фабрики, вслѣдствіе какого нибудь счастливаго открытія въ

механикѣ, перестроилъ свои старыя машины и воспользовался выгодою отъ разницы между цѣною прежнихъ и новыхъ машинъ; эту разницу онъ могъ бы присоединить къ оборотному капиталу фабрики, т. е. къ той общей массѣ, изъ которой потомъ сталъ бы почерпать бо́льшія средства для снабженія своихъ рабочихъ необходимыми матеріалами и заработною платою.

Опредѣлить въ какомъ отношеніи сумма обращающихся въ странѣ денегъ должна находиться къ общей цѣнности ежегодныхъ продуктовъ, приводимыхъ ею въ обращеніе, можетъ быть, и невозможно. Одни писатели опредѣляли это отношеніе въ одну пятую, другіе — въ одну десятую и даже въ одну двадцатую и тридцатую часть этой цѣнности. Но какъ бы ничтожно ни было это отношеніе находящихся въ обращеніи денегъ къ суммѣ годовыхъ продуктовъ страны, а такъ какъ лишь не большая, а часто даже и очень малая часть произведенныхъ продуктовъ назначается на поддержаніе промышленности, то сумма находящихся въ обращеніи денегъ должна быть всегда очень значительна по отношенію къ этой части. Такъ, если бы вслѣдствіе введенія бумажныхъ денегъ, количество золота и серебра, необходимое для обращенія, уменьшилось хотя бы до пятой части ихъ прежняго количества, то поступленіе остальныхъ четырехъ пятыхъ частей въ общій запасъ цѣнностей, назначенныхъ на поддержаніе промышленности, составили бы все-таки весьма значительное подспорье, какъ для этой послѣдней, такъ, слѣдовательно, и для годового производства земли и труда.

Подобное явленіе имѣло мѣсто двадцать пять или

тридцать лѣтъ тому назадъ въ Шотландіи, благодаря новымъ банковымъ учрежденіямъ, возникшимъ тамъ почти во всѣхъ сколько нибудь значительныхъ городахъ и даже въ нѣкоторыхъ деревняхъ.

Тамъ эта операція имѣла тѣ же самыя послѣдствія, какія я только-что описалъ. Почти всѣ дѣла ведутся тамъ теперь на бумаги, которыя выпускаются разными банковыми учрежденіями и на которыя совершаются покупки и продажи всякаго рода. Серебра тамъ почти не видно, развѣ только для размѣна банковыхъ билетовъ стоимостью въ какіе нибудь 20 шиллинговъ, а золото встрѣчается еще рѣже. Хотя эти различныя компаніи вели свои дѣла и не совсѣмъ правильно, такъ что потребовался особый актъ парламента, чтобы привести ихъ въ порядокъ, тѣмъ не менѣе торговля страны извлекла изъ нихъ большія выгоды. Меня увѣряли, что торговля Гласгова удвоилась въ теченіе какихъ нибудь пятнадцати лѣтъ послѣ учрежденія въ этомъ городѣ первыхъ банковъ, а торговля Шотландіи болѣе чѣмъ учетверилась со времени учрежденія первыхъ двухъ общественныхъ банковъ въ Эдинбургѣ, изъ которыхъ одинъ, такъ-называемый шотландскій банкъ былъ учрежденъ актомъ парламента въ 1695 г., а другой, королевскій банкъ—королевскою грамотой въ 1727 г. Я не стану утверждать, что торговля Шотландіи вообще, или города Гласгова въ частности, расширилась именно въ такой сильной степени и притомъ въ такой короткій промежутокъ времени. Хотя та и другая торговля сдѣлали такіе быстрые успѣхи, однако они были, кажется, слишкомъ велики, чтобы позволительно было приписать ихъ вліянію одной только этой причины. Но все-таки

нельзя сомнѣваться въ томъ, что торговля и промышленность Шотландіи сдѣлали тогда успѣхи весьма значительные и что возникшіе въ то время банки во многомъ содѣйствовали этимъ успѣхамъ.

Большая часть банковъ и банкировъ выпускаютъ свои билеты главнымъ образомъ при помощи дисконтной операціи, то есть выдавая впередъ деньги по векселямъ до наступленія срока платежа по нимъ, при чемъ изъ выдаваемой ими впередъ суммы они удерживаютъ въ свою пользу законный процентъ по разсчету времени, остающагося до срока уплаты по этимъ векселямъ. При наступленіи же этого срока банкъ получаетъ съ заемщика всю выданную имъ впередъ сумму, при чемъ удержанный имъ процентъ составляетъ его чистую прибыль. Банкиръ, уплачивая купцу, вексель котораго принимаетъ къ учету, не золотомъ, или серебромъ, а только своими билетами, получаетъ ту выгоду, что можетъ расширить свою дисконтную операцію на всю цѣнность своихъ билетовъ, сколько ихъ, какъ онъ знаетъ по опыту, находится обыкновенно въ обращеніи, а это даетъ ему возможность получить въ свою пользу чистый барышъ со столько же большей суммы.

Общая сумма бумажныхъ денегъ всякаго рода, свободно обращающихся въ странѣ, никогда не можетъ превосходить цѣнности золотой и серебряной монеты, которую они замѣняютъ, или той цѣнности этой монеты, которая обращалась бы (предполагая, что размѣры торговли не измѣнились), если бы бумажныхъ денегъ не было вовсе. Если, напримѣръ, билеты въ 20 шиллинговъ составляютъ самыя мелкія бумажныя деньги, какія обращаются въ Шот-

ландіи, то вся сумма этихъ знаковъ, какая только можетъ свободно обращаться тамъ, не должна превышать суммы золота и серебра, которая была необходима для всѣхъ сдѣлокъ цѣнностью каждая въ 20 шиллинговъ и болѣе, обыкновенно совершавшихся въ этой странѣ въ теченіе года. А если случится, что бумажныя деньги превысятъ эту сумму, то весь излишекъ ихъ непремѣнно вернется въ банкъ для уплаты золотомъ и серебромъ, потому что онъ не можетъ ни уйти за границу, ни оставаться для обращенія внутри страны. Тогда очень скоро многіе замѣтили бы, что въ распоряженіи ихъ находится бумажныхъ денегъ больше, чѣмъ сколько имъ нужно для уплатъ внутри страны и, такъ какъ они не могли бы помѣстить ихъ за границею, то тотчасъ же обратились бы въ банкъ и потребовали бы уплаты по нимъ наличными деньгами. Правда, если бы они обратили этотъ излишекъ бумажныхъ денегъ въ звонкую монету, то могли бы легко найти ему помѣщеніе за границей, но все-таки они ничего не могутъ сдѣлать съ нимъ, пока онъ остается у нихъ въ формѣ бумажныхъ денегъ. Вслѣдствіе всего этого, въ банкахъ немедленно оказался бы приливъ бумажныхъ денегъ какъ-разъ въ размѣрѣ этого излишка, а можетъ быть даже и въ гораздо большей степени, если встрѣтилась бы медленность или какое нибудь затрудненіе въ размѣнѣ билетовъ, а возбужденная такою задержкою тревога еще болѣе усилила бы требованіи обмѣна бумагъ на звонкую монету.

Каждый банкирскій домъ, кромѣ расходовъ одинаковыхъ со всякимъ торговымъ заведеніемъ, какъ наемъ помѣщенія, жалованье прислугѣ, прикащи-

камъ, бухгалтерамъ и пр., имѣетъ еще свои особые расходы, состоящіе главнымъ образомъ изъ слѣдующихъ двухъ статей: 1) расходовъ, необходимыхъ для того, чтобы постоянно держать въ кассѣ наготовѣ большую сумму денегъ безъ процентовъ, на случай требованія уплатъ по билетамъ; 2) расходовъ, необходимыхъ для немедленнаго пополненія кассы, по мѣрѣ того какъ она истощается вслѣдствіе этихъ уплатъ.

Всякій банкъ, который выпускаетъ своихъ билетовъ больше, чѣмъ сколько нужно ихъ для обращенія страны и къ которому этотъ излишекъ безпрестанно возвращается для размѣна на звонкую монету, долженъ увеличить постоянно имѣющееся у него въ кассѣ количество золота и серебра не только въ размѣрѣ этого излишка выпущенныхъ имъ билетовъ, но еще въ гораздо большей степени, потому что билеты предъявляются ему къ уплатѣ гораздо быстрѣе, чѣмъ увеличивается самый избытокъ билетовъ. А слѣдовательно такой банкъ долженъ увеличить первую статью своихъ расходовъ въ гораздо большей степени, чѣмъ сколько требуется тѣмъ искусственнымъ расширеніемъ дѣлъ, какое онъ самъ вызвалъ излишнимъ выпускомъ своихъ билетовъ.

Сверхъ того, хотя бы касса такого банка и пополнялась обильно деньгами, однако она пустѣла бы гораздо скорѣе, чѣмъ если бы правленіе его вело свои дѣла въ болѣе благоразумныхъ размѣрахъ, а для пополненія ея потребовались бы вообще не только болѣе усиленные, но и болѣе частые и постоянные расходы. Притомъ деньги, постоянно выходящія изъ такой кассы, да еще такими бол-

шими суммами, не найдутъ себѣ помѣщенія во внутреннемъ обращеніи страны; они получатъ такое же значеніе, какъ и бумажныя деньги, выпущенныя въ большемъ количествѣ, чѣмъ сколько нужно ихъ для внутренняго обращенія. Но такъ какъ эти деньги существуютъ не для того, чтобы лежать безъ употребленія, то придется переслать ихъ въ той и другой формѣ за границу, чтобы тамъ найти имъ выгодное помѣщеніе, котораго не оказалось для нихъ внутри страны, а такой постоянный вывозъ золота и серебра долженъ, въ свою очередь, непремѣнно еще болѣе затруднить банкъ и, слѣдовательно, увеличить его расходы на то, чтобы пріобрѣсть новую звонкую монету для пополненія кассы, пустѣющей съ такою быстротой. Изъ этого выходитъ, что для банка, по мѣрѣ того какъ онъ искусственно расширяетъ свои обороты, необходимо увеличивать свои расходы второго разряда еще сильнѣе, чѣмъ перваго.

Представимъ себѣ банкъ, который выпустилъ всѣхъ билетовъ (наибольшее количество, какое нужно для свободнаго обращенія страны) на сумму ровно въ 40.000 фун. и который на случай всякихъ требованій уплаты по нимъ денегъ, долженъ постоянно держать въ кассѣ наличными деньгами четвертую часть суммы выпущенныхъ билетовъ, то есть 10.000 фун. Если онъ выпуститъ билеты не на 40.000, а на 44.000 фун., то эти 4.000 фун., превышающіе потребность въ нихъ страны, возвратятся въ банкъ тотчасъ же, какъ только они будутъ выпущены. И тогда банкъ для удовлетворенія требованій въ размѣнѣ билетовъ, принужденъ будетъ постоянно держать въ кассѣ уже не 10.000, а

14.000 фун. Онъ не только не получитъ за эти излишне выпущенные 4.000 фун. никакого барыша, но еще останется въ чистомъ убыткѣ на всю сумму расходовъ, необходимыхъ для постояннаго пополненія кассы на эту сумму золотомъ и серебромъ, которыя будутъ уходить изъ кассы также быстро, какъ будутъ поступать въ нее.

Если бы каждый банкъ всегда вѣрно понималъ свои выгоды и руководился ими, то обращеніе страны никогда ни было бы переполнено бумажными деньгами; но въ томъ-то и бѣда, что Эти учрежденія не всегда ясно видятъ и понимаютъ свои собственныя выгоды, а вслѣдствіе этого бумажныя деньги такъ часто затрудняютъ обращеніе.

Когда купцы, пользуясь легкимъ кредитомъ въ банкѣ, какъ по учету своихъ векселей, такъ и по текущимъ счетамъ, не имѣютъ надобности держать дома на-готовѣ какую нибудь часть своего капитала безъ всякаго движенія, въ наличныхъ деньгахъ, на случай всякихъ требованій, то простое благоразуміе требуетъ отъ нихъ не ждать болѣе широкой помощи отъ своихъ банковъ и банкировъ, ибо послѣдніе, доставивъ имъ полный кредитъ, не могутъ идти дальше, не нарушивъ собственнаго интереса и безопасности. Никакой банкъ не можетъ, не нарушивъ своихъ собственныхъ интересовъ, выдать купцу сумму, равную оборотному капиталу, на который онъ ведетъ свое дѣло, или даже наибольшую часть этого капитала, потому что хотя этотъ послѣдній то и дѣло поступаетъ къ нему и потомъ снова выходитъ у него изъ рукъ въ формѣ денегъ, однако между моментомъ, когда онъ по частямъ поступаетъ къ нему, и моментомъ, когда онъ опять

по частямъ уходитъ у него изъ рукъ, проходитъ иногда слишкомъ большой промежутокъ времени; сумма же получаемыхъ имъ взносовъ не можетъ всегда соотвѣтствовать суммѣ сдѣланныхъ имъ въ не большіе промежутки времени ссудъ, безъ нарушенія прямыхъ интересовъ банка. Еще менѣе имѣетъ банкъ возможность выдать своему кліенту какую нибудь значительную часть его постояннаго капитала, какъ напримѣръ: капитала, который желѣзный заводчикъ употребляетъ на постройку своего завода, горна, мастерскихъ, магазиновъ, помѣщеній для рабочихъ и пр.;—капитала, который владѣлецъ каменноугольныхъ копей употребляетъ на работы по укрѣпленію земли отъ обваловъ, на постройку водочерпальныхъ машинъ, на устройство путей для вывоза угля и пр.;—капитала, который землевладѣлецъ употребляетъ на орошеніе, осушку огорожу, унавоженіе, искуственное удобреніе и обработку не воздѣланныхъ еще участковъ, на постройку фермъ со всѣми ихъ службами, скотными дворами, амбарами и т. д. Возстановленіе расходовъ изъ постояннаго капитала происходитъ всегда гораздо медленнѣе, чѣмъ изъ оборотнаго капитала; такіе расходы, какъ бы предусмотрительно и благоразумно они ни производились, не возвращаются назадъ къ предпринимателю иначе, какъ по прошествіи многихъ лѣтъ,—срокъ, во всякомъ случаѣ слишкомъ продолжительный для того, чтобы можно было приладиться къ требованіямъ банка.

Правда, купцы и фабриканты могутъ свободно вести большую часть своихъ дѣлъ и предпріятій на заемныя деньги. Но въ такомъ случаѣ справедливость требуетъ чтобы ихъ собственный капиталъ

могъ служить, такъ-сказать, достаточнымъ обезпеченіемъ капитала ихъ кредиторовъ, или по крайней мѣрѣ чтобы эти кредиторы не подвергались ни малѣйшей опасности потерпѣть какой нибудь убытокъ даже въ случаѣ, если бы дѣло совершенно не оправдало ожиданій его предпринимателей. Но если и при такой предосторожности, кому нибудь нужны деньги, по которымъ платежъ можетъ послѣдовать не ранѣе какъ черезъ нѣсколько лѣтъ, то заемъ этотъ долженъ быть сдѣланъ не въ банкѣ, а подъ залогъ какой нибудь недвижимости у частныхъ лицъ, которыя, располагая жить на проценты съ своихъ денегъ, вовсе не думаютъ употреблять свой капиталъ въ какое нибудь промышленное предпріятіе и поэтому охотно дадутъ его взаймы людямъ надежнымъ, на срокъ нѣсколькихъ лѣтъ. Правда, что банкъ, дѣлающій ссуды безъ всякихъ расходовъ на гербовую бумагу и на нотаріальное свидѣтельство по закладной и получающій по нимъ платежи съ такими удобствами, какія доставляютъ имъ, напримѣръ, шотландскіе банки, можетъ быть, безъ сомнѣнія, самымъ удобнымъ кредиторомъ для такихъ предпринимателей и спекулянтовъ; но съ другой стороны, такія предприниматели будутъ самыми не удобными должниками для такого банка.

Прошло теперь уже болѣе 25 лѣтъ, какъ разные шотландскіе банки выпустили бумажныя деньги въ такомъ количествѣ, какое только можетъ свободно вывести обращеніе страны; ихъ было выпущено даже нѣсколько больше, чѣмъ нужно. Въ промежуткѣ довольно продолжительнаго времени эти банки оказали торговцамъ и предпринимателямъ въ Шотландіи такую широкую помощь, какая только

была возможна для банковъ и банкировъ безъ ущерба ихъ собственнымъ интересамъ. Они даже переступили нѣсколько границу своихъ оборотовъ и понесли нѣкоторую потерю, или по крайней мѣрѣ получили меньше прибылей, что̀ въ такой торговлѣ и бываетъ всегда неминуемымъ послѣдствіемъ малѣйшаго нарушенія установленныхъ границъ.

Но торговцы и предприниматели, воспользовавшись такою широкою помощью банковъ и банкировъ, старались выманить у нихъ еще болѣе денегъ; они воображали, кажется, что банки могли расширить имъ ихъ кредиты до любой суммы, какая бы только потребовалась отъ нихъ, не подвергаясь при этомъ никакимъ лишнимъ расходамъ, кромѣ развѣ нѣсколькихъ стопъ бумаги. Эти люди жаловались на слишкомъ узкія воззрѣнія и ребяческую робость директоровъ банковъ, которые, какъ они доказывали, не умѣли будто бы увеличить раздаваемые ими кредиты соотвѣтственно расширявшейся торговлѣ страны, разумѣя, безъ сомнѣнія, подъ расширеніемъ торговли размѣры собственныхъ предпріятій, превосходившихъ какъ ихъ собственныя средства, такъ и размѣры кредита, которымъ могли пользоваться у частныхъ лицъ, на общемъ основаніи, подъ залогъ какихъ нибудь цѣнностей или недвижимости. Они, кажется, воображали себѣ, что собственное достоинство банка обязывало его покрыть имъ этотъ недочетъ и снабдить ихъ полностью капиталомъ, который имъ былъ нуженъ для ихъ предпріятій. Но банки были иного мнѣнія и, когда они отказались расширить кредиты, то нѣкоторые изъ этихъ спекулянтовъ обратились къ средству, которое на-время удовлетворило ихъ желаніямъ, прав-

да, съ большими для нихъ расходами, но такимъ же дѣйствительнымъ образомъ, какъ самое не умѣренное расширеніе кредитовъ банка. Средство это заключалось ни въ чемъ другомъ, какъ уже въ извѣстной тогда на практикѣ *трасировкѣ*, въ смыслѣ послѣдовательной выдачи векселей другъ на друга,— средство, къ которому прибѣгали иногда несчастные торговцы, наканунѣ своего банкротства. Этотъ способъ добывать деньги съ давнихъ поръ былъ извѣстенъ въ Англіи, и говорятъ, что имъ пользовались тамъ черезъ-чуръ широко въ продолженіи послѣдней войны, когда высокая цѣна товаровъ служила для многихъ соблазномъ къ расширенію своихъ оборотовъ выше наличныхъ средствъ, которыми они располагали. Изъ Англіи этотъ обычай перешелъ въ Шотландію, гдѣ, не смотря на сравнительно ограниченную торговлю и меньшее количество капиталовъ, онъ развился еще сильнѣе, чѣмъ даже въ самой Англіи.

Въ странѣ, гдѣ обыкновенная прибыль съ капиталовъ, въ большей части торговыхъ операцій, составляетъ отъ 6% до 10%, только исключительно счастливое предпріятіе можетъ дать такой барышъ, который не только покрылъ бы огромные расходы по займу денегъ на его устройство, но и далъ бы еще какую нибудь прибыль спекулянту. Не смотря на это, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ было проектировано и устроено много очень обширныхъ и дорогихъ предпріятій безъ всякихъ другихъ капиталовъ, кромѣ тѣхъ, которые были заняты за такіе слишкомъ большіе проценты. Безъ сомнѣнія, составители такихъ проектовъ, преисполненные радужныхъ мечтаній, ни на минуту не сомнѣвались въ полученіи

огромныхъ прибылей. Но я думаю, что весьма рѣдкимъ изъ нихъ выпадало счастье получить такія выгоды въ минуту ихъ пробужденія, все равно— наступала ли она при осуществленіи ихъ проектовъ, или тогда, когда уже оказывалось невозможно вести больше начатыя ими предпріятія.

Во многихъ случаяхъ количество бумажныхъ денегъ, выпущенныхъ по учтеннымъ векселямъ, доходило до полной суммы капиталовъ, на которые обращались нѣкоторыя обширныя предпріятія земледѣльческія, торговыя или фабричныя, вмѣсто того, чтобы составить только ту часть капиталовъ, которую эти прожектеры должны бы были, при отсутствіи бумажныхъ денегъ, имѣть всегда на-готовѣ наличными деньгами на случай могущихъ возникнуть требованій. Вслѣдствіе этого оказывалось, что выпущенныя бумаги въ значительной степени превышали то количество звонкой монеты, которое обращалось бы въ странѣ, если бы въ ней не существовало совсѣмъ бумажныхъ денегъ. Оказывался, стало быть, излишекъ этихъ бумагъ противъ того, что было необходимо для свободнаго обращенія ихъ въ странѣ, и этотъ излишекъ немедленно возвращался назадъ въ банки для размѣна на золото и серебро, которое и приходилось имъ добывать во что бы то ни стало. Эти прожектеры съумѣли выудить капиталы изъ банковъ такъ искусно, что послѣдніе не только не давали на выдачу ихъ своего формальнаго согласія и подчасъ ничего не знали о такихъ выдачахъ, но въ теченіе продолжительнаго времени даже и не подозрѣвали, что такія большія деньги дѣйствительно были выданы ими.

Когда два лица взаимно выдаютъ одинъ на дру-

гого векселя и учитываютъ ихъ все въ одномъ и томъ же банкѣ, то онъ, конечно, очень скоро замѣтитъ ихъ продѣлку и убѣдится, что они спекулируютъ не на свой собственный капиталъ, а на деньги, которыми онъ ихъ снабжаетъ. Но разоблачить такую продѣлку совсѣмъ не такъ легко, когда эти лица учитываютъ свои векселя то въ томъ, то въ другомъ банкѣ, когда при этомъ въ такой сдѣлкѣ по выдачѣ обоюдныхъ векселей участвуютъ не два только лица, а цѣлая компанія спекулянтовъ, находящихъ взаимную выгоду поддерживать другъ друга въ этомъ способѣ добыванія денегъ и старающихся уладить свое дѣло такъ, чтобъ даже нельзя было отличить настоящаго векселя, выданнаго дѣйствительнымъ должникомъ дѣйствительному кредитору, отъ такого векселя, по которому дѣйствительнымъ кредиторомъ является одинъ только банкъ, а дѣйствительнымъ должникомъ—аферистъ, воспользовавшійся его деньгами. Если банкиру даже и удастся открыть ихъ продѣлку, то это можетъ случиться иногда слишкомъ поздно: если онъ замѣтитъ, что, учитывая векселя этихъ господъ, онъ зашелъ слишкомъ далеко, то внезапными отказами въ учетѣ ихъ новыхъ векселей онъ можетъ поставить ихъ въ необходимость объявить себя банкротами, и тогда ихъ разореніе можетъ, пожалуй, повлечь за собою и его собственное крушеніе. И вотъ въ такихъ критическихъ обстоятельствахъ ему по неволѣ приходится, ради собственныхъ интересовъ и безопасности, продолжать, въ теченіе нѣкотораго времени, кредитовать ихъ, стараясь однако по-немногу отдѣлаться отъ нихъ самому, и такимъ образомъ, все болѣе и болѣе затрудняя дисконтъ, заставить ихъ

или обратиться къ другимъ банкирамъ, или выискать иные способы добыванія денегъ, лишь бы только какъ можно скорѣе самому выпутаться изъ бѣды. А между тѣмъ какъ только англійскій банкъ, важнѣйшіе лондонскіе банки и даже наиболѣе осторожные шотландскіе банки замѣтили, что зашли въ учетной операціи слишкомъ далеко и стали всѣми мѣрами затруднять ее, то не только подняли тревогу въ средѣ аферистовъ, но и возбудили противъ себя ихъ негодованіе въ высшей степени. Собственное разореніе, бывшее, конечно, прямымъ результатомъ благоразумной и необходимой сдержанности банковъ, эти господа называли разореніемъ народнымъ, а этимъ народнымъ разореніемъ, говорили они, обязана страна ничему другому, какъ невѣжеству, ребяческой трусости и недобросовѣстности банковъ, которые не захотѣли оказать широкую помощь прекраснымъ предпріятіямъ геніальныхъ людей, задуманнымъ ради славы, благосостоянія и богатства народа. Они, кажется, вообразили себѣ, что банки во что бы то ни стало обязаны снабжать ихъ постоянно деньгами на такой срокъ и такими большими суммами, какія имъ были нужны. Банки же, въ свою очередь, закрывъ кредитъ людямъ, которымъ и безъ того выдали денегъ слишкомъ много, воспользовались въ этомъ случаѣ единственнымъ остававшимся въ ихъ распоряженіи средствомъ спасти какъ свой собственный, такъ и общественный кредитъ своей страны.

Въ то время среди общихъ воплей и разоренія возникъ въ Шотландіи новый банкъ, учрежденный съ спеціальною цѣлью отвести угрожавшія странѣ

опасности *). Намѣреніе было благородно, но исполненіе его безразсудно; сами учредители этого банка, кажется, не сознавали ясно, въ чемъ собственно заключалось зло и въ чемъ состояли причины бѣдствій, противъ которыхъ они хотѣли дѣйствовать. Этотъ новый банкъ сталъ открывать текущіе счета и учитывать векселя еще свободнѣе, чѣмъ прежніе банки. Что касается до векселей, то онъ, кажется, не дѣлалъ никакого различія между дѣйствительными и безденежными документами и учитывалъ тѣ и другіе безъ всякаго разбора. Онъ объявилъ во всеуслышаніе, что принципъ его состоитъ въ томъ, чтобы подъ надежное обезпеченіе выдавать сполна весь нужный для предпріятій капиталъ, какъ бы медленно и въ какіе бы отдаленные сроки не производились уплаты по ссудамъ, выданнымъ даже на такія предпріятія, какъ улучшеніе земель. Говорилось даже, что поощреніе подобныхъ улучшеній составляло одну изъ главныхъ патріотическихъ задачъ, вызвавшихъ учрежденіе этого банка. Можно представить себѣ, какое огромное количество билетовъ было выпущено тогда этимъ банкомъ и съ какою легкостью онъ открывалъ кредиты и учитывалъ векселя. Но такъ какъ эти билеты по боль-

*) Этотъ банкъ открылся въ Айрѣ, въ ноябрѣ 1769 г., имѣлъ вспомогательныя кассы въ Эдинбургѣ и Думфрисѣ. Онъ прекратилъ свои платежи 25 іюня 1772 г. Хотя капиталъ его состоялъ только изъ 128.000 фун. ст. (80% на 160.000 ф. ст. складочнаго капитала), однако онъ выпустилъ своихъ обязательствъ на огромную сумму 800.000 фун. ст. Большія богатства, принадлежавшія пайщикамъ этого банка, дали имъ возможность въ концѣ всего удовлетворить всѣ требованія, предъявленныя къ банку. Полная потеря этого банка, до окончательной ликвидаціи его дѣлъ, простиралась, говорятъ, до 400.000 фун. ст.—**Макъ-Коллохъ**.

шей части составляли излишекъ противъ того количества, какое могло свободно найти себѣ помѣщеніе въ странѣ, то они тотчасъ же, какъ были выпущены, возвратились въ банкъ для размѣна ихъ на золото и серебро. Касса банка съ самаго открытія его не была достаточно снабжена деньгами. Хотя капиталъ банка по двумъ подпискамъ долженъ былъ составить 160.000 фун., однако дѣйствительно внесенныя по акціямъ деньги не превышали 80% этой суммы. Всю подписную сумму акціонеры должны были внести въ нѣсколько сроковъ, но большая часть этихъ акціонеровъ, сдѣлавъ свои первые взносы, завели въ банкѣ текущіе счета, а правленіе послѣдняго, считая себя обязаннымъ обращаться съ своими учредителями капиталистами такъ же великодушно, какъ оно обращалось со всѣми другими кліентами, дозволило многимъ изъ нихъ занять по ихъ текущимъ счетамъ тѣ суммы, которыми они уплатили банку слѣдовавшіе съ нихъ взносы по акціямъ. Такими уплатами было внесено въ одинъ ящикъ только то, что было вынуто изъ другого: никакого иного значенія эти уплаты не имѣли. Но если бы даже касса банка и была снабжена деньгами гораздо полнѣе, то и тогда чрезмѣрный выпускъ билетовъ истощилъ бы ее такъ быстро, что для банка не оставалось бы другого средства держать ее постоянно полною, какъ вести разорительную операцію, т. е. выдавать векселя на Лондонъ и, по наступленіи сроковъ, производить по нимъ платежи съ начисленіемъ процентовъ и комиссіи, при помощи новыхъ тратъ на тотъ же городъ. Но такъ какъ касса этого банка съ самаго учрежденія его не была полна, то и говорили, что

онъ принужденъ былъ обратиться къ этому средству черезъ нѣсколько же мѣсяцевъ по своемъ открытіи. Недвижимая собственность, принадлежавшая акціонерамъ банка, цѣнилась въ нѣсколько милліоновъ и на основаніи подписки, данной учредителями подъ первоначальнымъ уставомъ банка, она служила дѣйствительнымъ обезпеченіемъ того, что банкомъ будутъ исполнены всѣ принятыя имъ на себя обязательства. Большой кредитъ, которымъ онъ пользовался, благодаря такому огромному обезпеченію, далъ ему возможность, не смотря на легкомысленное веденіе дѣла, продержаться еще въ теченіе двухъ лѣтъ. Когда же онъ вынужденъ былъ остановить свои операціи, то оказалось, что имъ было выпущено билетовъ почти на 200.000 фун. Чтобы поддержать обращеніе этихъ билетовъ, возвращавшихся къ нему тотчасъ же, какъ они были выпущены, банкъ постоянно обращался къ выдачѣ на Лондонъ векселей, количество которыхъ все увеличивалось и ко дню прекращенія платежей превышало 600.000 фун. Такимъ образомъ этотъ банкъ, въ теченіе съ не большимъ двухъ лѣтъ, выдалъ разнымъ лицамъ болѣе 800.000 фун. изъ 5%. Эти 5% на 200.000 фун., обращавшихся въ билетахъ банка, могли бы, можетъ быть, составить его чистую прибыль, за исключеніемъ изъ нихъ развѣ расходовъ по содержанію управленія; но на сумму болѣе чѣмъ въ 600.000 фун., на которую онъ безпрестанно выдавалъ свои векселя на Лондонъ, ему приходилось платить процентами и коммиссіей болѣе чѣмъ по 8%, и такимъ образомъ онъ оказывался въ прямомъ убыткѣ 3% по крайней мѣрѣ на три четверти своихъ оборотовъ.

Операціи этого банка привели, кажется, къ результатамъ совершенно противоположнымъ, чѣмъ ожидали спекулянты, задумавшіе и учредившіе его. Намѣреніе ихъ состояло, кажется, въ томъ, чтобы поддержать прекрасныя и великія предпріятія,— по крайней мѣрѣ они сами считали ихъ такими—которыя возникли тогда въ разныхъ частяхъ страны, и въ то же время, стянувъ къ себѣ всѣ банковыя дѣла, задушить всѣ другія учрежденія этого рода въ Шотландіи и въ особенности эдинбургскій банкъ, возбудившій такое сильное неудовольствіе затрудненіями, которыя онъ ставилъ учету векселей. Безъ сомнѣнія, не удавшійся банкъ временно оказалъ нѣкоторую помощь спекулянтамъ и даже далъ имъ возможность протянуть ихъ предпріятія почти на два года дольше, чѣмъ они могли бы продержаться безъ его помощи. Но этимъ самымъ онъ далъ имъ возможность только увеличить свою задолженность, и какъ только наступилъ кризисъ, они и ихъ кредиторы оказались подъ бременемъ еще бо́льшихъ долговъ чѣмъ прежде. Такимъ образомъ этотъ банкъ, вмѣсто того чтобы своими операціями облегчить тягостное положеніе, въ которое эти спекулянты поставили и себя и всю страну, въ дѣйствительности только усилилъ его тѣмъ, что отсрочилъ его послѣдствія. Какъ для этихъ людей, такъ и для ихъ кредиторовъ и для всей страны было бы гораздо полезнѣе, если бы бо́льшая часть ихъ была поставлена въ необходимость прекратить свои предпріятія двумя годами раньше. Съ другой стороны, это временное облегченіе, доставленное банкомъ его неисправнымъ должникамъ, принесло дѣйствительную и прочную выгоду другимъ шотландскимъ банкамъ

Всѣ частныя лица, работавшія на безденежные векселя, которые съ тѣхъ поръ такъ не охотно стали приниматься къ учету другими учрежденіями, обратились къ новому банку, который принялъ ихъ съ распростертыми объятіями. Благодаря именно этому обстоятельству, для всѣхъ другихъ банковъ явилась возможность въ короткое время выкарабкаться изъ своего заколдованнаго круга, изъ котораго они не могли бы высвободиться иначе, какъ съ значительными убытками, а, можетъ быть, даже съ нѣкоторою потерею своего кредита.

Такимъ образомъ этотъ банкъ въ концѣ-концовъ своими операціями только увеличилъ дѣйствительныя затрудненія страны, которой онъ хотѣлъ помочь своимъ кредитомъ, и дѣйствительно вывелъ изъ большого затрудненія другіе банки, которыхъ надѣялся при своемъ учрежденіи совсѣмъ уничтожить.

Если самыя благоразумныя операціи банковъ могутъ усилить производительность страны, то не тѣмъ, что они увеличиваютъ ея капиталъ, но тѣмъ что пускаютъ его въ оборотъ и дѣлаютъ производительною наибольшую часть этого капитала, которая безъ ихъ содѣйствія не получила бы выгоднаго помѣщенія. Та часть капитала, которую торговецъ принужденъ постоянно держать на-готовѣ, въ наличныхъ деньгахъ, на случай разныхъ требованій, составляетъ мертвый запасъ, не приносящій никакой выгоды ни своему владѣльцу, ни странѣ до тѣхъ поръ, пока находится въ этомъ положеніи. Банкъ же своими благоразумными операціями обращаетъ этотъ мертвый запасъ въ дѣятельный и производительный капиталъ, а именно: въ матеріалъ, дающіе пищу труду, въ орудія производства, облег-

чающія и сокращающія этотъ трудъ, въ продовольствіе и средства существованія для содержанія рабочихъ, наконецъ, въ капиталъ, который даетъ хоть какую нибудь выгоду этому торговцу и цѣлой странѣ. Золотая и серебряная монета, которая обращается въ странѣ и ежегодно приводитъ въ движеніе и распредѣляетъ между потребителями продукты земель и народнаго труда, составляетъ въ сущности такой же мертвый капиталъ, какъ и наличныя деньги торговца. Правда, эта монета—весьма драгоцѣнная часть капитала страны, но она все-таки остается совершенно не производительною *).

Если банкъ своими благоразумными операціями замѣнитъ большую часть золота и серебра бумажными деньгами, то дастъ возможность превратить большую часть этого мертваго запаса въ такой дѣятельный и производительный капиталъ, который принесетъ хоть какую нибудь выгоду странѣ. Золото и серебро, обращающееся въ странѣ, можно очень близко сравнить съ большою дорогой, по которой развозится и провозится на рынокъ всякое зерно и фуражъ, но которая сама по себѣ не производитъ ни одного зерна хлѣба и ни одного клока сѣна. Благоразумныя операціи банка, открывая,— да позволено мнѣ будетъ употребить эту смѣлую метафору — большую дорогу по воздуху, дали бы странѣ возможность превратить большую часть су-

---

*) Ошибочно утверждать, что золото и серебро, оставаясь монетою, не производительны. Очевидно, что они, на-оборотъ, чрезвычайно производительны, потому что облегчаютъ обмѣнъ и содѣйствуютъ такому безконечному развитію раздѣленія труда, которое рѣшительно невозможно при системѣ не посредственнаго обмѣна товаровъ.—**Макъ-Коллохъ**.

ществующихъ большихъ дорогъ въ хорошія пастбища и хлѣбныя поля и тѣмъ въ значительной степени увеличить ежегодные продукты земель и народнаго труда. Надо однако согласиться съ тѣмъ, что если торговля и промышленность страны могутъ при помощи бумажныхъ денегъ подняться очень высоко, то все-таки, поднявшись, такъ-сказать, на икаровыхъ крыльяхъ, онѣ никогда не будутъ такъ обезпечены въ своемъ движеніи впередъ, какъ если имѣютъ прочную опору въ золотѣ и серебрѣ.

Обращеніе всякой страны представляетъ собою двѣ различныя стороны: обращеніе, совершающееся только между торговцами, и обращеніе между торговцами и потребителями. Правда, одни и тѣже деньги, бумажныя ли или металлическія, могутъ быть употребляемы то въ одномъ, то въ другомъ изъ этихъ обращеній, но такъ какъ оба эти обращенія совершаются въ одно и то же время, то каждое изъ нихъ нуждается для своего движенія въ извѣстномъ количествѣ денегъ того или другого рода. Цѣнность товаровъ, обращающихся между разными торговцами, никогда не можетъ превосходить цѣнности товаровъ, обращающихся между торговцами и потребителями, потому что все, что покупается первыми, въ концѣ-концовъ назначается для продажи послѣднимъ. Такъ какъ между торговцами *) товары обращаются обыкновенно оптомъ, то для каждой отдѣльной сдѣлки требуется болѣе круп-

*) Здѣсь подъ словомъ *торговцы* должно разумѣть не только купцовъ, занимающихся только торговлею, но вообще всѣхъ представителей промышленности и торговли въ странѣ, т. е. какъ купцовъ, такъ и фабрикантовъ, и ремесленниковъ и др.

ная сумма. Напротивъ, такъ какъ между торговцами и потребителями торговля происходитъ обыкновенно въ розницу, то для нея часто бываетъ совершенно достаточно очень маленькихъ суммъ— какого нибудь шиллинга и даже иногда полупенса. Но маленькія суммы обращаются гораздо быстрѣе большихъ. Одинъ шиллингъ чаще мѣняетъ хозяина, чѣмъ гинея, а полпенса еще чаще, чѣмъ шиллингъ. Такимъ образомъ хотя ежегодныя покупки всѣхъ потребителей по цѣнности своей по крайней мѣрѣ равны всѣмъ покупкамъ торговцевъ, однако вообще онѣ могутъ совершаться съ гораздо меньшимъ количествомъ денегъ, потому что однѣ и тѣ же монеты, при болѣе быстромъ обращеніи ихъ, могутъ служить гораздо большему числу сдѣлокъ перваго рода, чѣмъ второго.

III.

О накопленіи капиталовъ или о трудѣ производительномъ и не производительномъ.

Есть трудъ, который увеличиваетъ цѣнность предмета, надъ которымъ онъ работаетъ, и есть другой трудъ, который такого дѣйствія не имѣетъ. Первый трудъ, производящій цѣнность, можетъ быть названъ *производительнымъ*, второй—*не производительнымъ*.

Такимъ образомъ трудъ фабричнаго рабочаго вообще прибавляетъ къ цѣнности матеріала, надъ которымъ онъ работаетъ, цѣнность своего содержанія и прибыли хозяина. На-оборотъ, трудъ прислуги не прибавляетъ ни къ чему никакой цѣнности. Хотя первый получаетъ отъ своего хозяина заработную плату, однако въ сущности онъ не стоитъ ему никакихъ расходовъ, потому что на цѣнность его содержанія, вмѣстѣ съ прибылью хозяина, увеличивается цѣнность предмета, надъ которымъ трудился рабочій. Содержаніе же прислуги не возвращается хозяину ни въ какомъ видѣ, и частный человѣкъ богатѣетъ, употребляя массу рабочихъ на своей фабрикѣ, и разоряется на содержаніе многочисленной прислуги. Тѣмъ не менѣе и трудъ этой послѣдней имѣетъ свою цѣнность и заслуживаетъ возна-

гражденія не менѣе, чѣмъ и трудъ первыхъ. Дѣло состоитъ въ томъ, что трудъ рабочаго воплощается въ какомъ нибудь матеріальномъ предметѣ, или въ такой подлежащей продажѣ вещи, которая продолжаетъ существовать хоть нѣкоторое время послѣ того, какъ пересталъ дѣйствовать обращенный на нее трудъ. Это, такъ-сказать, количество труда, накопленное и какъ бы отложенное про запасъ, съ тѣмъ чтобы употребить его, если будетъ необходимо, послѣ при какомъ нибудь другомъ случаѣ. На такой предметъ, или, что̀ тоже самое, на цѣну такого предмета можно потомъ, если понадобится, употребить въ дѣло новое количество труда, равное тому, какое первоначально было употреблено на этотъ предметъ. На-оборотъ, трудъ прислуги не воплощается ни въ какомъ такомъ предметѣ, ни въ какой такой вещи, которые потомъ можно было бы продать. Вообще, услуги этого рода исчезаютъ въ тотъ самый моментъ, какъ они оказаны, и почти никогда не оставляютъ послѣ себя никакой цѣнности, на которую потомъ можно было бы пріобрѣсти такое же количество услугъ.

Трудъ нѣкоторыхъ наиболѣе почтенныхъ классовъ общества, какъ и трудъ прислуги, также не производитъ никакой цѣнности; онъ также не воплощается ни въ какомъ предметѣ или вещи, которые могли бы быть проданы и продолжали бы существовать послѣ того, какъ пересталъ дѣйствовать трудъ, и на которые можно было бы потомъ пріобрѣсти такое же количество труда. Такъ, напримѣръ, всѣ служащіе въ какой нибудь странѣ, всѣ гражданскія, военныя и другія должностныя лица, вся армія, весь флотъ составляютъ работни-

ковъ не производительныхъ. Всѣ они—слуги государства и содержатся на счетъ годового производства другихъ. Служба ихъ, какъ бы она почтенна, полезна и необходима ни была, не производитъ ничего такого, на что можно было бы потомъ пріобрѣсть такое же количество службы. На охрану, спокойствіе, защиту общественнаго дѣла, составляющія результатъ труда одного года нельзя купить охраны, спокойствія и защиты, необходимыхъ въ слѣдующемъ году. Нѣкоторыя весьма серьезныя и важныя профессіи, точно также какъ и нѣкоторыя самыя легкомысленныя занятія, должны быть отнесены къ этому разряду трудовъ не производительныхъ; таковы: духовенство, юристы, врачи, писатели всякаго рода, а также актеры, гимнасты, музыканты, пѣвцы, танцовщики и пр. Трудъ самой послѣдней изъ этихъ профессій имѣетъ свою цѣнность, которая установляется тѣми же законами, какъ и всякій другой трудъ; но самое благородное и полезное изъ этихъ занятій не производитъ ничего, на что впослѣдствіи можно было бы купить, или произвести такое же количество труда. Работы всѣхъ такихъ людей, какъ декламація актера, рѣчь оратора или аккорды музыканта, исчезаютъ въ ту самую минуту, какъ они произведены *).

*) Это слишкомъ рѣзкое различіе между производительнымъ и не производительнымъ трудомъ признается теперь важною ошибкою. Смитъ разумѣетъ здѣсь только матеріальный трудъ, хотя и признаетъ важность услугъ, оказываемыхъ обществу большею частью людей, которыхъ онъ считаетъ не производительными. Совершенно вѣрно сравниваетъ онъ человѣка, научившагося какому нибудь трудному и тонкому мастерству, потребовавшему отъ него много времени и труда, съ дорогою машиною, отъ которой владѣлецъ ея, вслѣдствіе затраченнаго на нее большого капитала, въ правѣ требовать и боль-

Какъ производительные и не производительные рабочіе, такъ и лица совсѣмъ не работающія одинаково содержатся на счетъ годового продукта земли и труда. Но этотъ годовой продуктъ, какъ бы онъ ни былъ великъ, не можетъ быть однако безконечно большимъ и долженъ имѣть свои границы. Слѣдовательно, смотря потому, какая—бо́льшая или меньшая—часть этого продукта употреблена въ теченіе года на содержаніе людей не производительныхъ, бо́льшая или меньшая часть его останется на долю людей производительныхъ и, стало быть, больше или меньше будетъ производство въ будущемъ году, потому что общая сумма

шей прибыли. Слѣдовательно, трудъ, благодаря которому человѣкъ, по словамъ Смита, получилъ дорогое воспитаніе, такой же производительный, какъ и трудъ, создавшій машину. Всякій полезный трудъ производителенъ. Обществу потребляетъ не одни только матеріальные предметы; ему необходимы умственныя наслажденія, благородныя занятія искусствами, покровительство законовъ и пр. также какъ необходимы хлѣбъ и одежда. Смитъ самъ не отвергалъ этого и въ своемъ различеніи производительнаго и не производительнаго труда сдѣлалъ промахъ скорѣе въ словахъ, чѣмъ въ мысли. Но поправляя этотъ промахъ, надо остерегаться такой же ошибки и не доводить строгости своихъ доказательствъ до безполезныхъ тонкостей. Если Смитъ не призналъ нѣкоторыхъ занятій производительными, то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы повсюду были одни только производители: если различіе, установленное основателемъ политической экономіи, и не безусловно вѣрно, то все-таки оно вѣрно въ извѣстной степени. Наука должна признавать производительнымъ всякій трудъ, удовлетворяющій дѣйствительнымъ и законнымъ потребностямъ, какъ матеріальнымъ, такъ и не матеріальнымъ. — **А. Бланки.**

Это слишкомъ широкое воззрѣніе Бланки на задачи экономической науки было высказано имъ еще въ сороковыхъ годахъ. Не вѣрнѣе ли однако признать, согласно положеніямъ Смита, что политическая экономія имѣетъ дѣло только съ матеріальными цѣнностями?

всѣхъ годовыхъ продуктовъ, за исключеніемъ лишь даровыхъ произведеній земли, есть всегда результатъ производительнаго труда.

Капиталы умножаются сбереженіемъ и уменьшаются вслѣдствіе расточительности и дурной, не разсчетливой жизни.

Все, что сберегаетъ человѣкъ изъ своего дохода, присоединяетъ онъ къ своему капиталу, и тогда или самъ употребляетъ это сбереженіе на то, чтобы содержать большее число производительныхъ рабочихъ, или даетъ другому возможность дѣлать это, ссужая его своимъ капиталомъ за извѣстный *процентъ*, то-есть за какую нибудь часть его будущей прибыли. Какъ капиталъ отдѣльнаго лица можетъ умножиться только на ту сумму запаса, которую онъ сберегъ изъ своего годового дохода, или изъ своихъ ежегодныхъ выручекъ, точно также только этимъ путемъ можетъ умножиться и капиталъ цѣлаго общества, представляющій собою совокупность отдѣльныхъ капиталовъ частныхъ лицъ.

Капиталы умножаются непосредственно благодаря сбереженію, а не промышленности. Правда, промышленность доставляетъ матеріалъ для сбереженія; но какъ бы ни были велики прибыли отъ промышленности, безъ экономіи, сберегающей и накопляющей ихъ, капиталъ никогда не увеличится.

Бережливость, умножая запасы, назначенные на содержаніе производительныхъ рабочихъ, стремится увеличить число этихъ послѣднихъ, а трудъ ихъ увеличиваетъ цѣнность предмета, надъ которымъ они работали. Слѣдовательно, бережливость стремится увеличить мѣновую цѣнность годового про-

дукта земли и труда и даетъ работу новому количеству труда, который, въ свою очередь, увеличиваетъ цѣнность добытыхъ въ теченіе года продуктовъ.

Что ежегодно сберегается, также правильно потребляется, какъ и то, что ежегодно расходуется, и происходитъ это почти въ одно и то же время, но потребляется другимъ классомъ общества. Та часть дохода, которую ежегодно расходуетъ богачъ, чаще всего потребляется людьми праздным и прислугою, ничего не дающими въ возвратъ того, что они потребили. Другая же часть дохода этого богача, которую онъ сберегъ въ теченіе года и немедленно обратилъ въ капиталъ, чтобы получить съ него какую нибудь прибыль, также и почти въ то же время потребляется, какъ и первая часть, но только совсѣмъ другимъ классомъ людей: рабочими, фабрикантами, ремесленниками, когорые потомъ съ избыткомъ воспроизводятъ цѣнность своего годового потребленія. Предположимъ, что доходъ этого богача выплачивается ему деньгами. Если онъ истратитъ ихъ всѣ сполна, то средства пропитанія, одежда, помѣщеніе, все, что можно было бы купить на эти деньги, распредѣлится между людьми перваго изъ этихъ двухъ классовъ. Но если этотъ богачъ сбережетъ одну часть своего дохода, которая непосредственно будетъ обращена имъ ли самимъ или кѣмъ нибудь другимъ въ капиталъ, тогда всѣмъ, что будетъ куплено на эти деньги, продовольствіемъ, одеждою, помѣщеніемъ, воспользуется другой классъ людей. Потребленіе останется то же, но потребители будутъ другіе.

Разсчетливый человѣкъ своими ежегодными сбере-

женіями не только доставляетъ содержаніе новому числу производительныхъ рабочихъ на текущій или на слѣдующій годъ, но является какъ бы основателемъ общественной мастерской и закладываетъ особый фондъ для содержанія на вѣчныя времена одинаковаго числа производительныхъ рабочихъ. Правда, назначеніе и употребленіе такого фонда не всегда обеспечено точнымъ закономъ, завѣщаніемъ или какимъ нибудь юридическимъ актомъ. Тѣмъ не менѣе употребленіе такого фонда гарантируется однимъ могущественнымъ принципомъ: прямымъ и очевиднымъ интересомъ каждаго отдѣльнаго лица, которому впослѣдствіи можетъ принадлежать какая нибудь часть этого фонда. Никакая часть его въ будущемъ не можетъ быть обращена на какое нибудь другое употребленіе, кромѣ содержанія производительныхъ рабочихъ, безъ того, чтобы не понесъ очевидной потери тотъ, кто позволилъ бы себѣ измѣнить настоящее назначеніе фонда.

Такъ поступаетъ только расточитель. Не соразмѣряя своихъ расходовъ съ доходами, онъ просто расточаетъ свой капиталъ. Подобно человѣку, расточающему на не достойныя дѣла доходы какого нибудь благотворительнаго учрежденія, онъ платитъ тунеядству капиталомъ, который доброю бережливостью его предковъ былъ, такъ-сказать, посвященъ на содержаніе промышленности. Уменьшая массу запасовъ, назначенныхъ на содержаніе производительнаго труда, онъ непремѣнно уменьшаетъ, на сколько это отъ него зависитъ, сумму труда, увеличивающаго цѣнность предмета, надъ которымъ онъ работалъ, а слѣдовательно уменьшаетъ и цѣнность годового продукта земли и труда, богатства и

дѣйствительный доходъ всѣхъ жителей страны. Если бы расточительность однихъ не возмѣщалась бережливостью другихъ, то всякій мотъ, прокармливая лѣнивцевъ хлѣбомъ промышленности, кончилъ бы тѣмъ, что своимъ способомъ дѣйствій разорилъ бы страну.

Если бы даже весь расходъ такого расточителя заключался въ потребленіи предметовъ, приготовленныхъ внутри страны, а не заграничныхъ товаровъ, то вліяніе его расточительности на производительный запасъ общества оставалось бы то же. Ежегодно извѣстное количество съѣстныхъ припасовъ и одежды, на которое можно было бы содержать производительныхъ рабочихъ, по прежнему уходило бы на то, чтобы кормить и одѣвать людей не производительныхъ. А слѣдовательно ежегодно оказывалось бы нѣкоторое уменьшеніе въ цѣнности годового продукта земли и труда.

Правда, что эти расходы не состояли изъ иностранныхъ товаровъ и не потребовали никакого вывоза золота и серебра, и что поэтому въ странѣ осталось то же количество звонкой монеты, что и прежде; но все-таки если бы это количество съѣстныхъ припасовъ и одежды, потребленное людьми не производительными, разошлось между производительными рабочими, то они съ избыткомъ возстановили бы все, что сами потребили. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ въ странѣ осталось бы то же количество денегъ, но, сверхъ того, была бы произведена еще новая цѣнность, равная цѣнности потребленныхъ предметовъ; въ послѣднемъ случаѣ такихъ цѣнностей было бы двѣ, тогда какъ въ первомъ—только одна.

Великіе народы никогда не бѣднѣютъ отъ расточительности и дурного поведенія частныхъ лицъ, но они бѣднѣютъ иногда отъ расточительности своихъ правительствъ. Въ большей части государствъ весь или почти весь общественный доходъ идетъ на содержаніе не производительныхъ людей *). Таковы: всѣ лица, составляющія многочисленный и блестящій дворъ, духовенство, обширный флотъ и большія арміи, которыя ничего не производятъ въ мирное время, а во время войны не даютъ ничего въ возвратъ расходовъ, сдѣланныхъ на ихъ содержаніе даже за время войны. Всѣ эти люди сами ничего не производятъ и содержатся сполна на счетъ труда другихъ. Поэтому если они размножаются больше, чѣмъ сколько ихъ нужно, то они могутъ въ теченіе одного года потребить такую большую часть годового продукта страны, что его не достанетъ на содержаніе производительныхъ рабочихъ, которые могли бы воспроизвести ихъ для слѣдующаго года. Слѣдовательно, производство слѣдующаго года оказалось бы меньше производства предыдущаго, и если бы такой безпорядокъ продолжался далѣе, то производство третьяго года было бы менѣе производства второго и т. д. Этотъ не производительный классъ людей, который долженъ бы былъ содержаться только на меньшую часть сбереженій частныхъ лицъ, можетъ иногда потребить такую большую часть общаго количества этихъ доходовъ и тѣмъ заставить другихъ пустить въ расходъ свои капиталы и запасы, назначенные на содержаніе производительнаго труда, что

*) См. примѣчаніе на стр. 197 и 198.

не хватитъ не только самой благоразумной сдержанности, но даже скупости отдѣльныхъ лицъ, чтобы вознаградить за убытки и потери, нанесенные годовому производству такимъ хищническимъ расточеніемъ капиталовъ.

Впрочемъ, опытъ доказываетъ намъ, что почти при всѣхъ такихъ обстоятельствахъ частной бережливости и благоразумія бываетъ достаточно для возстановленія того, что расточено не столько мотовствомъ и безразсудствомъ отдѣльныхъ лицъ, но и чрезмѣрною тороватостью правительствъ. Постоянныя, единообразныя и никогда не прерывающіяся заботы каждаго человѣка объ улучшеніи своего положенія, это—принципъ, составляющій первоначальный источникъ какъ общественнаго и народнаго, такъ и частнаго благосостоянія; онъ часто бываетъ на столько могущественъ, что, не смотря на безумство правительства и на всѣ ошибки администраціи, направляетъ естественное теченіе жизни къ лучшему будущему. Подобно не вѣдомому еще началу жизни въ животныхъ организмахъ, этотъ принципъ часто возвращаетъ людямъ здоровье и силу вопреки не только болѣзни, но даже и нелѣпымъ предписаніямъ врачей.

Нѣтъ другого средства увеличить цѣнность годового продукта земли и труда, какъ умножить число производительныхъ рабочихъ, или усилить производительность прежняго числа рабочихъ.

IV.

О запасахъ, отдаваемыхъ въ ростъ.

На запасы, отданные въ ростъ, владѣлецъ смотритъ всегда, какъ на капиталы.

Онъ разсчитываетъ, что въ договоренный срокъ эти запасы будутъ возвращены ему и что тогда заемщикъ заплатитъ ему извѣстный годовой процентъ за то, что пользовался ими. Заемщикъ можетъ воспользоваться этими запасами или какъ капиталомъ, назначеннымъ для производства, или какъ запасомъ для не медленнаго потребленія. Если онъ пользуется ими какъ капиталомъ, то употребляетъ ихъ на содержаніе производительныхъ рабочихъ, которые съ избыткомъ возстановляютъ ихъ цѣнность; въ этомъ случаѣ заемщикъ можетъ возвратить капиталъ и уплатить проценты за него, не отчуждая и не трогая никакого другого источника своихъ доходовъ. Если же заемщикъ воспользуется этими запасами прямо для личнаго своего потребленія, то поступитъ какъ мотъ и расточитъ то, что было назначено на содержаніе производительнаго труда. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ онъ не можетъ ни возвратить занятаго имъ капитала, ни уплатить за него процентовъ, не продавъ чего нибудь изъ своего имущества, или не тронувъ какого нибудь

другого источника дохода, какъ напримѣръ - недвижимаго имущества или земельной ренты.

Капиталы, отдаваемые въ ростъ, безъ сомнѣнія, употребляются, смотря по обстоятельствамъ, и тѣмъ и другимъ способомъ, но гораздо чаще первымъ, чѣмъ вторымъ. Кто занимаетъ деньги, чтобы прожить ихъ, скоро разорится, и лицо, снабдившее его этими деньгами, будетъ раскаяваться въ своей опрометчивости. Поэтому во всѣхъ случаяхъ, кромѣ ростовщичества, для обѣихъ сторонъ не выгодно ни занимать, ни давать взаймы съ такою цѣлью, и хотя, безъ сомнѣнія, есть люди, которымъ приходится иногда дѣлать и то и другое, однако, вслѣдствіе вообще заботливости человѣка о своихъ собственныхъ выгодахъ, можно быть увѣрену, что такіе случаи повторяются не такъ часто, какъ это кажется. Спросите любого богача, не менѣе разсчетливаго чѣмъ всякій другой: кому чаще давалъ онъ деньги взаймы—тѣмъ ли, которые, по его мнѣнію, хотѣли сдѣлать изъ нихъ выгодное употребленіе, или тѣмъ, которые привыкли просто тратить ихъ безъ всякаго разсчета? Такой богачъ навѣрное найдетъ вашъ вопросъ очень страннымъ. Вотъ почему даже между заемщиками, не отличающимися бережливостью, число разсчетливыхъ и трудолюбивыхъ значительно превышаетъ число расточителей и тунеядцевъ.

Единственные люди, которымъ обыкновенно даютъ деньги взаймы, не разсчитывая, что они воспользуются ими особенно выгодно, это—землевладѣльцы, дѣлающіе займы подъ залогъ своихъ имѣній. Но и они никогда не дѣлаютъ займовъ только для того, чтобы истратить занятыя деньги; про нихъ можно

сказать, что они растратили ихъ раньше, чѣмъ заняли. Вообще, этимъ господамъ приходится занимать деньги за проценты для того, чтобы, наконецъ, расплатиться за товары, которые они впередъ забрали у поставщиковъ и ремесленниковъ. Занятый ими капиталъ переходитъ къ поставщикамъ и ремесленникамъ, съ которыми иначе землевладѣльцы никакъ не могли бы расплатиться изъ доходовъ съ своихъ имѣній. Слѣдовательно, они занимаютъ деньги не для того, чтобы сейчасъ же прожить ихъ, а для того, чтобы возстановить капиталъ, прежде затраченный.

Почти всѣ ссуды за проценты дѣлаются или звонкою монетою или кредитными билетами. Но въ чемъ дѣйствительно нуждается заемщикъ и чѣмъ снабжаетъ его заимодавецъ, это—не деньги, а цѣнность денегъ, т. е. сумма товаровъ, которую можно пріобрѣсть на нихъ. Если заемщикъ думаетъ воспользоваться деньгами для своего непосредственнаго потребленія, то цѣнность эту составляютъ только товары, способные удовлетворить этой потребности. Если же ему нужны деньги, какъ капиталъ, для того, чтобы начать на него какое нибудь производство, то это—опять-таки товары, но такіе, которые, какъ орудія производства, сырые матеріалы и провіантъ, необходимы рабочимъ для исполненія ихъ работы. Съ другой стороны, заимодавецъ, давая деньги взаймы, такъ-сказать, передаетъ въ полное распоряженіе заемщика свое право на извѣстную часть годового продукта земли и труда.

Слѣдовательно, количество запасовъ или, какъ обыкновенно говорятъ, количество денегъ, которое въ странѣ можетъ быть роздано взаймы за про-

центы, опредѣляется не цѣнностью денегъ, бумажныхъ или звонкой монеты, служащихъ средствомъ для совершенія разныхъ займовъ въ странѣ, но цѣнностью той части годовыхъ произведеній труда, которая при самомъ выходѣ ихъ изъ земли или изъ рукъ производительныхъ рабочихъ, должна замѣнить собою не просто капиталъ, а такой капиталъ, котораго владѣлецъ самъ лично не хочетъ употребить въ какое-нибудь производство. Такъ какъ эти капиталы ссужаются и уплачиваются деньгами, то ими обыкновенно и установляется такъ-называемый денежный процентъ. Онъ совсѣмъ не похожъ ни на доходъ, приносимый землею, ни даже на прибыль, доставляемую торговыми и промышленными предпріятіями, если владѣльцы этихъ капиталовъ и сами употребляютъ ихъ въ эти предпріятія. Тѣмъ не менѣе даже въ денежномъ процентѣ деньги служатъ, такъ-сказать, выраженіемъ только права передачи изъ однѣхъ рукъ въ другія капиталовъ, которыхъ владѣльцы не хотятъ лично употребить въ какое нибудь производство. Эти капиталы могутъ быть безконечно больше, чѣмъ сумма денегъ, служащая средствомъ для ихъ перемѣщенія, потому что на одну и ту же монету выдаются послѣдовательно нѣсколько разныхъ ссудъ, какъ дѣлается на нее и много разныхъ покупокъ. Такъ, напримѣръ, *A* даетъ взаймы *X* 1.000 фун., на которые *X* немедленно покупаетъ у *B* на 1.000 фун. товаровъ. *B*, самъ не нуждаясь въ этихъ деньгахъ, даетъ тѣ же самыя монеты взаймы *V*, который тотчасъ же покупаетъ у *C* также на 1.000 фун. другихъ товаровъ; *C* опять, по той же причинѣ, даетъ эти деньги взаймы *Z*, который также покупаетъ товаровъ

у *D*. Благодаря этому обороту, одинѣ и тѣ же деньги, металлическія или бумажныя, могутъ, въ теченіе нѣсколькихъ дней, служить средствомъ для совершенія трехъ различныхъ ссудъ и трехъ различныхъ покупокъ, изъ которыхъ каждая равна полной суммѣ этихъ денегъ. Если три капиталиста A. B. C. передаютъ что нибудь троимъ заемщикамъ X. У. Z., то одну только возможность сдѣлать три покупки: въ этой-то возможности и заключается цѣнность сдѣланныхъ ссудъ и ихъ польза. Капиталъ, отданный взаймы этими тремя капиталистами, равенъ цѣнности товаровъ, которые можно купить на него и, конечно, онъ втрое больше цѣнности денегъ, на которыя сдѣланы эти покупки. Не смотря на это, всѣ три ссуды могутъ быть вполнѣ обезпечены, если товары, купленные разными заемщиками, будутъ употреблены въ дѣло такъ, что къ условленному сроку вернутъ не только равную цѣнность звонкою монетою или бумажными деньгами, но еще и прибыль на нее. Если на одинѣ и тѣ же деньги могутъ быть совершены три разныя ссуды и по той же причинѣ на сумму въ тридцать разъ бо̀льшую противъ ихъ собственной цѣнности, то онѣ, разумѣется, могутъ послѣдовательно столько же разъ послужить средствомъ для уплаты долга.

Такимъ образомъ на капиталъ, отданный взаймы изъ процентовъ, можно смотрѣть какъ на передачу заимодавцемъ заемщику какой нибудь части годовыхъ произведеній страны, но подъ условіемъ, что заемщикъ будетъ ежегодно платить своему заимодавцу, во все продолженіе полученной имъ ссуды, очень маленькую часть, называемую процентомъ, а по наступленіи срока займа возвратитъ заимо-

давцу всю сумму, какая первоначально была занята у него, что̀ и называется «уплатою долга». Хотя деньги, звонкою ли монетою или билетами, служатъ вообще средствомъ для передачи какъ процента, такъ и самого капитала, однако они совсѣмъ не похожи на предметы, которые передаются при ихъ посредствѣ.

По мѣрѣ того, какъ увеличивается въ странѣ эта часть годовыхъ произведеній, которая при выходѣ изъ земли или изъ рукъ производительныхъ рабочихъ, назначена на восполненіе капитала, умножается въ то же время и количество такъ-называемыхъ денежныхъ капиталовъ или денегъ, даваемыхъ взаймы. Увеличеніе этихъ особыхъ запасовъ, изъ которыхъ владѣльцы желаютъ извлекать какую нибудь выгоду, но которыхъ сами не хотятъ употреблять въ какое нибудь дѣло, составляетъ естественное послѣдствіе общаго умноженія капиталовъ, или, говоря иначе, по мѣрѣ умноженія капиталовъ вообще послѣдовательно увеличивается и количество запасовъ, раздаваемыхъ въ ссуду изъ процентовъ.

По мѣрѣ того какъ увеличиваются раздаваемыя въ ссуду запасы, процентъ или цѣна, которую приходится платить за пользованіе ими, непремѣнно уменьшается, не только на основаніи общихъ причинъ, по которымъ вообще цѣна товаровъ на рынкѣ падаетъ по мѣрѣ увеличенія ихъ количествъ, но и на основаніи совершенно особыхъ причинъ, дѣйствующихъ только въ этомъ частномъ случаѣ. По мѣрѣ умноженія капиталовъ въ странѣ, непремѣнно уменьшается прибыль, которую можно получить съ нихъ, потому что становится все труд-

нѣе и труднѣе находить въ странѣ выгодное помѣщеніе для новаго капитала. Вслѣдствіе этого, возникаетъ между различными капиталами соперничество, потому что каждый капиталистъ изо всѣхъ силъ старается дать своему капиталу помѣщеніе, занятое другимъ. Чаще же всего капиталистъ не можетъ дать своему капиталу помѣщеніе, занятое другимъ, иначе какъ предложивъ за него болѣе льготныя условія. При этомъ онъ бываетъ вынужденъ не только продать свой товаръ нѣсколько дешевле, но, чтобы найти случай продать его, долженъ иногда и купить дороже. Такъ какъ запасы, назначенные на содержаніе производительнаго труда съ каждымъ днемъ все умножаются, то усиливается съ каждымъ днемъ и спросъ на такой трудъ: рабочіе легко находятъ себѣ работу, но за-то владѣльцамъ капиталовъ все труднѣе найти рабочихъ. Соперничество между капиталистами подымаетъ заработную плату и въ то же время понижаетъ прибыль съ капитала. Но если выгода, которую можно получить съ отдачи капитала въ чужое пользованіе, такъ-сказать, урѣзывается съ двухъ концовъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ непремѣнно уменьшится и плата, какую можно дать за пользованіе этимъ капиталомъ *).

*) На величину процента можно смотрѣть какъ на уровень, ниже котораго прекращается всякій трудъ, всякая культура земли, всякая промышленность и торговля. Это—словно море, разлившееся надъ обширною областью: вершины горъ поднимаются надъ водою, образуя плодоносные и обработанные острова. Если это море начнетъ отливать, то по мѣрѣ спада воды, начинаютъ показываться земли на отлогостяхъ горъ, а за ними равнины и долины, и все это покрывается произрастеніями всякаго рода. Достаточно водѣ подняться или упасть на одинъ футъ, чтобы затопить или сдѣлать по-

Надо замѣтить, что вездѣ рыночная цѣна земель зависитъ отъ рыночной величины процента. Кто владѣетъ капиталомъ, съ котораго хочетъ получить какой нибудь доходъ, но такъ, чтобы самому не употреблять его въ какое нибудь производство, обыкновенно разсуждаетъ, что̀ выгоднѣе ему — купить ли землю, или отдать свой капиталъ въ ростъ за проценты? Наибольшая обезпеченность помѣщенія капитала въ землю и нѣкоторыя другія выгоды, доставляемыя почти вездѣ земельною собственностью, естественно побудятъ капиталиста довольствоваться меньшимъ доходомъ съ земли, нежели процентомъ, какой онъ могъ бы получить, отдавая свои деньги въ ростъ. Эти выгоды землевладѣнія уравниваютъ извѣстную разницу въ доходахъ; но если земельная рента упадетъ ниже наименьшаго процента и денегъ, то никто не захочетъ покупать земель, которыя упадутъ въ своей цѣнѣ. Наоборотъ, если выгоды землевладѣнія болѣе чѣмъ вознаградятъ владѣльца за разницу въ доходахъ, въ сравненіи съ процентомъ съ капитала, то всѣ станутъ покупать земли, вслѣдствіе чего рыночная цѣна ихъ подымется очень скоро. Когда процентъ стоялъ по 10 со 100, то земли продавались обыкновенно за цѣну, равную сложности 10-ти—12-ти-лѣтняго дохода съ нихъ. По мѣрѣ же того, какъ процентъ падалъ до 6, 5 и 4 со 100, цѣна земель подымалась до суммы 20-ти и 30-лѣтняго

ступными для культуры огромныя пространства земли. Обиліе капиталовъ оживотворяетъ всѣ предпріятія, а низкій процентъ съ денегъ составляетъ какъ послѣдствіе, такъ и признакъ этого обилія капиталовъ.—**Тюрго.**

дохода. Рыночная величина процента во Франціи выше, чѣмъ въ Англіи, и потому земли продаются тамъ гораздо ниже: во Франціи онѣ продаются по сложности 20-лѣтняго, а въ Англіи — 30-лѣтняго дохода.

V.

О различномъ употребленіи капиталовъ.

Хотя всѣ капиталы назначены только на содержаніе производительнаго труда, однако количество этого труда, употребляемое въ дѣло равными капиталами, чрезвычайно измѣняется, смотря по различному назначенію этихъ послѣднихъ, а вмѣстѣ съ этимъ измѣняется и цѣнность, которая при этомъ назначеніи прибавляется къ ежегодному продукту земли и труда въ странѣ.

Есть четыре различные способа употребленія капитала.

Его можно употреблять: 1) на доставленіе обществу сырыхъ продуктовъ, необходимыхъ ему для его ежегоднаго потребленія; 2) на мануфактурное производство, т. е. на обработку этихъ сырыхъ продуктовъ, также для не посредственнаго пользованія или потребленія ихъ обществомъ; 3) на перевозку какъ сырыхъ, такъ и обработанныхъ произведеній съ одного мѣста, гдѣ ихъ много, въ другое, гдѣ чувствуется въ нихъ недостатокъ; наконецъ, 4) на то, чтобы и тѣ и другія произведенія дѣлить на такія малыя части, которыми можно было бы удовлетворить каждодневнымъ нуждамъ потребителей.

Первымъ изъ этихъ способовъ употребленія капиталовъ пользуются всѣ, кто предпринимаетъ обработку, улучшеніе и эксплоатацію земель, рудниковъ и рыболовства;—вторымъ способомъ пользуются всѣ мануфактуристы и ремесленники;—третьимъ—оптовые купцы, а четвертымъ—мелочные торговцы. Трудно представить себѣ какое нибудь употребленіе капитала, которое не подошло бы подъ одинъ изъ этихъ четырехъ разрядовъ.

Каждый изъ этихъ четырехъ способовъ употребленія капитала безусловно необходимъ какъ для существованія и развитія трехъ остальныхъ способовъ, такъ и вообще для удобствъ всего общества.

Если нѣтъ капитала, который могъ бы въ достаточномъ количествѣ доставлять сырые продукты, то не можетъ существовать никакая промышленность и никакая торговля.

Если нѣтъ капитала для обработки той части сырыхъ продуктовъ, которая требуетъ нѣкоторой подготовки прежде чѣмъ поступить въ общее потребленіе, то совсѣмъ нѣтъ надобности производить эту часть продуктовъ, потому что на нее не будетъ спроса. Если бы даже она произвелась, такъ-сказать, самопроизвольно, то все-таки не имѣла бы никакой мѣновой цѣнности и не прибавила бы ничего къ богатству страны.

Если нѣтъ капитала для перевозки сырыхъ продуктовъ или обработанныхъ издѣлій изъ одного мѣста, гдѣ ихъ слишкомъ много, въ другое, гдѣ ихъ недостаетъ, то не станутъ производить ни тѣхъ, ни другихъ больше того количества, какое нужно для мѣстнаго потребленія. Капиталъ купца, мѣняя избытокъ произведеній одной страны на избытокъ

произведеній другой, поощряетъ промышленность обѣихъ странъ и умножаетъ средства ихъ потребленія.

Если нѣтъ капитала для того, чтобы дѣлить и дробить сырые продукты и обработанныя издѣлія на такія мелкія части, которыя бы соотвѣтствовали дѣйствительнымъ нуждамъ потребителей, то всякій будетъ принужденъ покупать необходимые ему товары въ гораздо большемъ количествѣ, чѣмъ сколько нужно ему въ данное время. Напримѣръ: если бы не было промысла мясника, то каждому пришлось бы покупать за-разъ по цѣлому быку или барану. Такое положеніе вообще представляло бы очень большія неудобства для богачей и еще большія неудобства для бѣдняковъ. Если бы какому нибудь бѣдному мастеровому приходилось закупать съѣстные припасы разомъ на цѣлый мѣсяцъ или даже на шесть мѣсяцевъ, то онъ былъ бы принужденъ большую часть средствъ, употребляемыхъ имъ теперь, въ видѣ капитала, на инструменты и снабженіе его лавки товарами, и приносящихъ ему доходъ, тратить на такіе предметы, которые были бы пригодны только для его непосредственнаго потребленія и не давали бы ему никакого дохода. Для людей этого класса нѣтъ ничего удобнѣе, какъ покупать себѣ жизненные припасы изо дня въ день, даже изъ часа въ часъ, по мѣрѣ того, какъ они чувствуютъ надобность въ нихъ. При такомъ условіи эти маленькіе люди могутъ поставлять заказчикамъ наибольшую сумму своихъ издѣлій, а прибыль, которую они получатъ при этомъ, съ избыткомъ вознаградитъ ихъ за ту лишнюю цѣну, которую они переплатятъ за товары, купленные по ча-

стямъ у мелочныхъ торговцевъ и которая составитъ прибыль послѣднихъ.

Предубѣжденія нѣкоторыхъ писателей противъ мелочныхъ торговцевъ и лавочниковъ ни на чемъ не основаны. Нѣтъ никакой надобности ограничивать ихъ число или стѣснять ихъ какими нибудь поборами, потому что если размноженіе ихъ и можетъ быть вредно, то никакъ не обществу, а только имъ самимъ. Количество бакалейныхъ товаровъ, напримѣръ, продаваемыхъ въ какомъ нибудь городѣ, ограничивается спросомъ на нихъ въ этомъ городѣ и его окрестностяхъ. А потому капиталъ, который можетъ быть употребленъ на торговлю бакалеей, не можетъ быть больше того, что требуется на покупку нужнаго количества этого товара. Если же этотъ капиталъ раздѣляется между двумя бакалейщиками, то каждый изъ нихъ, вслѣдствіе соперничества, будетъ продавать свой товаръ дешевле, чѣмъ если бы этотъ капиталъ находился въ рукахъ только одного изъ нихъ; а если онъ раздѣлится между двадцатью торговцами, то во столько же разъ усилится соперничество между ними и во столько же разъ будетъ меньше вѣроятности, что они сговорятся между собою поднять цѣну на свои товары. Правда, сильное соперничество, можетъ быть, разоритъ кого нибудь изъ торговцевъ, но это ужь ихъ дѣло — держать себя на-сторожѣ противъ такого несчастія, и во всякомъ случаѣ можно съ полнымъ спокойствіемъ положиться здѣсь на ихъ собственное благоразуміе. Ни потребитель, ни производитель ничего не потеряли бы отъ этого. Напротивъ, розничные торговцы стали бы продавать свои товары дешевле прежняго и въ то же время

покупать дороже, чѣмъ если бы вся торговля одинаковыми товарами попала въ руки одного или двухъ лицъ, которыя могли бы обратить ее въ свою монополію. Конечно, можетъ случиться, что кто нибудь изъ нихъ обманетъ своего довѣрчиваго покупщика и навяжетъ ему такіе товары, которые ему вовсе не нужны. Но это — слишкомъ ничтожное обстоятельство, чтобы изъ-за него стоило вмѣшиваться правительству. Притомъ сокращеніе числа мелочныхъ торговцевъ не послужило бы вѣрнымъ средствомъ противъ обмана. Возьму для доказательства примѣръ хоть изъ питейной торговли: не размноженіе кабаковъ порождаетъ въ простомъ народѣ наклонность къ пьянству, а, напротивъ, эта самая наклонность, вызываемая совсѣмъ другими причинами, дѣлаетъ то, что такое множество кабаковъ находитъ себѣ потребителей.

Люди, употребляющіе свои капиталы тѣмъ или другимъ изъ этихъ четырехъ способовъ, составляютъ сами производительныхъ рабочихъ. Ихъ трудъ, если только онъ правильно заправленъ, имѣетъ дѣло съ какимъ нибудь предметомъ или вещью, которые могутъ быть проданы, и къ цѣнѣ ихъ онъ прибавляетъ по крайней мѣрѣ то, чего стоило ихъ собственное продовольствіе и потребленіе. Прибыли фермера, мануфактуриста, купца, розничнаго торговца получаются изъ цѣны товаровъ, производимыхъ двумя первыми и продаваемыхъ двумя послѣдними. Но одинаковые капиталы, смотря потому, какимъ изъ четырехъ способовъ они употреблены въ дѣло, вызываютъ весьма различныя количества производительнаго труда, и слѣдовательно въ степени весьма различной увеличи-

ваютъ цѣнность годоваго продукта земли и труда въ томъ обществѣ, которому принадлежатъ.

Капиталъ розничнаго торговца возстановляетъ съ прибылью капиталъ оптового купца, у котораго онъ закупаетъ свои товары и тѣмъ даетъ ему возможность выгодно продолжать свою торговлю. На этотъ капиталъ не содержится никакихъ производительныхъ рабочихъ кромѣ самого хозяина-мелочника. Въ прибыли этого послѣдняго заключается вся цѣнность, которую капиталъ, такимъ способомъ употребленный, прибавляетъ къ годовому продукту земли и труда въ странѣ.

Капиталъ оптового купца, имѣющаго свои склады, съ прибылью возстановляетъ капиталы фермеровъ и мануфактуристовъ, у которыхъ онъ покупаетъ свои сырые продукты и обработанныя издѣлія, и тѣмъ даетъ возможность и фермерамъ и фабрикантамъ продолжать свое дѣло. Этою услугою онъ косвенно содѣйствуетъ главнымъ образомъ поддержанію производительнаго труда въ обществѣ и увеличенію цѣнности годового продукта этого труда. Капиталъ оптового купца даетъ также работу вощикамъ и судовщикамъ, которые перевозятъ его товары изъ одного мѣста въ другое, и тѣмъ увеличиваютъ цѣну этихъ товаровъ на всю сумму цѣнности заработной платы этихъ рабочихъ и собственной прибыли. Въ этомъ собственно и заключается весь производительный трудъ, непосредственно употребляемый въ дѣло этимъ капиталомъ, и вся цѣнность, которую онъ прибавляетъ къ годовой прибыли страны. Съ этихъ двухъ точекъ зрѣнія, обороты этого капитала гораздо важнѣе оборотовъ розничнаго купца.

Часть капитала мануфактуриста употребляется, въ видѣ постояннаго капитала, на орудія его производства и также возстановляетъ съ прибылью капиталъ какого нибудь рабочаго, у котораго онъ покупаетъ ихъ. Часть его оборотнаго капитала употребляется на покупку первоначальныхъ матеріаловъ и возстановляетъ также съ прибылью капиталы фермеровъ и рудокоповъ, продающихъ ему эти матеріалы. Но бо́льшая часть этого капитала всегда распредѣляется, въ теченіе года или въ болѣе короткій срокъ, между разными рабочими, которыхъ нанимаетъ фабрикантъ. Капиталъ этотъ прибавляетъ къ цѣнности матеріаловъ то, чего сто́итъ заработная плата и прибыль хозяина, на общую сумму заработной платы, первоначальныхъ матеріаловъ и орудій производства, употребляемыхъ въ предпріятіи. И такимъ образомъ онъ даетъ работу гораздо большему количеству производительнаго труда и прибавляетъ гораздо бо́льшую цѣнность къ годовому продукту земли и труда въ странѣ, нежели капиталъ какого бы то ни было оптоваго купца.

Но ничей капиталъ одинаковаго размѣра не содержитъ такого большого количества производительнаго труда, какъ капиталъ фермера: не только рабочіе фермы, но и рабочій скотъ и инвентарь представляютъ собою производительныхъ рабочихъ. Кромѣ того, въ земледѣліи природа работаетъ вмѣстѣ съ человѣкомъ, и хотя трудъ ея обходится ему даромъ, однако то, что она производитъ, имѣетъ такую же цѣнность, какъ и то, что производятъ самые дорогіе рабочіе. Самыя важныя земледѣльческія работы имѣютъ цѣлью не столько

усилить плодородіе земли (хотя онѣ достигаютъ и этой цѣли), сколько направить его на производство самыхъ полезныхъ для человѣка растеній. Поле, заросшее бурьяномъ, часто производитъ такое же большое количество полезныхъ растеній. какъ виноградникъ или лучшимъ образомъ раздѣланная подъ хлѣбъ пашня. Земледѣлецъ, засѣвая или засаживая свое поле, часто не столько возбуждаетъ дѣятельное плодородіе природы, сколько направляетъ его къ извѣстной цѣли и, окончивъ всѣ свои работы, онъ предоставляетъ природѣ одной довершить наибольшую часть труда. Вотъ почему рабочіе и рабочій скотъ, употребляемые въ земледѣліи, не только содѣйствуютъ, подобно фабричнымъ рабочимъ, воспроизведенію цѣнности, равной ихъ потребленію или капиталу на нихъ потраченному, съ прибавкою прибыли капиталиста, но и производятъ еще гораздо большую цѣнность. Кромѣ капитала фермера и всѣхъ его прибылей, они содѣйствуютъ еще правильному возстановленію ренты въ пользу землевладѣльца, на которую можно смотрѣть какъ на продуктъ могущества природы, отдаваемаго землевладѣльцемъ въ пользованіе фермеру. Она можетъ быть больше или меньше, смотря по силѣ этого могущества, или другими словами— смотря по большему или меньшему естественному или искусственному плодородію земли. Въ этомъ состоитъ собственно дѣло природы, по вычетѣ изъ полученныхъ прибылей всего, что можетъ считаться дѣломъ человѣческихъ рукъ. Этотъ избытокъ рѣдко составляетъ менѣе четвертой, часто же болѣе третьей части всего продукта. Никогда такое же количество производительнаго труда на фабрикѣ

не даетъ такого богатаго результата. На фабрикѣ природа не дѣлаетъ ничего; все дѣлается тамъ руками человѣка, а всякое воспроизводство должно непремѣнно находиться въ соотвѣтствіи съ могуществомъ дѣйствующаго агента. Поэтому капиталъ, употребленный на земледѣліе, не только приводитъ въ движеніе большее количество производительнаго труда, въ сравненіи съ такимъ же капиталомъ на фабрикѣ, но еще, пропорціонально дѣйствующему тамъ производительному труду, прибавляетъ гораздо бо̀льшую цѣнность къ годовому продукту земли и труда въ странѣ, а слѣдовательно къ богатству и дѣйствительному доходу ея жителей. Изъ всѣхъ способовъ употребленія капиталовъ, это, безъ сомнѣнія, самый выгодный для общества *).

Капиталы, употребляемые на обработку земель или на розничную торговлю всегда остаются внутри страны. Употребленіе ихъ всегда связано съ опредѣленнымъ предметомъ—съ фермою или лавкою торговца. Къ тому же эти капиталы, за немногими исключеніями, принадлежатъ всегда постояннымъ членамъ общества.

На оборотъ, капиталъ оптового купца не связанъ, кажется, ни съ какимъ постояннымъ мѣстомъ: онъ легко переходитъ съ одного мѣста на другое, смотря по тому, гдѣ онъ можетъ купить дешевле или продать дороже.

---

*) Странно, какъ Смитъ, обладавшій такимъ проницательнымъ умомъ, могъ допустить такое ошибочное положеніе: „природа ничего не дѣлаетъ для человѣка на фабрикѣ“! Сила воды и вѣтра, которая приводитъ въ движеніе наши машины и пускаетъ по морю наши суда, давленіе атмосферы и упругость пара, благодаря которымъ строются самыя удивительныя машины—развѣ все это не даровыя силы природы?—**Макъ-Коллохъ**.

Капиталъ фабриканта долженъ, безспорно, находиться тамъ, гдѣ устроена фабрика; но опредѣлить напередъ мѣсто, гдѣ должна работать эта фабрика, нельзя. Часто она устраивается очень далеко какъ отъ мѣста, гдѣ добываются сырые матеріалы, такъ и отъ мѣста, гдѣ потребляются обработанныя ею издѣлія. Ліонъ, напримѣръ, расположенъ очень далеко какъ отъ мѣста, доставляющаго сырые матеріалы для его фабрикъ, такъ и отъ мѣста, гдѣ потребляются ихъ фабрикаты. Въ Сициліи люди высшаго класса одѣваются въ шелковыя матеріи, приготовляемыя за границей изъ матеріаловъ, добываемыхъ внутри страны. Часть испанской шерсти выдѣлывается на англійскихъ фабрикахъ и часть выдѣланнаго ими сукна возвращается опять въ Испанію.

Будетъ ли купецъ, на капиталъ котораго перевозится *излишекъ* *) произведеній страны, коренным жителемъ ея или иностранцемъ—не имѣетъ никакого значенія. Если онъ иностранецъ, то число производительныхъ рабочихъ только на одного человѣка будетъ меньше, чѣмъ если бы онъ былъ кореннымъ жителемъ страны, и слѣдовательно цѣнность годового продукта ея будетъ меньше только на цѣнность прибыли одного человѣка. Употребляемые имъ вощики и судовщики могутъ быть уроженцами или той же страны, что и хозяинъ ихъ, или какой нибудь другой страны,—это также безразлично, какъ если бы онъ самъ былъ уроженцемъ ея. Капиталъ иностранца сообщаетъ цѣнность излишку продуктовъ вашей страны, совершенно так-

*) Подъ этимъ словомъ разумѣется здѣсь все, что производится въ странѣ сверхъ того, что она потребляетъ.—**Жозефъ Гарнье**.

же, какъ и капиталъ вашего соотечественника, именно тѣмъ, что мѣняетъ этотъ излишекъ на товаръ, на который есть спросъ въ вашей странѣ. Онъ также вѣрно возстановляетъ капиталъ человѣка, который произвелъ этотъ излишекъ, какъ вѣрно даетъ ему возможность продолжать свое производство; а въ этомъ собственно и заключается главная услуга, которою капиталъ оптового купца содѣйствуетъ поддержанію производительнаго труда въ обществѣ, коего онъ самъ состоитъ членомъ, и увеличенію цѣнности годового продукта этого общества.

Гораздо важнѣе, чтобы оставался въ странѣ капиталъ фабриканта. Въ такомъ случаѣ онъ непремѣнно доставляетъ работу гораздо большему количеству производительнаго труда и прибавляетъ гораздо бо́льшую цѣнность къ годовому продукту земель и труда въ странѣ, хотя онъ можетъ быть очень полезенъ странѣ даже и тогда, когда не находится въ ней. Капиталы англійскихъ фабрикантовъ, которые обрабатываютъ пеньку и ленъ, привозимые ежегодно съ береговъ Балтійскаго моря, безъ сомнѣнія, очень полезны странамъ, откуда привозятся эти произведенія. Они составляютъ часть излишка, производимаго этими странами, и если бы этотъ излишекъ ежегодно не мѣнялся на товары, бывающіе у нихъ въ странѣ, то не имѣлъ бы никакой цѣнности и скоро прекратилось бы его производство. Купцы, которые вывозятъ эти продукты за границу, возстановляютъ капиталъ тѣхъ, кто ихъ производитъ, и тѣмъ самымъ поощряютъ ихъ къ продолженію ихъ производства, англійскіе же фабриканты, въ свою очередь, возстановляютъ капиталы этихъ купцовъ.

Часто можетъ случиться, что у цѣлой страны, какъ и у частнаго человѣка, не достанетъ капитала для воздѣлыванія и улучшенія всѣхъ ея земель, для обработки всѣхъ ея сырыхъ продуктовъ, необходимыхъ для ея внутренняго потребленія, и, наконецъ, для перевозки избытка какъ сырыхъ продуктовъ, такъ и обработанныхъ издѣлій на отдаленные рынки, гдѣ можно было бы промѣнять ихъ на какіе нибудь предметы, находящіеся въ спросѣ въ этой странѣ. Въ Великобританіи есть много такихъ областей, въ которыхъ недостаетъ капиталовъ для воздѣлыванія и улучшенія земель.

Шерсть изъ южныхъ областей Шотландіи идетъ большею частью длиннымъ сухимъ путемъ, по очень дурнымъ дорогамъ, на фабрики Іоркскаго графства, гдѣ и обрабатывается, за недостаткомъ капитала для выдѣлки ея на мѣстѣ. Въ Англіи есть много фабричныхъ городковъ, жителямъ которыхъ не достаетъ капиталовъ для перевозки издѣлій собственной промышленности на отдаленные рынки, гдѣ они нашли бы себѣ спросъ и потребителей. Если въ такихъ городкахъ и встрѣтишь иногда торговцевъ, то они обыкновенно бываютъ агентами болѣе богатыхъ купцовъ, живущихъ въ какихъ нибудь большихъ торговыхъ центрахъ.

Если капитала страны не достаетъ для исполненія этихъ трехъ функцій вмѣстѣ, то чѣмъ большая часть его будетъ употреблена на земледѣліе и чѣмъ сравнительно больше вызоветъ она производительнаго труда въ странѣ, тѣмъ, конечно, большую цѣнность прибавитъ такой капиталъ къ годовому продукту земли и труда въ обществѣ. За земледѣліемъ слѣдуетъ фабричное дѣло, потому что упо-

требленный на него капиталъ занимаетъ наибольшее количество производительнаго труда и прибавляетъ наибольшую цѣнность къ годовому продукту страны. Капиталъ же, затраченный на вывозную торговлю, имѣетъ наименьшее значеніе изъ всѣхъ трехъ капиталовъ страны.

Правда, если страна не обладаетъ достаточнымъ капиталомъ, чтобы исполнить всѣ эти три функціи вмѣстѣ, то она, значитъ, не достигла еще той степени благосостоянія, къ которой естественно предназначена. Тѣмъ не менѣе всякая попытка мѣрами преждевременными и съ не достаточнымъ капиталомъ, удовлетворить за-разъ этимъ тремъ условіямъ, не составитъ, безъ сомнѣнія, ни для цѣлаго общества, ни для отдѣльнаго человѣка кратчайшаго пути для удовлетворенія хотя одного изъ этихъ условій. Для капитала цѣлаго народа существуютъ такія же границы, какъ и для капитала каждаго отдѣльнаго человѣка; такіе же предѣлы имѣютъ и обороты этого капитала. Капиталъ всѣхъ лицъ, образующихъ народъ, умножается точно также, какъ и капиталъ каждаго отдѣльнаго лица, тѣмъ, что они безпрерывно накопляютъ его и прибавляютъ къ нему сбереженія изъ получаемыхъ ими доходовъ. А потому онъ будетъ умножаться быстрѣе всего, если будетъ давать наибольшій доходъ всѣмъ жителямъ страны, ибо тогда онъ дастъ имъ возможность дѣлать наибольшія сбереженія, доходъ же всѣхъ жителей страны непремѣнно зависитъ отъ цѣнности годового продукта земли и труда.

Если капиталъ употребленъ на покупку иностранныхъ товаровъ, назначенныхъ для внутренняго потребленія страны и если при этомъ они куплены на про-

дукты ея внутренняго производства, то хотя при каждомъ такомъ оборотѣ онъ также возстановляетъ два раздѣльные капитала, однако только одинъ изъ нихъ содѣйствуетъ развитію народной промышленности этой страны. Капиталъ, на который отправляются въ Португалію англійскіе товары и привозятся въ Англію товары португальскіе, возстановляетъ, при каждой такой операціи, одинъ только англійскій капиталъ, другой же принадлежитъ Португаліи. По этому если бы обороты торговли иностранными товарами, назначенными для внутренняго потребленія страны, совершались даже съ тою же быстротою, какъ и обороты ея внутренней торговли, то все-таки капиталъ, употребленный на первую изъ нихъ, принесъ бы вдвое меньше пользы внутренней промышленности или производительному труду такой страны.

Надо впрочемъ сказать, что очень рѣдко случается, чтобы обороты заграничной торговли, назначенной для внутренняго потребленія страны, совершались также быстро, какъ обороты ея внутренней торговли. Обороты внутренней торговли заканчиваются вообще скорѣе чѣмъ въ одинъ годъ, иногда же они совершаются по три и по четыре раза въ теченіе одного и того же года. Обороты же заграничной торговли товарами, назначенными для внутренняго потребленія страны, лишь въ рѣдкихъ случаяхъ заканчиваюгся въ одинъ годъ, иногда же продолжаются въ теченіе двухъ и даже трехъ лѣтъ. Такимъ образомъ капиталъ, употребленный на внутреннюю торговлю, можетъ иногда сдѣлать двѣнадцать разныхъ операцій, то-есть онъ можетъ двѣнадцать разъ выйти изъ дѣла и вновь вернуться

въ него, тогда какъ капиталъ, затраченный на заграничную торговлю, не сдѣлаетъ въ тотъ же срокъ болѣе одного оборота. Слѣдовательно, изъ двухъ одинаковой величины капиталовъ одинъ окажетъ въ двадцать четыре раза больше содѣйствія и поощренія промышленности страны, чѣмъ другой.

Иногда иностранные товары, назначенные для внутренняго потребленія страны, могутъ быть куплены не на продукты ея внутренняго производства, а на какіе нибудь другіе иностранные же товары. Но при этомъ необходимо все-таки, чтобы послѣдніе были куплены или непосредственно на продукты внутренняго производства страны, или на какіе нибудь другіе товары въ обмѣнъ на эти продукты, потому что кромѣ войны и завоеванія нѣтъ иного средства пріобрѣсть иностранные товары, какъ мѣняя ихъ на какіе нибудь продукты внутренняго производства страны, все равно—будетъ ли при этомъ непосредственно совершенъ только одинъ обмѣнъ или два обмѣна и даже болѣе. Слѣдовательно, капиталъ, дѣйствующій такимъ окольнымъ путемъ въ иностранной торговлѣ товарами, назначенными для внутренняго потребленія, во всякомъ случаѣ будетъ имѣть такое же вліяніе, какъ и капиталъ, дѣйствующій въ той же торговлѣ болѣе прямымъ путемъ. Разница будетъ заключаться лишь въ томъ, что конечный срокъ возстановленія перваго изъ этихъ капиталовъ отдалится, вѣроятно, еще болѣе, такъ какъ онъ будетъ зависѣть отъ двухъ или трехъ различныхъ оборотовъ иностранной торговли. Если въ Ригѣ пенька или ленъ покупаются на виргинскій табакъ, который также былъ купленъ на какой нибудь товаръ англійскихъ

фабрикъ, то купцу приходится ждать окончанія двухъ различныхъ иностранныхъ оборотовъ, прежде чѣмъ опять употребить тотъ же капиталъ на покупку такого же количества товаровъ англійскихъ фабрикъ. А если бы виргинскій табакъ былъ купленъ не на товары англійскихъ фабрикъ, а на сахаръ и ямайскій ромъ, купленный прежде на эти товары, то купцу пришлось бы ждать окончанія трехъ заграничныхъ оборотовъ. Если бы эти двѣ или три иностранныя операціи были сдѣланы двумя или тремя разными купцами, изъ которыхъ второй купилъ бы товары, ввезенные первымъ, а третій— ввезенные вторымъ, чтобы потомъ снова вывезти ихъ; то въ этомъ случаѣ, конечно, каждый изъ купцовъ скорѣе выручилъ бы свой капиталъ. Тѣмъ не менѣе окончательное возстановленіе всего капитала, затраченнаго на всѣ эти операціи, не совершилось бы скорѣе. Для цѣлой страны нѣтъ ни малѣйшей разницы въ томъ, принадлежитъ ли капиталъ, затраченный на такую обходную иностранную торговлю, одному или тремъ купцамъ; но это можетъ имѣть значеніе только по отношенію къ каждому купцу въ отдѣльности. Какъ бы то ни было, а для обмѣна извѣстнаго количества издѣлій англійскихъ фабрикъ на извѣстное количество льна и пеньки потребуется всегда капиталъ втрое больше того, какой понадобился бы, если бы фабричныя издѣлія съ одной стороны, а пенька и ленъ съ другой обмѣнивались прямо одни на другія.

Вслѣдствіе этого, капиталъ, затраченный на такую обходную иностранную торговлю, назначенную для внутренняго потребленія страны, окажетъ вообще ея производительному труду меньше под-

держки и поощренія, чѣмъ такой же капиталъ, затраченный на такую же торговлю, но производимую прямымъ путемъ.

Какъ бы ни были различны иностранные товары, на которые покупаются заграницей предметы, необходимые для внутренняго потребленія страны, они не могутъ имѣть никакого существеннаго значенія ни въ отношеніи характера торговли, ни въ отношеніи поддержки и поощренія производительному труду той страны, гдѣ производится такая торговля. Будутъ ли эти товары куплены, напримѣръ, на бразильское золото или на перуанское серебро, во всякомъ случаѣ это золото и это серебро должно быть куплено, какъ и виргинскій табакъ, на какіе нибудь предметы внутренней промышленности страны, или на что нибудь другое, купленное прежде на тѣ же предметы. Слѣдовательно, въ отношеніи производительнаго труда всякаго общества, иностранная торговля, назначенная для внутренняго потребленія его и совершаемая при посредствѣ золота и серебра, представляетъ тѣже выгоды и невыгоды, какъ и всякая другая подобная же иностранная торговля, дѣлаетъ такое же количество оборотовъ, и возстановитъ съ тою же скоростью, или съ тою же медленностью, капиталъ, непосредственно служащій поддержанію производительнаго труда. Кажется даже, что такая торговля представляетъ нѣкоторыя выгоды въ сравненіи со всякою другою не прямою торговлею того же рода. Перевозка этихъ металловъ съ одного мѣста на другое, въ виду ихъ большой цѣнности при маломъ объемѣ, требуетъ меньшихъ расходовъ, чѣмъ перевозка почти всѣхъ другихъ иностранныхъ

товаровъ такой же цѣнности: расходы по перевозкѣ гораздо меньше, а страхованіе не дороже. Поэтому, при посредствѣ золота и серебра, часто можно купить то же количество иностранныхъ товаровъ на меньшее количество продуктовъ внутренней промышленности, чѣмъ при посредствѣ всякаго другого иностраннаго товара. При этомъ способѣ можно часто удовлетворить спросу страны гораздо полнѣе и съ меньшими расходами, чѣмъ при всякомъ другомъ.

Та часть капитала страны, которая употребляется на перевозочную торговлю, совсѣмъ отвлекается отъ поддержанія производительнаго труда этой страны и обращается на поддержаніе труда другихъ странъ. Хотя каждою изъ этихъ операцій и возстановляются два разные капитала, однако ни тотъ, ни другой не составляютъ капитала народнаго. Капиталъ голландскаго купца, который перевозитъ въ Португалію хлѣбъ изъ Польши и привозитъ въ Польшу плоды и вина изъ Португаліи, возстановляетъ каждою изъ этихъ операцій два капитала; но ни тотъ, ни другой ничѣмъ не служитъ производительному труду Голландіи, ибо одною изъ нихъ поддерживаетъ производительный трудъ Польши, а другою—Португаліи. Въ пользу же Голландіи поступаетъ только полученныя купцомъ прибыли, которыя и представляютъ собою все, что эта торговля прибавляетъ къ годовому продукту земли и труда этой страны. Правда, когда перевозочная торговля страны производится на своихъ судахъ и своимъ экипажемъ, то затраченная на эту торговлю часть капитала, оплачивающая расходы по перевозкѣ, распредѣляется между извѣстнымъ количествомъ производи-

тельныхъ рабочихъ этой страны и доставляетъ имъ работу. Въ дѣйствительности такъ поступали почти всѣ народы, принимавшіе большое участіе въ перевозочной торговлѣ. Отсюда, вѣроятно, эта торговля и получила свое названіе, потому что жители, занимающіеся ею, въ дѣйствительности служатъ перевощиками другихъ странъ. Впрочемъ, это обстоятельство не имѣетъ, кажется, для самой торговли, никакого существеннаго значенія. Такъ, напримѣръ, голландскій купецъ можетъ употребить свой капиталъ на торговыя операціи между Польшей и Португаліей, перевозя часть излишка продуктовъ одной страны въ другую на англійскихъ, а не голландскихъ корабляхъ, какъ это, вѣроятно, и бываетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Смотря на дѣло именно съ этой точки зрѣнія и предполагали, что перевозочная торговля была въ особенности выгодна такой странѣ, какъ Великобританія, такъ какъ защита и безопасность ея зависятъ отъ числа моряковъ и обширности флота. Но вѣдь на капиталъ, помѣщенный въ иностранную торговлю для внутренняго потребленія или во внутреннюю каботожную торговлю, можно содержать точно такое же число судовъ и экипажа, какъ и на такой же капиталъ, употребленный на перевозочную торговлю. Число судовъ и моряковъ, которое можетъ быть употребляемо на счетъ капитала, зависитъ не отъ свойства торговли, въ которую онъ затраченъ, а частью отъ объема товаровъ сравнительно съ ихъ цѣнностью, а частью отъ разстоянія между двумя портами, въ которые они перевозятся; главнымъ же образомъ оно зависитъ отъ перваго изъ этихъ двухъ условій. Торговля, напримѣръ, каменнымъ

углемъ между Ньюкэстлемъ и Лондономъ употребляетъ больше судовъ и матросовъ, чѣмъ вся перевозочная торговля Англіи, хотя разстояніе между этими двумя портами совсѣмъ не такъ велико. Слѣдовательно, превлекать искусственными средствами капиталы къ участію въ перевозочной торговлѣ въ большемъ количествѣ, чѣмъ сколько требуется ихъ въ дѣйствительности — далеко нельзя считать всегда надежнымъ средствомъ для увеличенія торговаго флота страны.

Такимъ образомъ капиталъ, употребленный на внутреннюю торговлю страны, вообще оказываетъ поддержку и поощреніе гораздо большему количеству ея производительнаго труда и больше увеличиваетъ цѣнность ея годового продукта, чѣмъ такой же капиталъ, затраченный въ иностранную торговлю для внутренняго потребленія той же страны. А капиталъ, употребленный на эту послѣднюю торговлю, и въ томъ и въ другомъ отношеніи, приноситъ несравненно больше выгодъ въ сравненіи съ капиталомъ, затраченнымъ на перевозочную торговлю. Общественное богатство страны и даже ея могущество, на сколько оно можетъ зависѣть отъ богатства, должно всегда находиться въ прямомъ отношеніи къ цѣнности ея годового продукта, составляющаго единственный источникъ, изъ котораго въ концѣ-концовъ почерпаются всѣ налоги. Такъ какъ главный предметъ экономической политики заключается вездѣ въ умноженіи богатства страны и усиленіи ея могущества, то и не слѣдуетъ давать никакого предпочтенія иностранной торговлѣ передъ внутреннею, ни перевозочной передъ двумя первыми. Эта политика не должна поощрять

одинъ родъ торговли передъ другими; она не должна, посредствомъ льготъ или стѣсненій, привлекать къ которому либо изъ этихъ двухъ каналовъ больше капиталовъ, чѣмъ сколько обратилось бы ихъ туда при естественномъ ходѣ вещей.

Какъ бы то ни было, каждая изъ этихъ отдѣльныхъ отраслей торговли не только выгодна, но даже необходима и неизбѣжна, если только возникаетъ сама собою, въ силу естественнаго хода вещей, безъ всякаго внѣшняго стѣсненія и принужденія.

Если количество произведеній какой нибудь отдѣльной отрасли промышленности превышаетъ существующій на нихъ спросъ въ странѣ, то избытокъ ихъ непремѣнно пойдетъ за границу въ обмѣнъ на что нибудь такое, что требуется внутри страны. Безъ этого вывоза часть производительнаго труда страны перестанетъ дѣйствовать и тогда цѣнность ея годового продукта непремѣнно уменьшится. Почва и трудъ Великобританіи естественно производитъ хлѣбъ, шерстяныя и металлическія издѣлія въ большемъ количествѣ, чѣмъ сколько требуется ихъ на внутреннемъ рынкѣ, а потому излишекъ ихъ долженъ быть вывезенъ за границу въ обмѣнъ на что нибудь такое, что требуется въ странѣ. Только при помощи такого вывоза этотъ излишекъ можетъ получить достаточную цѣнность для того, чтобы вознаградить за трудъ и расходъ, употребленные на его производство. Близость моря и судоходныя рѣки только тѣмъ и выгодны для промышленности, что они облегчаютъ перевозку и обмѣнъ излишковъ ея произведеній на какіе нибудь предметы, болѣе другихъ необходимые для страны.

Единственный мотивъ, побуждающій владѣльца

капитала затратить его скорѣе въ земледѣліе, или въ фабричное дѣло или въ какую нибудь отрасль оптовой или розничной торговли, это—личная выгода. Ему никогда и въ голову не приходить разсчитывать, сколько каждое изъ этихъ занятій вызоветъ производительнаго труда, или какую цѣнность прибавитъ оно къ годовому продукту земли и труда его страны. Такъ, въ странѣ, гдѣ земледѣліе доставляетъ самое выгодное помѣщеніе капитала и гдѣ самый вѣрный путь достигнуть блестящаго богатства заключается въ разработкѣ и улучшеніи земель, капиталы частныхъ лицъ естественно пойдутъ въ такое дѣло, которое въ тоже время будетъ и самымъ выгоднымъ для обществъ вообще. Впрочемъ, ни въ какой, кажется, странѣ Европы, земледѣліе не даетъ больше прибылей, чѣмъ всякое другое помѣщеніе капиталовъ. Правда, въ послѣдніе года, во всѣхъ уголкахъ Европы стали появляться спекулянты, которые заманиваютъ публику соблазнительными рекламами о большихъ прибыляхъ, какія будто бы можно получить отъ разработки и улучшенія земель. Нечего, конечно, входять въ серьезныя опроверженія такихъ вычисленій—тутъ довольно самаго простого наблюденія, чтобы убѣдиться въ ихъ очевидной ошибочности. Каждый день можно видѣть, какъ въ теченіе жизни одного человѣка торговлею и фабричною промышленностью наживаются самыя блестящія богатства, при чемъ очень часто дѣло начинается съ капиталомъ очень слабымъ, а иногда и совсѣмъ безъ капитала. Но подобное богатство, нажитое земледѣліемъ въ тотъ же срокъ и съ такимъ же ничтожнымъ капиталомъ, было бы по-истинѣ рѣдкимъ явленіемъ, для котораго

за послѣднее столѣтіе не нашлось бы, можетъ быть, ни одного примѣра въ исторіи Европы. А между тѣмъ во всѣхъ большихъ государствахъ Европы найдется еще много хорошихъ земель, лежащихъ впустѣ, да и значительная часть обработанныхъ земель еще далеко не достигла той степени улучшенія, для которой онѣ способны. А поэтому почти вездѣ земледѣліе нуждается еще въ гораздо большемъ капиталѣ, чѣмъ сколько было затрачено на него до настоящаго времени.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

I.

О развитіи и успѣхахъ благосостоянія у разныхъ народовъ.

Взаимныя сношенія между жителями города и деревни составляютъ главную торговлю въ каждомъ развитомъ обществѣ.

Она заключается въ обмѣнѣ сырыхъ предметовъ на обработанныя издѣлія, который совершается или непосредственно однихъ на другія, или при посредствѣ звонкой монеты и бумажныхъ денегъ, представляющихъ собою ту же монету. Деревня снабжаетъ городъ съѣстными припасами и матеріалами для фабричнаго производства, а городъ вознаграждаетъ за это деревню тѣмъ, что высылаетъ ея жителямъ часть своихъ фабричныхъ издѣлій. Городъ, который самъ не производитъ, да и не можетъ производить никакихъ средствъ пропитанія, получаетъ свое продовольствіе и свои богатства, собственно говоря, изъ деревни. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы городъ жилъ на счетъ деревни. Выгоды ихъ обоюдны, и въ этомъ случаѣ, какъ и во всякомъ другомъ, раздѣленіе труда доставляетъ выгоду каждому отдѣльному лицу, избравшему себѣ то или другое спеціальное занятіе, въ которомъ трудъ подраздѣляется на отдѣльныя отрасли. Жители деревни покупаютъ у города гораздо большее

количество обработанныхъ издѣлій, но гораздо меньшее количество собственнаго труда, сравнительно съ тѣмъ, какое пришлось бы имъ употребить, если бы они захотѣли сами приготовить эти издѣлія. Городъ доставляетъ деревнѣ рынокъ для продажи излишковъ ея продуктовъ, т. е. для продажи того, что остается у деревенскихъ жителей за ихъ собственнымъ продовольствіемъ, и на этомъ-то рынкѣ они мѣняютъ излишки своихъ продуктовъ на то, что имъ самимъ нужно. Чѣмъ больше жителей въ городѣ и чѣмъ больше ихъ доходъ, тѣмъ обширнѣе рынокъ, доставляемый ими жителямъ деревни, а чѣмъ обширнѣе этотъ рынокъ, тѣмъ вообще выгоднѣе для большинства тѣхъ и другихъ. Хлѣбъ, собираемый за какую-нибудь милю отъ города, продается тамъ по той же цѣнѣ, какъ и хлѣбъ, привезенный за двадцать миль. Но цѣна этого послѣдняго хлѣба должна вообще не только оплатить расходы по обработкѣ и привозу его на рынокъ, но еще и доставить фермеру обычную прибыль съ его промысла. Такимъ образомъ землевладѣльцы и земледѣльцы, живущіе въ сосѣдствѣ съ городомъ, получаютъ въ цѣнѣ продаваемыхъ ими продуктовъ, кромѣ обычныхъ прибылей отъ земледѣлія, всю цѣнность провоза продуктовъ, доставляемыхъ другими изъ болѣе отдаленныхъ мѣстъ и, кромѣ того, сберегаютъ еще цѣнность провоза продуктовъ, которые покупаютъ сами. Сравните обработку земель, расположенныхъ въ сосѣдствѣ большого города, съ обработкою земель вдали отъ него и вы легко убѣдитесь, какую выгоду извлекаетъ деревня изъ своей торговли съ городомъ. При всѣхъ нелѣпостяхъ теоріи торговаго баланса, никому однако не при-

ходило въ голову доказывать, что деревня теряла что нибудь отъ своей торговли съ городомъ, или что городъ терялъ что нибудь отъ своей торговли съ деревней, которая его кормитъ.

Такъ какъ средства существованія, по естественному ходу вещей, составляютъ главную потребность, предшествующую потребности въ удобствахъ и роскоши жизни, то и промышленность, удовлетворяющая первой изъ этихъ потребностей, должна, конечно, предшествовать всякой другой промышленности, удовлетворяющей остальнымъ потребностямъ. Поэтому обработка полей и улучшеніе самой деревни, доставляющей средства существованія, должны непремѣнно предшествовать успѣхамъ города, доставляющаго деревнѣ только предметы удобства и роскоши. Только излишекъ продуктовъ деревни, то-есть излишекъ того, что остается за продовольствіемъ деревенскихъ жителей, доставляетъ средства существованія городу, населеніе котораго можетъ, стало быть, умножиться только при возрастаніи продуктовъ деревни. Случается, правда, что городъ не всегда получаетъ всѣ свои средства существованія изъ сосѣдней деревни, ни даже изъ округи, къ которой самъ принадлежитъ, и что часто эти средства доставляются ему изъ деревень очень отдаленныхъ; однако и такой случай, не составляющій исключенія изъ общаго правила, не оставался у разныхъ народовъ и въ разное время безъ значительнаго вліянія на общій ходъ народнаго благосостоянія.

Такой порядокъ вещей, установляющійся вообще въ силу необходимости, хотя нѣкоторыя страны и могутъ составлять исключеніе изъ этого пра-

вила, опирается вездѣ еще и на естественное стремленіе человѣка. Если бы это естественное стремленіе никогда не встрѣчало себѣ противодѣйствія со стороны человѣческихъ установленій, то ни въ одной странѣ населеніе городовъ не размножалось бы больше того числа жителей, какое могло бы существовать, благодаря извѣстной обработкѣ и улучшенію земель на территоріи, на которой расположены эти города, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока вся эта территорія была бы вполнѣ обработана и улучшена. При одинаковыхъ прибыляхъ, или при не большой только разницѣ ихъ, большинство капиталистовъ охотнѣе употребятъ свои капиталы на обработку и улучшеніе земли, чѣмъ на фабричное дѣло или на иностранную торговлю. Человѣкъ, ввѣряющій свой капиталъ землѣ, всегда имѣетъ его передъ глазами и въ своемъ распоряженіи, и состояніе такого капиталиста гораздо менѣе подвержено случайностямъ, нежели состояніе купца. Послѣдній часто бываетъ вынужденъ ввѣрять свой капиталъ не только вѣтрамъ и волнамъ, но и еще болѣе не надежнымъ силамъ—людской глупости и несправедливости, когда оказываетъ въ отдаленныхъ странахъ большіе кредиты людямъ, положенія и характера которыхъ онъ даже не можетъ знать. На-оборотъ, капиталъ употребленный владѣльцемъ на улучшеніе его собственной земли, повидимому, обезпеченъ на столько, на сколько можетъ быть обезпечено какое-нибудь дѣло рукъ человѣческихъ. Помимо того, красота деревни, удовольствія деревенской жизни, душевный покой, которымъ можно наслаждаться, и сознаніе своей независимости, которую дѣйствительно доставляетъ такая жизнь, если

только не мѣшаетъ ей несправедливость законовъ, представляютъ для всѣхъ и каждаго болѣе или менѣе привлекательныя прелести. И такъ какъ въ первобытныя времена назначеніе человѣка заключалось въ воздѣлываніи земли, то онъ, кажется, и сохранилъ во всѣ періоды своей жизни особое предрасположеніе къ этому первоначальному занятію, свойственному его природѣ.

Правда, земледѣліе не могло бы избѣгнуть многихъ неудобствъ и постоянныхъ перерывовъ, еслибы не находило себѣ помощи въ нѣкоторыхъ мастерствахъ. Кузнецы, плотники, телѣжники, каменьщики, кожевники, сапожники, портные — все это такіе мастеровые, къ услугамъ которыхъ фермеру то и дѣло приходится обращаться. Но и эти мастеровые время отъ времени также нуждаются другъ въ другѣ, и такъ какъ имъ нѣтъ надобности, какъ фермеру, держаться какого-нибудь участка земли, то они и селятся обыкновенно одинъ возлѣ другого и такимъ образомъ создаютъ городокъ или мѣстечко. Скоро поселяются съ ними мясники, пивовары, хлѣбники и много другихъ мастеровыхъ и мелочныхъ торговцевъ, необходимыхъ и полезныхъ для ихъ ежедневныхъ нуждъ, и тѣмъ еще болѣе содѣйствуютъ расширенію города. Жители города и жители деревни оказываютъ другъ другу взаимныя услуги. Городъ представляетъ собою постоянную ярмарку или рынокъ, куда сходятся деревенскіе люди мѣнять свои сырые продукты на обработанныя издѣлія, а горожанамъ эта торговля доставляетъ и сырые матеріалы для ихъ работы и средства существованія. Количествомъ издѣлій, продаваемыхъ горожанами жителямъ деревни, необходимо опредѣ-

ляется количество матеріаловъ и съѣстныхъ припасовъ, которые они покупаютъ у нихъ. Такимъ образомъ ни ихъ занятія, ни ихъ средства пропитанія не могутъ увеличиться иначе, какъ въ соотвѣтствіи съ требованіемъ деревни на ихъ издѣлія, а это требованіе, въ свою очередь, также не можетъ усилиться иначе, какъ соразмѣрно расширенію и улучшенію земледѣлія. Слѣдовательно, если бы человѣческія установленія не возмущали естественнаго теченія жизни, то богатство и населеніе городовъ во всякой странѣ возрастали бы вслѣдъ за развитіемъ деревень и соотвѣтственно успѣхамъ земледѣлія въ нихъ, или въ окружающей ихъ области.

Ни въ одной англійской колоніи Сѣверной Америки, гдѣ можно еще выгодно пріобрѣтать земли для обработки, не заведено фабрикъ для продажи издѣлій куда-нибудь далеко на сторону. Когда въ этой странѣ какой-нибудь ремесленникъ сколотитъ себѣ какія-нибудь средства, больше чѣмъ нужно ему, чтобы продолжать своими издѣліями торговлю съ сосѣдней деревней, то онъ не старается завести на свой капиталъ какую-нибудь фабрику для расширенія своихъ оборотовъ съ болѣе отдаленными мѣстами, а употребляетъ его на покупку какой-нибудь еще не тронутой земли и на ея обработку. Изъ мастерового становится онъ плантаторомъ. Ни высокая заработная плата, ни большіе заработки, дающіе мастеровому возможность лучше устроить свою жизнь, не могутъ заставить его работать скорѣе на другихъ, чѣмъ на самого себя. Онъ чувствуетъ, что мастеровой — всегда слуга своего хозяина, дающаго ему возможность жить, а что

земледѣлецъ, работающій надъ своею землей и находящій въ трудѣ своей семьи средства удовлетворенія первымъ потребностямъ жизни, есть настоящій господинъ, ни отъ кого не зависимый.

На-оборотъ, въ странѣ, гдѣ нѣтъ дѣвственныхъ земель, или гдѣ нельзя за-дешево пріобрѣсть ихъ. всякій мастеровой, скопивши болѣе, чѣмъ сколько нужно ему для расширенія его оборотовъ съ округою, старается заготовить такія издѣлія, которыя можно было бы продать на болѣе отдаленномъ рынкѣ. Кузнецъ устраиваетъ мастерскую для желѣзныхъ вещей, ткачъ заводитъ фабрику шерстяныхъ и полотняныхъ издѣлій, и такимъ образомъ съ теченіемъ времени эти различныя заведенія постепенно спеціализируются и совершенствуются на тысячу ладовъ, что̀ понятно само собою и не требуетъ дальнѣйшихъ объясненій.

Когда ищутъ помѣщенія капиталу. то при условіи одинаковыхъ или почти одинаковыхъ прибылей, обыкновенно предпочитаютъ фабричное дѣло иностранной торговлѣ по тѣмъ же причинамъ. почему земледѣліе предпочитается фабричному дѣлу. Какъ капиталъ землевладѣльца или фермера болѣе обезпеченъ, нежели капиталъ фабриканта. такъ и капиталъ фабриканта, находящійся у него на глазахъ и въ его непосредственномъ распоряженіи, также болѣе обезпеченъ, нежели капиталъ купца, ведущаго иностранную торговлю. Правда, во всякомъ періодѣ развитія обществъ, необходимо. чтобы избытокъ сырыхъ продуктовъ и фабричныхъ издѣлій. избытокъ всего, на что дома нѣтъ спроса, вывозился за границу, въ обмѣнъ на то, что требуется внутри страны. Но при этомъ для нея все равно,

будетъ ли этотъ избытокъ товаровъ отвозиться за границу на свой собственный или иностранный капиталъ. Если общество еще не успѣло скопить достаточно своего капитала для воздѣлыванія всѣхъ своихъ земель и для полной обработки всѣхъ своихъ сырыхъ продуктовъ, то для него гораздо выгоднѣе, если вывозъ этихъ избытковъ производится на счетъ иностраннаго капитала, ибо въ такомъ случаѣ оно можетъ приберечь собственный капиталъ для предпріятій наиболѣе выгодныхъ. Богатства древняго Египта, Китая и Индустана достаточно доказываютъ, что народъ можетъ достигнуть очень высокой степени благосостоянія, хотя большая часть его вывоза и производится иностранцами. Если бы англійскія колоніи Сѣверной Америки или Восточной Индіи не имѣли другого капитала, кромѣ того, на который онѣ вывозятъ за границу избытки своихъ продуктовъ, то эти области не могли бы сдѣлать такихъ быстрыхъ успѣховъ.

Такимъ образомъ, при естественномъ ходѣ вещей, большая часть капиталовъ только-что начинающаго жить общества направляется прежде всего на земледѣліе, а потомъ на фабричное дѣло и уже послѣ всего на иностранную торговлю. Этотъ порядокъ вещей такъ натураленъ, что онъ повторялся, какъ я думаю, въ каждой странѣ, которая владѣетъ какою-нибудь территоріей. Въ такихъ странахъ земля обрабатывалась всегда раньше, чѣмъ возникали какіе нибудь значительные города, а въ нихъ заводились хотя въ грубомъ видѣ фабрики и мастерскія раньше, чѣмъ серьозно принимались тамъ за производство иностранной торговли.

Хотя этотъ естественный порядокъ вещей повто-

рялся до нѣкоторой степени въ каждой странѣ, владѣющей какою нибудь территоріей, однако во многихъ отношеніяхъ онъ совершенно извращался во всѣхъ новыхъ государствахъ Европы. Въ нѣкоторыхъ большихъ городахъ самыя лучшія фабрики, издѣлія которыхъ предназначались для продажи далеко на сторону, были заведены только благодаря иностранной торговлѣ этихъ городовъ, а важнѣйшія улучшенія въ обработкѣ земли были вызваны въ одно время фабриками и иностранной торговлей. Нравы и обычаи, введенные у такихъ народовъ ихъ первоначальными правительствами и сохранившіеся спустя много времени послѣ того, какъ эти правительства испытали большія перемѣны, были главною причиной, почему эти народы вынуждены были слѣдовать такому превратному и противному природѣ движенію.

Четвертая книга посвящена разсмотрѣнію разныхъ системъ политической экономіи. Вотъ заключеніе автора:

Всякая система, которая старается чрезвычайными поощреніями привлечь къ какой нибудь промышленности больше капиталовъ, чѣмъ сколько обратилось бы къ ней въ силу естественнаго хода вещей, или чрезвычайными преградами искуственно отвлечь отъ какой нибудь промышленности часть капиталовъ, которые безъ этихъ мѣръ стали бы искать въ ней выгоднаго помѣщенія, только вредитъ дѣлу, которое ставитъ главнымъ предметомъ своей заботливости. Такая система вмѣсто того, чтобы ускорить, только задерживаетъ успѣхи об-

щества на пути къ благосостоянію и его дѣйствительному возрастанію, и вмѣсто увеличенія дѣйствительной цѣнности годового продукта земли и руда, только умаляетъ эту цѣнность.

И такъ, если совсѣмъ устранить всѣ такія системы поощреній или стѣсненій промышленности, то остается только одна простая и легкая система естественной свободы. Всякій человѣкъ, пока онъ не нарушаетъ законовъ справедливости, пользуется полною свободою слѣдовать тому пути, который указываетъ ему его собственный интересъ, и употребляетъ свой трудъ и капиталъ, какъ ему заблагоразсудится, ни сколько не стѣсняясь тѣмъ, какъ дуйствуетъ какой нибудь другой классъ людей. При господствѣ такой системы правительство совершенно освобождается отъ тяжелой обязанности, которой оно никогда не въ состояніи исполнить, не подвергаясь неизбѣжно обманамъ всякаго рода, и для правильнаго исполненія которой у него не достанетъ ни мудрости, ни знанія человѣческой природы,—отъ обязанности постоянно руководить занятіями каждаго человѣка и направлять ихъ въ ту сторону, которая, по его предположенію, наиболѣе соотвѣтствуетъ благу всего общества.

При системѣ естественной свободы, всякому правительству предстояло бы исполнить только три обязанности, но обязанности хотя и очень важныя, однако по существу своему совершенно ясныя, простыя и доступныя для самаго простого пониманія. Первая обязанность — защищать общество отъ всякаго насилія или нашествія со стороны другихъ не зависимыхъ обществъ. — Вторая обязанность — охранять по возможности каждаго члена

общества отъ всякой несправедливости или притѣсненія со стороны другого члена общества, или обязанность—установить строгое правосудіе.—Наконецъ, третья обязанность—устраивать и содержать общественныя предпріятія и учрежденія, которыя были бы не подъ силу одному или нѣсколькимъ лицамъ вмѣстѣ, потому что прибыль. отъ нихъ получаемая, не можетъ покрыть расходовъ по ихъ содержанію, но которыя по отношенію къ цѣлому обществу могутъ приносимою ими пользою болѣе чѣмъ вознаградить за сдѣланные на нихъ расходы.

Эти различныя обязанности, лежащія на правительствѣ, необходимо требуютъ для своего исполненія извѣстныхъ матеріальныхъ средствъ, извѣстныхъ доходовъ въ пользу государства. Поэтому въ слѣдующей пятой и послѣдней книгѣ сочиненія я постараюсь изложить: во-первыхъ, въ чемъ состоятъ необходимыя расходы государя и государства: которые изъ этихъ расходовъ должны быть покрываемы сборами со всего общества и которые—сборами лишь съ какой-нибудь части его и даже съ членовъ общества въ отдѣльности.—Во-вторыхъ, какими способами можно привлечь цѣлое общество къ покрытію лежащихъ на немъ расходовъ и въ чемъ состоятъ выгоды и неудобства каждаго изъ этихъ способовъ.—Втретьихъ, по какимъ поводамъ и причинамъ почти всѣ новыя государства пришли къ необходимости отчуждать, или закладывать часть своихъ доходовъ, и заключать долги, и въ чемъ выразилось вліяніе этихъ долговъ на дѣйствительное богатство общества, на годовое производство земли и труда.

Изъ пятой книги „Изслѣдованій“ заимствуемъ лишь слѣдующія установленныя Адамомъ Смитомъ четыре главныя правила, которыя должны быть соблюдаемы при взиманіи налоговъ.

Первое правило.—Всѣ граждане государства должны содѣйствовать поддержанію правительства, — каждый въ мѣрѣ своихъ платежныхъ силъ, то-есть соотвѣтственно доходу, которымъ онъ пользуется подъ покровительствомъ государства.

Расходы правительства по отношенію къ гражданамъ великой націи—тоже, что расходы по управленію какимъ нибудь обширнымъ помѣстьемъ, совладѣльцы котораго обязаны участвовать въ этихъ расходахъ, каждый соразмѣрно принадлежащей ему доли въ этомъ помѣстьѣ. Соблюденіе или нарушеніе этого правила составляетъ то, что называется *равенствомъ* или *неравенствомъ* въ распредѣленіи налога. Тутъ необходимо однажды на всегда установить, что всякій налогъ, падающій въ концѣ-концовъ только на одинъ изъ трехъ разрядовъ доходовъ—съ труда, капитала и земли—всегда не равномѣренъ, по скольку онъ не касается двухъ остальныхъ доходовъ.

Второе правило.—Такса, или та часть налога, которую обязано платить каждое отдѣльное лицо, должна быть точно опредѣлена, а не измѣняться по произволу установителей.

Срокъ платежа, способъ платежа, а также сумма платежа—все это должно быть заранѣе точно опредѣлено и ясно какъ для плательщика налога, такъ и для всякаго сторонняго человѣка. Если это дѣлается не такъ, то каждое лицо, подлежащее налогу, болѣе или менѣе отдается на произволъ сбор-

щика податей, который можетъ или увеличить размѣръ налога по недоброжелательству къ плательщику, или, пользуясь страхомъ его—подвергнуться усиленному обложенію, можетъ выманить какой нибудь подарокъ или „благодарность“. Неопредѣленность въ установленіи размѣра налога поощряетъ нахальство и содѣйствуетъ развращенію сборщиковъ податей, которые и безъ того, по самому положенію своему, ненавистны народу, если бы даже сами по себѣ не были ни нахальны, ни развращены. Опредѣленность въ установленіи доли платежа каждаго гражданина имѣетъ такую огромную важность, что даже большая степень неравенства въ обложеніи, какъ доказывается это, я думаю, опытомъ всѣхъ народовъ, часто не бываетъ такъ вредна, какъ ничтожная степень неопредѣленности размѣра налога.

Третье правило.—Всякій налогъ долженъ быть взимаемъ въ такое время и такимъ способомъ, которые наименѣе стѣснительны для плательщиковъ.

Если налогъ на земельную ренту или на доходъ съ найма квартиръ взимается въ то самое время, когда онъ получается владѣльцемъ земли или дома, то можно быть увѣрену, что плательщику будетъ всего удобнѣе уплатить требуемый съ него налогъ, или что ему именно въ это время, вѣроятно, есть чѣмъ уплатить его. Всякій налогъ на потребленіе, состоящее изъ предметовъ роскоши, уплачивается обыкновенно потребителемъ и притомъ способомъ, наиболѣе для него удобнымъ. Онъ уплачиваетъ этотъ налогъ мало по малу, по мѣрѣ того, какъ онъ покупаетъ эти предметы потребленія. А затѣмъ, такъ какъ онъ воленъ купить или не купить

ихъ по своимъ личнымъ разсчетамъ, то, безъ сомнѣнія, онъ будетъ самъ виноватъ, если испытаетъ какое нибудь стѣсненіе въ уплатѣ такого налога.

Четвертое правило. — Всякій налогъ долженъ быть разсчитанъ такъ, чтобы изъ рукъ народа выходило какъ можно меньше денегъ сверхъ того, что должно поступить въ государственную казну, и чтобы въ то же время уплаченныя народомъ деньги, до поступленія ихъ въ казначейство, оставались какъ можно меньше времени въ рукахъ сборщиковъ податей. При взиманіи налога можетъ выходить изъ рукъ народа больше денегъ, чѣмъ сколько требуется государственною казною, или они могутъ оставаться внѣ рукъ плательщиковъ гораздо дольше, чѣмъ сколько требуется тою же казною. Это можетъ происходить въ слѣдующихъ четырехъ случаяхъ: 1. Взиманіе налога требуетъ иногда слишкомъ большого числа должностныхъ лицъ, содержаніе которыхъ поглощаетъ бо́льшую часть суммъ, собранныхъ налогомъ, при чемъ лихоимство сборщиковъ податей является какъ бы дополнительнымъ обложеніемъ народа. — 2. Налогъ можетъ мѣшать развитію народной промышленности и отклонить народъ отъ такихъ отраслей торговли и производства, въ которыхъ многіе могли бы найти себѣ занятія и средства существованія. Такъ, съ одной стороны, налогъ заставляетъ народъ платить, а съ другой онъ ослабляетъ или иногда даже совсѣмъ закрываетъ источники, изъ которыхъ онъ могъ бы почерпнуть бо́льшія средства уплатить налогъ. — 3. Конфискаціи, штрафы и другія наказанія, которымъ подвергаются несчастные плательщики за

свои покушенія избѣгнуть платежа налога. часто могутъ раззорить ихъ и лишить само общество выгоды, которыя оно могло бы получить отъ употребленія въ дѣло ихъ капиталовъ. Налогъ, необдуманно установленный, даетъ поводъ сильнымъ искушеніямъ къ обману, а съ увеличеніемъ этихъ искушеній усиливаются и наказанія за обманъ. Законъ, нарушая первыя начала справедливости, самъ порождаетъ искушенія, за которыя потомъ караетъ тѣхъ, кто не устоялъ противъ нихъ: при этомъ обыкновенно усиливаются наказанія соотвѣтственно тому, какъ увеличиваются поводы, которые должны были бы смягчить ихъ, то есть соотвѣтственно соблазну совершить преступленіе.—4. Подвергая народъ частымъ посѣщеніямъ и ненавистнымъ осмотрамъ со стороны сборщиковъ податей, налогъ можетъ причинить плательщикамъ много безполезныхъ непріятностей, насилій и притѣсненій, которыя, конечно, представляютъ собою для плательщика расходъ, за который онъ охотно откупился бы отъ нихъ.

При каждомъ изъ этихъ четырехъ различныхъ условій взиманія налоговъ, они за-частую бываютъ несравненно тягостнѣе для народа, чѣмъ выгодны для государства.

Справедливость и польза приведенныхъ выше четырехъ главныхъ правилъ по взиманію налоговъ такъ очевидны, что всѣ народы болѣе или менѣе старались объ исполненіи ихъ. Всѣ народы болѣе всего заботились о равномѣрномъ распредѣленіи налоговъ, о точномъ опредѣленіи платежей и о наи-

большемъ удобствѣ взиманія ихъ для плательщиковъ, какъ въ отношеніи времени и способа взиманія, такъ и соразмѣрности съ доходомъ, уплачиваемымъ государству, то-есть заботились о томъ, чтобы бремя налоговъ было какъ можно легче для народа. Но эти заботы у разныхъ народовъ не всегда были одинаково успѣшны.

Систематическое изложеніе ученія Адама Смита.

По Жермену Гарнье.

Простота „Изслѣдованій“ Адама Смита съ перваго взгляда не замѣтна: требуется большое изученіе и долгое размышленіе, чтобы признать эту простоту. Не надо скрывать, что недостатокъ, въ которомъ такъ часто упрекали англійскихъ писателей,—что они въ своихъ научныхъ изслѣдованіяхъ пренебрегаютъ методомъ и тѣми дидактическими формами, которыя, облегчая память читателя, служатъ ему надежнымъ руководствомъ для изученія, сильно чувствуется въ „Изслѣдованіяхъ о богатствѣ народовъ“, какъ будто авторъ взялся за перо въ минуту наибольшаго возбужденія своимъ предметомъ и обширностью сдѣланныхъ имъ открытій. Онъ начинаетъ съ того, что вдругъ развертываетъ передъ глазами читателя безконечныя чудеса, совершаемыя *раздѣленіемъ труда:* этою величественною картиною открываетъ онъ курсъ своихъ драгоцѣнныхъ уроковъ. Постепенно разъясняя условія, которыми вызывается и ограничивается это раздѣленіе, Смитъ, слѣдуя потоку своихъ мыслей, переходитъ къ опредѣленію цѣнностей и изложенію

законовъ, ими управляющихъ, къ разбору входящихъ въ составъ ихъ элементовъ и объясненію взаимныхъ отношеній между различными по своей природѣ и происхожденію цѣнностей. Все это—такія основныя положенія, которыя слѣдовало бы объяснить читателю раньше, чѣмъ ставить передъ его глазами сложную машину умноженія богатства и открывать чудеса самаго могущественнаго изъ его двигателей.

Съ другой стороны, руководящая нить его поученій часто какъ будто прерывается длинными отступленіями, а иногда словно совсѣмъ затеривается. Таковы отступленія: *о колебаніяхъ цѣнности драгоцѣнныхъ металловъ въ теченіе четырехъ послѣднихъ столѣтій*, съ критическимъ разборомъ мнѣнія, по которому цѣнность этихъ металловъ все уменьшается (кн. I, гл. 11);—*о циркуляціонныхъ банкахъ и о бумажныхъ деньгахъ* (кн. II, гл. 2):—*о депозитныхъ банкахъ и въ особенности о банкѣ амстердамскомъ*, уставы и операціи котораго излагаются слишкомъ подробно (кн. IV, гл. 3);—*о выгодахъ, доставляемыхъ правомъ чеканки монеты*, напечатанныхъ въ гл. *о торговыхъ договорахъ* (кн. IV, гл. 6):—наконецъ, *о хлѣбной торговлѣ и торговомъ законодательствѣ*, совершенно чуждомъ главному содержанію книги, въ которой оно помѣщено. Всѣ эти частныя статьи, можетъ быть и лучшія, какія существуютъ по этому предмету, помѣщены у Смита такъ, что развлекаютъ вниманіе читателя и способствуютъ тому, что онъ теряетъ изъ виду главный предметъ, и такимъ образомъ очень вредятъ общему, цѣльному впечатлѣнію. Авторъ не скрываетъ отъ себя неудобствъ такихъ отступленій и во многихъ мѣстахъ

своего сочиненія извиняется, что отступилъ отъ своего главнаго предмета; онъ признается даже, что эти отступленія лучше было-бы помѣстить въ другомъ мѣстѣ. Но-неволѣ жалѣешь, что эти отдѣльныя статьи не были отнесены авторомъ въ конецъ сочиненія, въ видѣ отрывковъ и прибавленій.

Чтобы дать читателямъ возможность справиться съ неправильностями внѣшняго расположенія „Изслѣдованій“ и облегчить начинающимъ изученіе Смита, Гарнье установилъ порядокъ, въ которомъ, по его мнѣнію, было было всего удобнѣе слѣдить за естественнымъ теченіемъ его идей.

Прежде всего я долженъ замѣтить, говоритъ Гарнье, что все ученіе Смита объ образованіи, умноженіи и распредѣленіи богатствъ содержится въ двухъ первыхъ книгахъ его „Изслѣдованій“, и что остальныя три книги могутъ быть изучаемы особо, какъ отдѣльныя сочиненія, которыя подтверждаютъ и развиваютъ его ученіе, изложенное въ первыхъ двухъ книгахъ.

Третья книга „Изслѣдованій“, это—политическое и историческое разсужденіе о постепенномъ ходѣ развитія богатства въ странѣ, если бы трудъ и промышленность въ ней были свободно предоставлены своему естественному движенію, и объ особыхъ обстоятельствахъ, которыя, въ силу разныхъ причинъ, привели во всѣхъ государствахъ Европы къ движенію, прямо противоположному.

Четвертая книга представляетъ собою полемическій трактатъ, въ которомъ авторъ задался опровергнуть различныя бывшія въ ходу системы политической экономіи и въ особенности такъ-называемую *меркантильную систему*, имѣвшую въ свое

время такое сильное вліяніе на законодательство и администрацію во всѣхъ странахъ Европы и въ особенности въ Англіи. Во многихъ отдѣльныхъ главахъ этой книги Смитъ разсматриваетъ разныя распоряженія, принимавшіяся тогдашними правительствами для покровительства этой системѣ. Таковы: запрещенія и другія преграды ввозу иностранныхъ товаровъ, возстановленіе правъ обратнаго вывоза, поощренія въ пользу разныхъ отраслей торговли, монопольная торговля съ колоніями и, наконецъ, торговые договоры, благопріятствовавшіе этой системѣ.

Наконецъ, въ пятой книгѣ говорится о доходахъ государства и расходахъ, которые обязательно должны лежать на немъ, какъ-то: о расходахъ на общую охрану, на отправленіе правосудія, на образованіе и нравственное совершенствованіе народа во всѣхъ его возрастахъ и во всѣхъ положеніяхъ. Въ особой главѣ Смитъ изслѣдуетъ, какіе расходы должно дѣлать правительство для покровительства торговлѣ вообще и въ частности обращенію товаровъ устройствомъ хорошихъ дорогъ и всякихъ наиболѣе удобныхъ способовъ передвиженія. Кажется, что въ этой же книгѣ должны были бы найти себѣ мѣсто расходы по отношенію къ монетѣ и заботы, которыя должно принимать на себя правительство, чтобы содержать ее въ полномъ порядкѣ. Въ отдѣлѣ о расходахъ для покровительства торговлѣ вообще Смитъ нашелъ удобнымъ разсмотрѣть, должно ли правительство дѣлать расходы для покровительства нѣкоторымъ отдѣльнымъ отраслямъ торговли, а это приводитъ его къ исторіи разныхъ привилегиро-

ванныхъ компаній для торговли съ Азіей, Аѣрикой и Южнымъ океаномъ и проч., компаній, не доставившихъ государству ничего кромѣ убытковъ. Изъ этого обзора выходитъ то заключеніе, что правительство могло бы сберечь большіе расходы и лучше послужило бы странѣ, если бы поддерживало свободу во всѣхъ родахъ торговли на общую пользу всѣхъ подданныхъ. Думаю, что лучше было бы помѣстить это разсужденіе объ исключительныхъ или привилегированныхъ компаніяхъ въ четвертой книгѣ, гдѣ изложены мѣры, принимавшіяся ради покровительства *меркантильной* системѣ.

Вторая половина пятой и послѣдней книги посвящена разсмотрѣнію болѣе справедливыхъ и менѣе тягостныхъ для народа способовъ производства государственныхъ расходовъ. По этому вопросу авторъ расходится съ французскими экономистами и одобряетъ налоги косвенные и обложеніе предметовъ потребленія. Эта книга оканчивается главою, въ которой онъ говоритъ о государственныхъ долгахъ и о вліяніи ихъ на общественное благосостояніе.

Изъ всего сказаннаго можно видѣть, что эти три книги могутъ быть изучены въ томъ видѣ, какъ онѣ составлены; читатель безъ особыхъ затрудненій пойметъ ихъ, если только хорошенько усвоитъ себѣ главное ученіе, содержащееся въ двухъ первыхъ книгахъ.

Разсмотримъ здѣсь содержаніе двухъ первыхъ книгъ, какъ цѣльнаго сочиненія. Я дѣлю ихъ на три части.

Въ первой говорится о цѣнностяхъ въ частности: опредѣленіе ихъ и законы ими управляющіе; раз-

боръ составныхъ частей всякой цѣнности; взаимныя отношенія цѣнностей разныхъ родовъ.

Во второй говорится объ общей массѣ богатствъ. Богатства дѣлятся на многіе разряды, смотря по своему назначенію или отправленіямъ.

Въ третьей излагаются способы умноженія и распредѣленія богатствъ.

Первая часть.

О цѣнностяхъ въ частности.

Существенное свойство, безъ котораго богатство не могло бы нести этого имени, это—*мѣновая цѣнность.*

Мѣновая цѣнность отличается отъ *цѣнности въ употребленіи* (или *полезности*—utilité.—*Кн. I, гл. 4*, въ концѣ).

Отношеніе, существующее между двумя мѣновыми цѣнностями и выраженное какимъ-нибудь условленнымъ мѣриломъ, называется *цѣною.*

Цѣнность, принятая всѣми образованными народами за такое мѣрило, это—цѣнность драгоцѣнныхъ металловъ. Причины такого предпочтенія монеты, происхожденіе ея (*Кн. I, гл. 4*); отношеніе между монетою и металломъ, на нее употребляемымъ (*Кн. I, гл. 5*).

Цѣна въ деньгахъ, или *номинальная* цѣна отличается отъ *дѣйствительной* цѣны предметовъ, установляемой количествомъ труда, котораго они стоютъ и которое они представляютъ собою (*Тамъ же*).

Законы, по которымъ естественно установляется цѣна богатствъ; случайныя обстоятельства, отклоняющія рыночную цѣну отъ цѣны естественной,

что вызываетъ различіе между цѣной *естественной и рыночной (Кн. I, гл. 7)*.

Цѣна образуется обыкновенно изъ трехъ различныхъ частей: *заработной платы* за трудъ, *прибыли* предпринимателя и *ренты* съ земли, доставляющей первоначальный матеріалъ для работы. Есть такіе товары, въ цѣну которыхъ не входитъ рента, другіе, въ меньшемъ числѣ, въ цѣну которыхъ не входитъ прибыль, но нѣтъ такихъ товаровъ, въ цѣну которыхъ не входила бы заработная плата (*Кн. I. гл. 6*).

Заработная плата. Законы, по которымъ естественно устанавливается величина заработной платы: случайныя обстоятельства, по которымъ она на время выходитъ изъ этихъ предѣловъ(*Кн. I, гл. 8*).

Прибыли съ капитала. Законы, по которымъ естественно устанавливается величина прибыли: случайныя обстоятельства, по которымъ она на время то подымается выше, то падаетъ ниже этого предѣла. (*Кн. I, гл. 9*).

Трудъ и капиталы естественно стремятся распредѣлиться однообразно по всѣмъ занятіямъ; нѣкоторыя занятія сопровождаются такими непріятностями и трудностями, которыхъ не встрѣчается въ другихъ; напротивъ, инымъ занятіямъ особенно свойственны дѣйствительныя или воображаемыя выгоды: заработная плата и прибыли возвышаются или понижаются соотвѣтственно этимъ выгодамъ и невыгодамъ, такъ что устанавливается справедливое равновѣсіе между всѣми различными занятіями. Произвольная и притѣснительная полиція Европы во многихъ случаяхъ противодѣйствуетъ тому, чтобы это

равновѣсіе установилось согласно съ естественнымъ порядкомъ вещей. (*Кн. I, гл. 10*).

Земельная рента. Что такое земельная рента? Какъ входитъ она въ цѣну богатствъ и почему она то входитъ, то не входитъ составною частью этой цѣны? (*Кн. I, гл. 11*).

Раздѣленіе валовыхъ продуктовъ земли на два разряда:

1) Продукты, которые всегда непремѣнно продаются, принося ренту землевладѣльцу.

2) Продукты, которые, смотря по обстоятельствамъ, могутъ быть проданы, не принося никакой ренты, хотя бываютъ изъ нихъ иногда и такіе продукты, которые продаются и приносятъ ренту.

Валовые продукты перваго разряда добываются изъ земли, чтобы доставить пищу человѣку и животнымъ, которыми онъ питается. Цѣнность продукта съ земель, воздѣлываемыхъ ради пропитанія человѣка, опредѣляетъ цѣнность всѣхъ другихъ земель, способныхъ къ культурѣ. Это общее правило допускаетъ нѣкоторыя исключенія; объясненіе послѣднихъ.

Продукты второго разряда—изъ матеріаловъ для одежды, жилища, отопленія, мебели, утвари и предметовъ украшенія и обстановки. Цѣнность этихъ продуктовъ зависитъ отъ цѣнности продуктовъ перваго разряда. Подъ вліяніемъ какихъ обстоятельствъ продукты этого разряда могутъ продаваться такъ, что доставляютъ ренту владѣльцу земли, изъ которой они добыты. (*Тамъ же*).

Отношеніе между цѣнностями продуктовъ перваго и второго разряда. Измѣненія въ этихъ отношеніяхъ и причины измѣненій. (*Тамъ же*).

Отношенія между цѣнностями сырыхъ продуктовъ обоихъ разрядовъ и цѣнностями мануфактурныхъ издѣлій. Измѣненія, происходящія въ этихъ отношеніяхъ. (*Тамъ же*).

Нѣкоторые сырые продукты, добытые изъ весьма различныхъ источниковъ, предназначены однако на одно и тоже потребленіе или на удовлетвореніе одинаковой потребности, одинаковыхъ удобствъ жизни; таковы напримѣръ: дрова и уголь для отопленія, воскъ и масло для освѣщенія. Цѣнности этихъ продуктовъ взаимно опредѣляютъ другъ друга. (*Тамъ же*).

Взаимныя отношенія между разными цѣнностями измѣняются, смотря по состоянію общества. Оно или *движется впередъ*, или *отступаетъ назадъ*, или остается *неподвижно*, т.-е. общество или стремится къ наибольшему благосостоянію, или идетъ къ обѣдненію, или держится на одной и той же степени богатства, нейдетъ впередъ и не пятится назадъ.

Какое вліяніе имѣютъ эти различныя общественныя условія на величину заработной платы (*Кн. I, гл. 8*), прибыли (*Кн I, гл. 9*), на цѣнность сырыхъ продуктовъ земли и мануфактурныхъ издѣлій (*Кн. I, гл. 11*). Въ этомъ отношеніи разница между различными сырыми продуктами, количество которыхъ не можетъ быть умножено промышленностью человѣка: — количество которыхъ не можетъ быть умножено, соотвѣтственно спросу; — на умноженіе которыхъ человѣческая промышленность дѣйствуетъ въ степени ограниченной (*Кн. I., гл. 11*).

Вторая часть.

Богатства въ ихъ общемъ значеніи и ихъ функціи.

Богатства, накопленныя въ рукахъ частнаго человѣка, бываютъ двухъ родовъ, смотря по назначенію, которое онъ предполагаетъ дать имъ.

1) Богатства, назначенныя для потребленія въ настоящее или будущее время.

2) Богатства, употребляемыя какъ капиталъ, для полученія съ него дохода (*Кн. II, гл. 1*).

Капиталъ, употребленный въ дѣло, бываетъ двухъ родовъ: 1) капиталъ *постоянный*, даетъ доходъ, не перемѣняя владѣльца. 2) Капиталъ *оборотный* даетъ доходъ своему владѣльцу при условіи, если онъ мѣняетъ его. (*Кн. II, гл. 1*).

Всѣ накопленныя богатства общества могутъ быть раздѣлены на слѣдующія три части:

1) Запасы, назначенные для настоящаго или будущаго потребленія тѣми, кто владѣетъ ими.

2) *Постоянный* капиталъ общества.

3) *Оборотный* капиталъ общества.

Постоянный капиталъ общества составляютъ: 1) Всѣ машины и орудія производства. 2) Всѣ зданія и постройки, назначенные на какое-нибудь производство. 3) Всѣ расходы и улучшенія, сдѣланные для увеличенія производительности земли. 4) Таланты и искусство, пріобрѣтенные нѣкоторыми членами общества, которые, благодаря времени и расходамъ, осуществили на себѣ самихъ накопленный трудъ, необходимый для такихъ издержекъ.

Оборотный капиталъ общества составляютъ: 1) Находящіяся въ обращеніи деньги. 2) Запасы съѣстныхъ припасовъ въ рукахъ самихъ производителей

и торговцевъ, сохраняемые какъ тѣми, такъ и другими для перепродажи ихъ съ барышомъ. 3) Матеріалы для жилища, одежды, обстановки и украшенія, болѣе или менѣе обработанные и находящіеся въ рукахъ рабочихъ, занятыхъ окончательною отдѣлкою ихъ и приготовленіемъ для не посредственнаго потребленія. 4) Товары, совсѣмъ оконченные и годные для потребленія и сохраняющіеся въ магазинахъ и торговыхъ лавкахъ для продажи ихъ съ барышомъ, или на судахъ, въ вагонахъ и другихъ экипажахъ, которые перевозятъ ихъ за счетъ купцовъ или потребителей. (*Кн. II, гл. 1*).

Взаимныя отношенія этихъ двухъ родовъ капиталовъ. (*Тамъ же*).

Путь, которому слѣдуетъ *оборотный* капиталъ, прежде чѣмъ онъ поступаетъ въ составъ *постояннаго* капитала или въ запасъ, назначенный прямо для потребленія. (*Тамъ же*).

Источниками, изъ которыхъ постоянно возобновляется *оборотный* капиталъ по мѣрѣ того, какъ онъ умаляется, поступая или въ капиталъ постоянный или въ запасъ для потребленія, служатъ: земля, рудники, каменоломни и рыболовство. (*Тамъ же*).

Роль, которую играютъ деньги въ обращеніи (*Кн. II, гл. 2.*); чѣмъ можетъ быть достигнуто тоже назначеніе съ меньшими расходами и неудобства, отсюда проистекающія. (*Тамъ же*).

Запасы, отдаваемые взаймы за проценты, и обстоятельства, устанавливающія отношеніе этихъ запасовъ къ совокупной массѣ запасовъ, существующихъ въ обществѣ. Количество запасовъ, назначенныхъ къ отдачѣ взаймы, нисколько не зависитъ отъ

звонкой монеты, находящейся въ обращеніи (*Кн. II, гл. 4*).

Основанія, по которымъ устанавливается общій уровень денежнаго процента. (*Тамъ же*).

Существуетъ необходимое отношеніе между этимъ уровнемъ и торговою цѣною земли. (*Тамъ же*).

Третья часть.

Какъ совершается умноженіе и распредѣленіе богатствъ.

Богатства умножаются по мѣрѣ того, какъ увеличивается сила, ихъ производящая, какъ въ отношеніи ея энергіи, такъ и объема. (*Кн I, введеніе*).

Трудъ, образующій эту силу, усиливается въ энергіи: 1) вслѣдствіе раздѣленія одной работы или одного мануфактурнаго предмета на многія отдѣльныя части, исполняемыя разными руками; 2) вслѣдствіе изобрѣтенія машинъ, сокращающихъ и облегчающихъ трудъ. (*Кн. I, гл. 1*).

Раздѣленіе усиливаетъ энергію труда: 1) искусствомъ и ловкостью, которыя пріобрѣтаетъ рабочій; 2) сбереженіемъ времени, которое даромъ тратится на переходъ отъ одной работы къ другой. (*Тамъ же*).

Изобрѣтеніе машинъ есть само результатъ раздѣленія труда. (*Тамъ же*).

Особая, врожденная людямъ наклонность мѣняться между собою разными продуктами своего труда и взаимныхъ талантовъ, есть начало, породившее раздѣленіе труда. (*Кн. I, гл. 2*).

Раздѣленіе труда непремѣнно ограничивается количествомъ возможныхъ обмѣновъ, т.-е. обширностью рынка; отсюда все, что содѣйствуетъ рас-

ширенію рынка страны, облегчаетъ ей достиженіе благоденствія (*Кн. I, гл. 3*).

Трудъ увеличивается въ объемѣ въ прямомъ отношеніи: 1) къ наибольшему накопленію капиталовъ; 2) къ способу, какимъ употребляются въ дѣло эти капиталы. (*Кн. I, Введеніе*).

Капиталы умножаются тѣмъ скорѣе, чѣмъ больше въ обществѣ производительныхъ потребителей, сравнительно съ не производительными. (*Кн I. гл. 3*).

Взаимное отношеніе этихъ двухъ разрядовъ потребителей опредѣляется пропорціей между частью годового продукта, предназначенной къ возмѣщенію капитала, и тою частью его, которая должна служить доходомъ. (*Тамъ же*).

Отношеніе между тою частью годового продукта, которая поступаетъ въ капиталъ, и тою, которая становится доходомъ, очень велико въ богатой странѣ и слабо въ странѣ бѣдной. (*Кн. I. гл. 3*).

Въ богатой странѣ земля, взятая *безотносительно*, гораздо сильнѣе, чѣмъ въ бѣдной, а *относительно* затраченнаго капитала гораздо слабѣе. (*Тамъ же*).

Въ странѣ богатой прибыли съ капиталовъ вообще предсгавляютъ цѣнность безконечно большую; но относительно капитала они несравненно меньше, то-есть величина прибыли бываетъ гораздо выше въ странѣ бѣдной. (*Тамъ же*).

Промышленность даетъ продукты; но одна только бережливость направляетъ изъ нихъ въ массу капиталовъ то, что безъ нея оставалось бы въ доходахъ. (*Тамъ же*).

Бережливость частныхъ людей родится изъ принципа повсюду распространеннаго и постоянно дѣйствующаго, изъ внутренняго желанія каждаго улуч-

шить свое положеніе. Этотъ принципъ поддерживаетъ жизнь и поощряетъ умноженіе народнаго богатства, несмотря на мотовство нѣкоторыхъ отдѣльныхъ лицъ; онъ беретъ верхъ даже надъ расточительностью и ошибками правительствъ и исправляетъ ихъ. (*Тамъ же*).

Изъ разныхъ способовъ производить расходы — одинъ благопріятнѣе для умноженія народнаго богатства, чѣмъ другой. (*Тамъ же*).

Родъ помѣщенія капитала приводитъ въ движеніе больше или меньше народнаго труда, а слѣдовательно въ большей или меньшей степени содѣйствуетъ *расширенію* народнаго труда.

Капиталъ можетъ быть употребляемъ только четырьмя способами:

1) На землю и ея улучшеніе, то-есть на умноженіе сырыхъ продуктовъ.

2) На содержаніе рабочихъ на фабракѣ.

3) На оптовыя закупки съ цѣлью продать ихъ также оптомъ.

4) На закупки оптомъ для перепродажи въ розницу.

Эти четыре способа употребленія капитала одинаково необходимы другъ для друга и взаимно поддерживаютъ одинъ другого.

Первый изъ этихъ промысловъ содержитъ, безъ всякаго сравненія съ другими, наибольшее количество производительнаго труда; второй одинъ — болѣе чѣмъ остальные два вмѣстѣ взятые, а четвертый—меньше всѣхъ.

Третьимъ способомъ капиталъ можетъ быть употребляемъ трояко, и въ очень различныхъ степе-

нихъ поддерживаетъ и поощряетъ народную промышленность.

Если капиталъ употребляется на обмѣнъ произведеній внутренней промышленности однихъ на другія, то служитъ такою же поддержкою этой промышленности, какъ и всякій капиталъ, затраченный на торговлю.

Если капиталъ употребляется на обмѣнъ произведеній внутренней промышленности на предметы иностраннаго производства, то онъ на-половину служитъ поддержанію послѣдняго и оказываетъ содѣйствіе внутренней промышленности вдвое меньше, чѣмъ сколько онъ могъ бы оказать ей, дѣйствуя инымъ способомъ, т.-е. содѣйствуя взаимному обмѣну произведеній только внутренней промышленности.

Если, наконецъ, капиталъ употребляется на обмѣнъ произведеній иностранной промышленности однихъ на другіе, что называется *торговлею перевозочною* (de transport), то сполна служитъ поощреніемъ промышленности двухъ иностранныхъ государствъ и не прибавляетъ къ годовому продукту своей страны ничего кромѣ частной прибыли, полученной торговцемъ (*Кн. II, гл. 4*).

Частный интересъ, предоставленный самому себѣ, непремѣнно побуждаетъ владѣльца капитала предпочесть, при всѣхъ другихъ равныхъ условіяхъ, употребленіе его на народную промышленность, какъ наиболѣе благопріятное, потому что оно наиболѣе выгодно и для него самого. (*Тамъ же*).

Если часто говорилось, что капиталы принимали иное направленіе, чѣмъ то, какое естественно указывалось имъ вѣрнымъ инстинктомъ личнаго инте-

реса, то это происходило вслѣдствіе особыхъ обстоятельствъ, въ какихъ находились европейскія правительства и вслѣдствіе того, что надъ системами ихъ управленія брали верхъ меркантильные разсчеты и широко распространенные предразсудки. Объясненіе этихъ обстоятельствъ и изложеніе ошибокъ такой системы управленія составляетъ, какъ замѣчено было выше, содержаніе третьей и четвертой книги «Изслѣдованій» Смита.

СОДЕРЖАНІЕ

„Изслѣдованій" Адама Смита.

Введеніе и планъ сочиненія.—Обзоръ содержанія каждой книги „Изслѣдованій".

КНИГА I.

О причинахъ, усовершенствовавшихъ производительныя силы труда, и о порядкѣ, по которому его произведенія естественно роспредѣляются между разными классами народа.

Глава 1.—О раздѣленіи труда.

Выгодность раздѣленія труда.—Причины этой выгодности.—Польза торговли: общая картина торговой солидарности народовъ.

Глава 2.—О принципѣ, вызывающемъ раздѣленіе труда.

Этотъ принципъ — врожденное людямъ стремленіе къ взаимному обмѣну, которымъ руководитъ сознаніе собственной выгоды.

Глава 3.—Раздѣленіе труда ограничивается обширностью рынка.

Городъ и деревня. – Городской и деревенскій рынокъ.—Важность путей сообщенія и преиму-

щество водяныхъ сообщеній.—Начало культуры по берегамъ морей и рѣкъ.

Глава 4.—О происхожденіи и употребленіи денегъ.

Историческія подробности о происхожденіи и чеканкѣ монеты въ разныя эпохи.—Соотвѣтствіе цѣны монеты вѣсу металла. — Нарушеніе этого правила и послѣдствія его.—Полезность и цѣнность денегъ.

Глава 5. — О дѣйствительной и нарицательной цѣнѣ товаровъ, или о цѣнѣ ихъ, опредѣляемой трудомъ и деньгами.

Трудъ есть общее мѣрило цѣнностей; но цѣнность золота и серебра представляетъ собою въ практической жизни мѣрило болѣе удобное.—Историческое отступленіе—о цѣнности хлѣба, о составѣ и приготовленіи монеты золотой, серебряной и мѣдной, и о законномъ содержаніи металла въ монетѣ.—Замѣтки Буханана, Шторха и Макъ-Коллоха пополняютъ и исправляютъ разсужденія Смита.

Глава 6.—О составныхъ частяхъ цѣны товаровъ.

Разборъ составныхъ частей цѣны, или издержекъ производства, изъ которыхъ она образуется: заработной платы, прибылей съ капиталовъ, ренты землевладѣльцевъ и барыша предпринимателей.

Глава 7.—О естественной и рыночной цѣнѣ товаровъ.

Различіе между естественной и рыночной цѣной.—Теорія спроса и предложенія.—Вліяніе земельной ренты, которая приравнивается выгодѣ, происходящей отъ какого нибудь промышленнаго секрета или монополіи.

Глава 8.—О заработной платѣ.

Обстоятельства, вліяющія на величину заработной платы.—Борьба хозяевъ съ рабочими: стачки тѣхъ и другихъ.—Кто проигрываетъ въ этихъ стачкахъ.—Положеніе рабочихъ въ Сѣверной Америкѣ (Соединенныхъ Штатахъ), въ Китаѣ, Великобританіи и Шотландіи въ XVII вѣкѣ.—Увеличеніе народонаселенія.—Вліяніе на заработную плату обилія и недостатка хлѣба, а также цѣнъ на жизненные припасы.—Замѣтки Шторха, Буханана, Рикардо.

Глава 9.—О прибыли съ капитала.

Измѣненія въ размѣрѣ процентовъ и прибыли съ капитала.—Обзоръ ихъ въ разныхъ государствахъ: въ Англіи, Шотландіи, Франціи, Голландіи, Сѣверной Америкѣ, Индіи.—Колебаніе прибылей и заработной платы и значеніе ихъ въ странахъ бѣдныхъ, не подвижныхъ и двигающихся впередъ.

Глава 10.—О заработной платѣ и прибыляхъ при различныхъ употребленіяхъ труда и капитала.

Отдѣленіе 1.—Неравенство, проистекающее изъ самаго свойства занятій. Разборъ есте-

ственныхъ обстоятельствъ, вліяющихъ на заработную плату и прибыли, смотря по свойству профессій и предпріятій — пять для заработной платы и два для прибылей.

Отдѣленіе 2. — Неравенства происходящія отъ правительственнаго вмѣшательства. — Вліяніе цеховыхъ корпорацій и административныхъ распоряженій. — Населеніе городовъ сравнительно съ деревенскимъ населеніемъ — Конкурренція либеральныхъ профессій. — Такса въ пользу бѣдныхъ. — Препятствія къ переселеніямъ. — Такса на заработную плату и на съѣстные припасы.

Глава 11. — О рентѣ съ земли.

Общее понятіе о земельномъ доходѣ и рентѣ.

Отдѣленіе 1. — О продуктѣ, доставляющемъ всегда возможность уплатить ренту. — Свойство земельной ренты. — Историческія подробности о цѣнѣ средствъ пропитанія, которыя всегда доставляютъ ренту землевладѣльцу. — Агрономическія и экономическія соображенія о культурѣ хлѣбныхъ растеній, винограда, сахарнаго тростника, табаку, картофеля.

Отдѣленіе 2. — Обзоръ продуктовъ, то доставляющихъ, то не доставляющихъ, чѣмъ уплатить ренту. — Матеріалы для одежды и жилища; продукты рудниковъ; каменный уголь; драгоцѣнные металлы и драгоцѣнные камни.

Отдѣленіе 3. — Измѣненія цѣнностей продуктовъ двухъ первыхъ разрядовъ. — Длинное отступленіе объ измѣненіяхъ цѣнности денегъ въ продолженіе четырехъ послѣднихъ столѣтій.

Заключеніе. — Взаимное отношеніе заработной платы, прибыли съ капитала и ренты. — Представители этихъ трехъ разрядовъ народнаго дохода: рабочіе, капиталисты, землевладѣль-

цы.—Значеніе каждаго изъ этихъ трехъ классовъ въ обществѣ.

Глава 12. — Отступленіе о колебаніяхъ цѣнности денегъ въ теченіе послѣднихъ четырехъ столѣтій; о вліяніи успѣховъ народнаго богатства и о различныхъ родахъ сырыхъ продуктовъ и дѣйствительной цѣнѣ фабричныхъ издѣлій.

1.—Колебанія цѣнности серебра въ теченіе четырехъ послѣднихъ столѣтій.

Первый періодъ, съ 1350 по 1570 г.
Второй періодъ, съ 1570 по 1640 г.
Третій періодъ, съ 1637 по 1700 г.

2. — Колебанія относительной цѣнности золота и серебра.

3. — Обстоятельства, по которымъ заподозрили, что цѣнность серебра всегда наклонна къ паденію.

4. — О различномъ вліяніи успѣховъ народнаго богатства на три разные разряда сырого продукта. — Эти три разряда сырого продукта суть: продукты, на умноженіе которыхъ человѣческая промышленность не имѣетъ никакого, или почти не имѣетъ никакого вліянія.—Продукты, количество которыхъ можетъ быть увеличено соотвѣтственно спросу на нихъ.—Продукты, умноженіе которыхъ только отчасти зависитъ отъ человѣческой промышленности.

5. Заключеніе этого отступленія.

6. Вліяніе успѣховъ народнаго богатства на дѣйствительную цѣну фабричныхъ издѣлій.

Таблица цѣнъ на хлѣбъ въ аббатствѣ Флитвудъ, съ 1202 по 1601 г. и съ 1595 по 1764 г.

КНИГА II.

О природѣ запасовъ и капиталовъ, ихъ накопленіи и употребленіи.

Введеніе.—Какое вліяніе имѣетъ умноженіе капиталовъ на промышленность и производительную силу труда.

Глава 1.—О различныхъ частяхъ, на которыя дѣлятся капиталы. Разборъ разныхъ родовъ капиталовъ.—Вліяніе общественной безопасности на употребленіе капиталовъ.

Глава 2.—О деньгахъ, какъ особой части общаго капитала, или о расходахъ, которыхъ требуетъ содержаніе народнаго капитала.—О банкахъ.

Къ этому заглавію прибавлены слова: *о банкахъ*, потому что Смитъ говоритъ здѣсь объ этихъ учрежденіяхъ и выпускаемыхъ ими бумажныхъ деньгахъ, а также объ основаніяхъ устройства банковъ.—Разсмотрѣвъ роль монеты, какъ капитала, онъ разбираетъ ее параллельно съ ролью капитала и дохода и потомъ излагаетъ дѣятельность банковъ и значеніе выпускаемыхъ ими билетовъ; съ особенною подробностью говорится о шотландскихъ банкахъ. Подробно говорится также объ исторіи англійскаго банка, о системѣ Ло, и о банкахъ Сѣв. Америки.—Къ этой главѣ приложено много важныхъ теоретическихъ, историческихъ и ста-

тистическихъ примѣчаній Буханана, Макъ-Коллоха и др.

Глава 3.—О производительномъ и не производительномъ трудѣ. — О накопленіи капиталовъ.

Образованіе капиталовъ производительнымъ трудомъ и бережливостью. — Потребленіе капиталовъ и доходовъ. — Вліяніе мотовства и роскоши частныхъ лицъ въ главныхъ центрахъ населенія.—Вліяніе расточительности правительствъ, выражающейся въ расходахъ по содержанію войскъ, въ роскоши и расходахъ по представительству. — Количество звонкой монеты, необходимое для обращенія.—Здѣсь разсматривается значеніе *не производительнаго* труда: подъ этимъ словомъ разумѣется не только трудъ не умѣлыхъ людей, работающихъ безъ всякой выгоды, но и трудъ, употребленный на такія предпріятія, которыя не даютъ въ результатѣ никакого матеріальнаго богатства.

Глава 4. —Запасы, отдаваемые въ ростъ на проценты.

Свойство кредита и отдача капитала въ заемъ, а также роль монеты въ обмѣнахъ.—Вліяніе увеличенія драгоцѣнныхъ металловъ на величину процента и законы о ліхоимствѣ.

Глава 5.—О различныхъ употребленіяхъ капиталовъ.

Разсмотрѣніе способовъ помѣщенія капитала на обработку земли и рудниковъ, а также въ мануфактурной промышленности и въ торговлѣ оптовой и розничной.—Опредѣленіе ренты.—

Вліяніе капиталовъ на развитіе народнаго благосостоянія, на оптовую торговлю вообще и на перевозочную торговлю въ частности.—О покупкахъ золота и серебра и англійскомъ вывозѣ: первое опроверженіе меркантильной системы (подробное разсмотрѣніе ея въ кн. IV.

КНИГА III.

Объ общемъ ходѣ благосостоянія у разныхъ народовъ.

Глава 1.—Естественное развитіе благосостоянія.

Взаимныя отношенія между городомъ и деревней.—Постепенное развитіе земледѣлія, мануфактурной промышленности и торговли.

Глава 2.—Какъ земледѣліе было заброшено въ Европѣ послѣ паденія римской имперіи.

Преимущества первородства. — Субституціи, какъ прямое слѣдствіе первородства.—Рабство и невольничество.—Крѣпостное право. — Половничество. — Фермерство. — Вольныя фермы. — Оброки.—Налоги. — Запрещенія и стѣсненія во внѣшней торговлѣ.

Глава 3.—Какъ возникали и возрастали города послѣ паденія римской имп'еріи.

Въ англійскомъ текстѣ употреблены здѣсь два термина: Town—городъ и City—мѣстечко. Послѣдній изъ этихъ терминовъ употребляется въ Англіи для обозначенія такого поселенія, въ которомъ имѣлъ пребываніе епископъ. Въ переводѣ это различіе терминовъ не имѣетъ значенія.—Возникновеніе третьяго сословія.—

Развитіе городскихъ республикъ въ Италіи и Швейцаріи.—Промышленность и торговля въ городахъ.

Глава 4.—Какъ городская торговля содѣйствовала благосостоянію деревень. Начало юрисдикціи—судъ и расправа.—Вліяніе феодальныхъ законовъ.—Расходы крупныхъ собственниковъ.—Начало арендъ на продолжительные сроки.—Улучшеніе земель торговыми людьми.—Капиталъ, пріобрѣтаемый въ странѣ торговлею, фабриками, улучшеніемъ почвы.

КНИГА IV.

О системахъ политической экономіи.

Введеніе.—Нѣсколько объяснительныхъ строкъ о раздѣленіи предмета изученія.—Опредѣленіе политической экономіи.

Глава 1.—Начало, на которомъ основывается меркантильная система. Излагая ошибки и софизмы, на которыхъ основана меркантильная система, Смитъ говоритъ о ввозѣ и вывозѣ звонкой монеты.—Роль монеты и количество ея, требуемое обращеніемъ.—Вліяніе войны и содержанія армій за границей на обращеніе.—Казна государей.—Свойство внѣшней торговли.—Дѣйствіе, произведенное открытіемъ Америки, мыса Доброй Надежды и привилегированными компаніями.

Глава 2.—О преградахъ къ ввозу такихъ иностранныхъ товаровъ, которые могутъ быть произведены дома.

Капиталы естественно стремятся къ наилучшему помѣщенію, въ силу свободнаго выбора владѣльцевъ капиталовъ, а правительства не могутъ дать полезнаго направленія такому стремленію. — Вредное вліяніе искусственнаго направленія капиталовъ, посредствомъ покровительства народной промышленности запрещеніями, таможенными пошлинами на иностранные товары. — Ввозъ скота, мяса и хлѣба. — Исключенія изъ теоріи о свободной торговлѣ. Смитъ допускаетъ два случая, когда требуется нѣкоторое обложеніе иностранной промышленности; одинъ случай — водворенія промышленности, необходимой для защиты страны, что̀ приводитъ его къ разсмотрѣнію Навигаціоннаго акта; другой случай — обложенія внутренней промышленности, что̀ даетъ поводъ къ опредѣленію вліянія налоговъ на цѣну товаровъ и на благосостояніе народовъ. — Таможенныя репрессаліи. — Возстановленіе свободы торговли. — Нетерпимость монополистовъ и приверженцевъ запрещеній. — Примѣчанія Буханана и слова Питта по поводу трактата 1786 г. (См. гл. 6).

Глава 3. — О чрезвычайныхъ стѣсненіяхъ ввоза товаровъ изъ странъ, съ которыми торговый балансъ считается не выгоднымъ. — Векселя. — Депозитные банки.

Отдѣленіе 1. — Нелѣпость такихъ стѣсненій доказывается началами самой меркантильной системы.

Мѣры, принимаемыя противъ ухода монеты

за границу. — Цѣна векселя, какъ признакъ благопріятнаго или не благопріятнаго баланса.—Отступленіе: о депозитныхъ банкахъ и въ особенности о банкѣ амстердамскомъ.

Отдѣленіе 2. — Нелѣпость торговой регламентаціи доказывается на основаніи другихъ принциповъ.

Выгоды для страны мѣняться товарами съ другою богатою страною и выгода для частнаго человѣка мѣняться съ другими богатыми людьми. — Выгода взаимной свободной торговли между Англіей и Франціей. — Торговля виномъ и пьянство на Сѣверѣ. — Балансъ годового производства и потребленія.

Глава 4.—Возвращеніе пошлинъ (Drawbacks).

Разные случаи освобожденія отъ пошлинъ въ то время, когда жилъ Смитъ.—Обманы, которымъ подаютъ поводъ такія мѣры.—Полное изложеніе этого предмета въ кн. V, гл. 2.

Глава 5.—О преміяхъ.

Вліяніе премій за вывозъ хлѣба однородно съ запрещеніями вывоза золота и серебра въ Испаніи и Португаліи.—Преміи вообще и преміи за вывозъ хлѣба въ частности. — Преміи въ пользу производства и въ особенности за ловъ сельдей. — Преміи за продукты, необходимые для народной обороны.—Поощренія (въ родѣ премій) отличившимся художникамъ и фабрикантамъ.

Отступленіе.—О хлѣбной торговлѣ и о хлѣбныхъ законахъ.

О вліяніи хлѣбныхъ законовъ временъ авто-

ра за внутреннюю торговлю, на привозъ, вывозъ и перевозочную торговлю.—Свобода благопріятна производителю, торговцу и потребителю.—Мѣры правительства увеличиваютъ недостатокъ въ хлѣбѣ и усиливаютъ народные предразсудки.

§ 1. Торговля внѣшняя.
§ 2. Торговля привозная.
§ 3. Торговля отпускная.
§ 4. Торговля перевозочная.

Прибавленіе къ гл. 5. Два статистическія документа по лову сельдей въ Шотландіи.

Глава 6.—О торговыхъ договорахъ.—Ввозъ золота.—Пошлина за чеканку монеты.

Что такое торговые договоры? — Торговый договоръ въ Метюенѣ въ 1703 году между Англіей и Португаліей. — Въ особомъ примѣчаніи Макъ-Коллохъ говоритъ о другомъ договорѣ, часто упоминаемомъ въ экономическихъ сочиненіяхъ,—1786 г. между Франціей и Англіей.—Вывозъ золота изъ Португаліи и ввозъ золота въ Англію.—Чеканка монеты. (*См. Кн. I, гл. 4 и 5*).

Глава 7.—О колоніяхъ.

Отдѣленіе 1.—О причинахъ, побудившихъ къ учрежденію новыхъ колоній.

Описаніе колоній греческихъ, римскихъ и новѣйшихъ, учрежденныхъ европейцами. — Подробности открытій Хр. Колумба; первая эксплуатація метрополіей острова С.-Домипго.—Толчокъ, данный стремленію къ открытіямъ жаждою золота.

Отдѣленіе 2. — Причины благосостоянія новыхъ колоній.

Разныя учрежденія европейскихъ народовъ и средства извлеченія изъ нихъ выгодъ. — Причины благосостоянія англійскихъ колоній: свободный переходъ наслѣдствъ, умѣренность налоговъ, наибольшая свобода торговли, важность разныхъ производствъ. — Худшее положеніе испанскихъ колоній. — Невольничество. — Навигаціонный актъ. — Замѣчаніе Макъ-Коллоха объ этомъ послѣднемъ.

Отдѣленіе 3. — О выгодахъ, полученныхъ Европою отъ открытія Америки и проѣзда въ Индію около мыса Доброй Надежды.

Расширеніе потребленія и усиленіе промышленности. — Значеніе торговли съ колоніями, какъ свободной, такъ и монопольной; вліяніе ея на распредѣленіе капиталовъ, на земледѣліе и промышленность въ Европѣ, а также и на самыя колоніи. — Подробности управленія англійскими колоніями въ то время, какъ началась борьба, изъ которой возникли свободные Сѣверо-Американскіе Штаты. — Предположеніе о присоединеніи колоній къ Великобританіи и допущеніе представительства ихъ въ парламентѣ. — Взглядъ Смита на будущность этихъ колоній. — Замѣтки Жерм. Гарнье и Бюханана. — Слова Борка. — Открытіе проѣзда около мыса Доброй Надежды содѣйствовало развитію меркантильной системы и монополіи заокеанической торговли. — Подробности дѣятельности привилегированныхъ компаній и въ

особенности объ управленіи остъ-индской компаніей.—Замѣтка Жерм. Гарнье о преимуществахъ Суецкаго канала. — Замѣтки МакъКоллоха объ англійской компаніи въ Индіи.

Глава 8.—Заключеніе о меркантильной системѣ.

Мѣры, которыми меркантильная система, въ противность своему общему направленію, поощряетъ ввозъ преміями и стѣсняетъ вывозъ товаровъ. — Любопытныя подробности о стѣсненіяхъ вывоза шерсти и варварство законодательства по этому предмету.—Защита потребителя отъ посягательствъ меркантильной системы.

Глава 9.—О земледѣльческихъ системахъ или о такихъ системахъ политической экономіи, которыя признаютъ продуктъ съ земли то за единственный, то за главный источникъ народнаго дохода и богатства.

Идеи Кольбера, которымъ Смитъ не придаетъ большого значенія. — Теорія физіократовъ. — Онъ одобряетъ ихъ за возвѣщенную ими свободу, но опровергаетъ ихъ по другимъ пунктамъ.— Обзоръ странъ, въ которыхъ прилагались наибольшія заботы къ развитію и упроченію земледѣлія: Китая, Египта и Индостана.— Понятія классическихъ народовъ о трудѣ: рабство, какъ причина дороговизны предметовъ потребленія въ древности. — Желая покровительствовать земледѣлію, часто только вредятъ ему. — Система естественной свободы: самая простая и легкая; призваніе правительствъ не

въ томъ, чтобы имѣть надзоръ за народною промышленностью, а въ томъ, чтобы оберегать ея свободу и независимость, водворить правильный и справедливый судъ и содержать нѣкоторыя общественныя предпріятія и такія учрежденія, которыя не могутъ возникнуть и существовать на частныя средства.

КНИГА V.

О доходѣ государя и государства.

Глава 1. О расходахъ, лежащихъ на обязанности государя и государства.

Отдѣленіе 1.—О расходахъ на общественную оборону.

Военное устройство у народовъ охотничьихъ, пастушечьихъ и земледѣльческихъ; у древнихъ грековъ и римлянъ и въ новыхъ монархіяхъ.— Возникновеніе регулярныхъ армій и превосходство ихъ надъ милиціями. — Вліяніе мира на военные расходы. — Опасность, которою арміи грозятъ свободѣ страны. — Увеличеніе военныхъ расходовъ соотвѣтственно развитію цивилизаціи.

Отдѣленіе 2.—О расходахъ на отправленіе правосудія.

Основаніе личнаго превосходства. — Развитіе судебной власти и системы вознагражденія судей. — Подробности о тулузскомъ парламентѣ и англійскихъ судахъ въ послѣднее столѣтіе.

Отдѣленіе 3.—О расходахъ на общественныя работы и учрежденія.

Ст. 1.—О работахъ и учрежденіяхъ для облегченія торговыхъ сношеній въ обществѣ.

§ 1. О работахъ и учрежденіяхъ для облегченія торговли вообще. — Устройство и содержаніе путей сообщенія, большихъ и проселочныхъ дорогъ, каналовъ.—Примѣры: изъ исторіи Англіи, Франціи и Китая.

§ 2. О работахъ и учрежденіяхъ для облегченія отдѣльныхъ отраслей торговли. — Торговыя компаніи, облеченныя верховною властью. — Другія компаніи, привилегированныя и не привилегированныя. — Замѣтки Макъ-Коллоха объ акціонерныхъ компаніяхъ.

Ст. 2.—О расходахъ на содержаніе заведеній для воспитанія юношества. Доброе вліяніе конкурренціи и прямого вознагражденія учителей, на тѣхъ, кто пользуется своими уроками.—Разборъ состоянія университетовъ во время Смита.—Обзоръ народнаго обученія и общественныхъ нравовъ у грековъ и римлянъ.—Способы, какіе можетъ употреблять государство для развитія обученія въ разныхъ классахъ общества и сохраненія энергіи, необходимой для его защиты.

Ст. 3. О расходахъ на учрежденія для образованія людей всякаго возраста. Разсужденія о духовенствѣ и его вліяніи.—Въ чемъ должно состоять устройство духовенства, наиболѣе благопріятное для внутренняго спокойствія и умиротворенія умовъ.—Отзывы Юма.—Доброе вліяніе конкурренціи между религіозными сектами на ихъ собственную нравственность, на общество и на государя.—Огромное и опасное вліяніе католическаго духовенства.—Реформація. — Катоики, протестанты, англикане и пресвитеріанцы въ Шотландіи.

Отдѣленіе 4.—О расходахъ для поддержанія достоинства государя.

Заключеніе. Общій обзоръ перечисленныхъ выше

расходовъ. — Чѣмъ они должны покрываться: на общій ли счетъ государства, или на средства частныхъ лицъ, извлекающихъ свою непосредственную пользу?

Глава 2.—Источники общественныхъ доходовъ или доходовъ государства.

Отдѣленіе 1.—Объ имуществахъ или источникахъ дохода, принадлежащихъ собственно государю или государству.—Обзоръ источниковъ доходовъ, принадлежащихъ разнымъ государствамъ.—О доходѣ съ земель, отъ продажи и съ общественныхъ имуществъ. — Замѣтки Жерм. Гарнье о территоріальномъ доходѣ во Франціи.

Отдѣленіе 2.—О налогахъ.—Четыре правила по обложенію налогами. — Замѣтка Жерм. Гарнье по этому поводу.

Ст. 1.—Налоги на земельный доходъ и наемъ квартиръ.

§ 1. Налоги на земельный доходъ.—Замѣтки Макъ-Коллоха и Буханана.

§ 2. Налоги, пріуроченные къ продукту земли, а не къ доходу землевладѣльца.—Десятины.

§ 3. Квартирный налогъ.—Подымная подать.—Налогъ на окна и пр.

Ст. 2.—Налоги на прибыль, или на доходъ съ капитала.—Налоги, падающія преимущественно на прибыли съ нѣкоторыхъ помѣщеній капиталовъ.

Прибавленіе къ ст. 1 и 2.—Налоги на капитальную цѣнность земель, домовъ и движимаго имущества. — Налогъ на переходъ имущества, съ наслѣдствъ, записей, штемпельныя и гербовыя пошлины и ипотечный.

Ст. 3.—Налоги на заработную плату. — Замѣтки Макъ-Коллоха и Буханана.

Ст. 4.—Налоги, падающіе безразлично на всякіе доходы.

§ 1. Поголовная (подушная) подать.

§ 2. Налоги на предметы потребленія. — Налоги на предметы необходимости.—На предметы роскоши.—Акцизъ.—Таможенныя пошлины.—Транзитныя пошлины.—Контрабандныя.—Регаліи.—Склады.

Глава 3.—О государственныхъ долгахъ.

Какъ государства пришли къ заключенію займовъ.—Историческія подробности объ англійскихъ долгахъ.—Погашеніе (амортизація).—Займы и налоги—сравненіе ихъ.—Банкротство въ древнее и новое время.—Поддѣлка монеты.—Способъ къ увеличенію источниковъ для погашенія долговъ.—Проектъ присоединенія колоній и подчиненія ихъ податной системѣ метрополіи, или прекращеніе всѣхъ расходовъ по содержанію колоній.—Выгоды союза Ирландіи съ Англіей.—Долгъ, составленный вслѣдствіе войны за колоніи.—Замѣтка Макъ-Коллоха объ уплатѣ долговъ и амортизаціи.—Замѣтка Дюфрена С.-Леона объ амортизаціонной кассѣ.

Таблица монетъ, вѣса и мѣръ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Отъ редакціи 3
Предисловіе къ французскому изданію . . . 16
Жизнь и труды Адама Смита.—Біографическія замѣтки А. Бланки и Курсель-Сенёля. I—XXXII
Введеніе и планъ сочиненія 1

Книга первая.

I. О раздѣленіи труда 7
II. О принципѣ, вызывающемъ раздѣленіе труда. 20
III. Раздѣленіе труда ограничивается обширностью рынка 27
IV. О происхожденіи и употребленіи денегъ. . 35
V. О дѣйствительной и нарицательной цѣнѣ товаровъ или о цѣнѣ ихъ, опредѣляемой трудомъ и деньгами. 49
VI. О составныхъ частяхъ цѣны товаровъ . . 59
VII. О заработной платѣ 74
VIII. О заработной платѣ и прибыляхъ при различныхъ употребленіяхъ труда и капитала. 100

Отдѣлъ первый. Неравенства, проистекающія изъ самаго свойства занятій. 101

Отдѣлъ второй. Неравенства, происходящія отъ правительственнаго вмѣшательства. 120

Заключеніе земельной рентѣ 129

Стр.

Книга вторая.

Введеніе 139
I. О различныхъ частяхъ, на которыя дѣлятся капиталы 143
II. О деньгахъ, какъ объ особой части общаго капитала 158
III. О накопленіи капиталовъ или о трудѣ производительномъ и не производительномъ. 195
IV. О запасахъ, отдаваемыхъ въ ростъ. . . . 205
V. О различномъ употребленіи капиталовъ . . 214

Книга третья.

1. О развитіи и успѣхахъ благосостоянія у разныхъ народовъ. 237
Отрывокъ изъ четвертой книги: заключеніе по разсмотрѣнію разныхъ системъ политической экономіи 245
Отрывокъ изъ пятой книги: четыре главныя правила обложенія налогами. 248
Систематическое изложеніе ученія Адама Смита. По Жермену Гарнье. 253
Содержаніе „Изслѣдованій“ Адама Смита. . . . 269

Опечатки.

	Напечатано:	Должно быть:
Стран. 1, примѣч. —	*потребносте*	*потребностей.*
„ 15, стр. 24 —	*камбинировать*	*комбинировать*
„ 27, заглавіе —	*общирностью*	*обширностью*
„ 86, примѣч. —	*пропитанія*	*для пропитанія*
„ 91, примѣч. —	*нерадивсти*	*нерадивости*
„ 92. примѣч. —	*большое*	*большее*
„ 111, стр. 11 —	*промысла*	*промысловъ*
„ 140, стр. 25 —	*посльдняя его*	*посльдняго*
„ 160, стр. 26 —	*то и думаемъ*	*но и думаемъ*
„ 179, стр. 11 —	*что Эти*	*что эти*
„ 196, стр. 10 —	*необходимо, посль*	*необходимо посль,*
„ 208, стр. 33 —	*покупаетъ*	*накупаетъ*
„ 232, стр. 23 —	*каботожную*	*каботажную*
„ 246, стр. 4 —	*руда*	*труда*

С.С.С.Р.
ИНСТИТУТ
К. Маркса и Энгельса
Л. 1. 5.